



**ТУРЦИЯ и СЛАВЯНСКИЙ МИР
ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
и ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ**

КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет истории, социологии и международных отношений
Центр славянских исследований

**ТУРЦИЯ И СЛАВЯНСКИЙ МИР:
вопросы международных отношений
и историко-культурных связей**

*Материалы Международной научно-практической конференции
(28 октября 2016 г.)*

Краснодар
2016

УДК 930.85:327(560) (430) (470+571)

ББК 63. 3(0) (5 Туц) (2)

Т 889

Редколлегия:

Э.Г. Вартамян, доктор исторических наук, профессор (науч. ред., сост.);
А.В. Ващенко, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета;
О.В. Матвеев, доктор исторических наук, профессор (науч. ред., сост.)

Рецензент:

С.И. Муртузалиев, доктор исторических наук, профессор

Т 889 Турция и славянский мир: вопросы международных отношений и историко-культурных связей: материалы Международной научно-практической конференции (28 октября 2016 г., Кубанский государственный университет, г. Краснодар) / *Науч. ред, сост. Э.Г. Вартамян, О.В. Матвеев.* Краснодар: Изд-во «Традиция», 2016. 166 с. Тираж – 100 экз.

ISBN 978-5-918-83-260-8

В издание вошли материалы очередной Международной научно-практической конференции, организованной Центром славянских исследований Кубанского государственного университета. Представленные работы ученых России, Чехии, Болгарии посвящены проблемам международных отношений, политическим, экономическим, культурным связям славянских народов и Турции, взаимным представлениям турок и славян. Сборник адресуется преподавателям и студентам, научным сотрудникам, работникам учреждений образования и науки.

УДК 930.85:327(560) (430) (470+571)

ББК 63. 3(0) (5 Туц) (2)

ISBN978-5-918-83-260-8

© Коллектив авторов,
2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выдающийся российский востоковед Илья Николаевич Березин, подготовивший в 1856 г. к изданию народные пословицы турецкого народа, отмечал в предисловии к этому собранию: «Посмотрим, каков должен быть идеал турка в главных очертаниях по требованию пословиц. Человек должен быть умён, добр, общителен, трудолюбив и знающ, храбр, нисколько не спешен, осторожен и приверженец середины». Такие нравственные постулаты турок вполне отвечали системе ценностей русских и украинцев, сербов и белорусов, чехов и македонцев. Общечеловеческие нравственные постулаты на протяжении столетий позволяли Турции и славянским народам преодолевать предубеждения, понимать друг друга, несмотря на войны, национальное угнетение, религиозные, идеологические и политические различия, обмениваться культурными достижениями. Михаил Литвин и Эвлия Челеби, Александр Пушкин и Ахмед Мидхат, Адам Мицкевич и Намык Кемаль, Иван Вазов и Мехмед Неджати-эфенди, украинская фольклористика и польский ориентализм, российская тюркология и хроники османских вака'невисов не без успеха налаживали пространство взаимопознания.

Соседство тюркских (в том числе, турецкого) и славянских народов было определено историей, а соседям надлежит жить в мире и согласии, общаться и преодолевать взаимные претензии. Критерии доброго соседства крайне необходимы и в современных довольно непростых взаимоотношениях Турции, бывших османских владений на Ближнем Востоке и славянских стран. Немало имеется желающих сорвать и без того напряжённый российско-турецкий диалог, обострить украинский, польский, македонский вопросы, ситуации с турками в Болгарии, с Крымом и Кавказом в России, с мусульманами в Боснии и в Метохии, искусственно навязать нашим народам образы естественных соперников, и тем самым дестабилизировать евразийское пространство.

В новых условиях глобализирующегося мира одни славянские государства вошли в Евросоюз и НАТО, другие ощущают угрозу своей идентичности и культурному наследию со стороны глобализационных процессов, находя альтернативу в тяготении к России. Турция – крупное региональное государство,

осуществляющее широкие международные связи, в том числе с Хорватией и Польшей, Украиной и Черногорией, Чехией и Беларусью, Россией и Болгарией.

Многовековое историческое соседство, уроки прошлого и вызовы современности ставят перед нами неотложные задачи изучения опыта турецко-славянских историко-культурных связей, механизмов формирования этнических и конфессиональных стереотипов, дипломатических, военных, экономических контактов в прошлом и настоящем. Этим и другим назревшим проблемам посвящены материалы очередной Международной научно-практической конференции «Турция и славянский мир: вопросы международных отношений и историко-культурных связей», организованной межкафедральным Центром славянских исследований Факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета. В книге представлены работы исследователей из Болгарии и Чехии, российских научных центров (Москва, Краснодар, Ростов-на-Дону, Тольятти), раскрывающие вопросы взаимодействия славянского мира и Турции в разные периоды истории, особенности формирования представлений друг о друге. Материалы сборника составлены по проблемно-хронологическому принципу и состоят из трех разделов: формирование стереотипов, контактных зон и историко-культурных взаимосвязей Турции и славянских народов; история славяно-турецких взаимоотношений; Турция и славянские страны в современном мире.

Надеемся на то, что изданные материалы окажутся полезными для специалистов, студентов, аспирантов, преподавателей, сотрудников учреждений науки, образования и культуры, дадут поводы для размышлений о дальнейших перспективах славянских исследований, поспособствуют преодолению негативных стереотипов и укреплению научного диалога.

Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеев

РАЗДЕЛ I. ТУРЦИЯ И СЛАВЯНЕ: СТЕРЕОТИПЫ, КОНТАКТНЫЕ ЗОНЫ, ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

О.В. Матвеев (г. Краснодар, Российская Федерация)

«Стамбул гяуры нынче славят...»: ТУРЦИЯ И СЛАВЯНСКИЙ МИР В ЗЕРКАЛЕ ВЗАИМНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Изучение турецко-славянских связей неизбежно выводит на проблемы формирования этнокультурных стереотипов и взаимовосприятия через призму национального характера и исторического самосознания. Выполненные в этом направлении отдельные работы обозначили не только закономерности и механизмы взаимных представлений в славянской и турецкой картинах мира, но и важные для взаимопонимания и международного сотрудничества перспективы преодоления со временем конфессиональных, этнических, социальных и ценностных предубеждений [1].

При исследовании межэтнических культурных контактов нередко применяется метафора зеркала. В.Н. Топоров отмечал, что «сама возможность представить взаимодействие языков и культур как отражение «своего» в «чужом» и «чужого» в «своем», собственно, и является той ситуацией, которая позволяет выдвинуть и тем самым оправдать метафору зеркала или, точнее и полнее, взаимосвязанных зеркал» [2]. Для славянских народов одним из главных исторических зеркал, которое позволяло определить отношение к себе и к миру, веками выступала Турция. Глядя в это зеркало, болгары и сербы, белорусы и русские, украинцы и чехи начинали себя уважать, больше любить свою веру и землю предков. Трагические песни Косовского цикла у сербов с их вечным призывом к отмщению [3], гайдуцкие песни болгар, прославлявшие народных героев, цикл текстов о Марко-кравеиче передавали страдания, надежды и героизм южных славян, воспроизводили через турецкое зеркало представления о своём прошлом, о делах и подвигах предков. В чешской исторической литературе XVI–XVII столетий образ «человека в чалме» работал на прославление успехов в борьбе с османами

христианского войска под предводительством Габсбургов [4]. Пафос антитурецких памфлетов польских публицистов XVI столетия был направлен на поддержание рыцарских доблестей шляхты [5].

У русских, украинцев и белорусов гетман Дмитрий Вишневецкий, Иван Сирко, участники «Азовского сидения», Суворов, Гудович, Паскевич становились национальными героями и символами потому, что выигрывали сражения у турок. Ни один народ или государство мира, с которыми восточным славянам приходилось сражаться, не дали столько примеров блистательных побед, воинской доблести, полководческой гениальности. По сути, благодаря туркам у русских укрепилось мнение о себе, как о великом народе, благодаря им формировался русский патриотизм и представление о национальных доблестях [6].

В свою очередь, отношение к славянам складывалось в турецкой картине мира через две взаимосвязанных парадигмы, сложившихся в эпоху завоеваний и имеющих сакральный характер. Во-первых, через многовековую воинскую этику, культ силы и презрения к слабости. Одна из любимейших турецких пословиц: «Харкаешь кровью, говори, что пил вишневый шербет» [7]. В иерархии моральных ценностей турка на первом месте стояли храбрость и воинская доблесть. Во-вторых, турки-османы, столетиями выстраивающие свою государственность в рамках деления мира на «дар уль-ислам» (те, кто покорился миру ислама) и «дар уль-харб» (неверные, а значит объект завоевания), соответствующим образом долго осмысливали свое предназначение в истории и определяли отношение к России и Украине, славянам Балканского полуострова и Восточной Европы. Самоидентификацию турок долго определяла не этническая, а религиозная принадлежность. Именно в этом смысле «политика турецкой империи была направлена на то, чтобы как можно больше инородческого элемента слилось с турецким, чтобы турками стали все вокруг» [8]. Парадигма воинской доблести слилась с миссией Священной войны за распространение Корана – Джихад. Поэтому для турка гибель в бою становилась счастливым уделом, а мать в турецких песнях и преданиях желала своему сыну стать «шехидом» (павшим за веру) [9]. Известный российский тюрколог В.А. Гордлевский, который проводил полевые исследования в Турции, рассказывал об одном из своих

респондентов: «Это типичный турок, вздыхающий о старых временах, когда народ был силен верой. Когда он говорит о султанах Мураде, павшем шехидом на Косовом поле, он плачет» [10]. Противостоящие воинам Аллаха на Косовом поле сербы в турецкой картине мира предстают символами коварства, двуличия и порока. В одном из турецких преданий за храбрость, проявленную юношей Хазрети Эмиром на Косовом поле, султан Баязид выдал за него свою дочь. В то же время, «возвращаясь из Сербии, султан Баязид Йылдырым вывез оттуда девушку. Он женился на ней, и сербка изменила простоту и строгость мусульманских нравов, царившую раньше во дворце, султан Баязид Йылдырым предался пьянству» [11]. Когда султан стал показывать своему зятю новую мечеть и спросил, чего в ней не хватает, Хазрети Эмир посоветовал ему поставить у входа три бочки вина. Баязид удивился, но Эмир указал на непристойное для мусульманина поведение: «Семьдесят две тысячи раз в день смотрит Аллах в «средоточие человека» – в сердце, а оно, переполненное вином, у тебя осквернено. Так отчего бы тебе не поставить бочки с вином в доме, созданном руками человеческими?». После этого султан раскаялся» [12]. Лицемерие и двуличность принявших ислам сербов и болгар, которые как хамелеоны, по миновании надобности, снова возвращались в христианство, высмеивались в турецких пословицах и поговорках: «Вчера он *эвлия* (угодник), а сегодня он (уже) Илья», «Папасу (попу) не бывать Аббасом». О болгарях Румелии: «Друзья (наши) (т.е. османцы) пали в бою с неверными, а наша хата с краю» [13]. О происках и заговорах балканских христиан турки, гордые осознанием своей воинской мощи говорили: «Бык наложил кучу, а телега (проехала) и растоптала» [14].

Со временем большая часть османской элиты стала состоять из потурченцев, а в правящем классе преобладали балканские выходцы. При этом, «гордясь своими предками, османец посмеивался над инородцами-славянами, продиравшимися до ступеней трона: «Ты возьмёшь себе слугу из Сараево в Боснии» [15]. Несмотря на то, что славянский язык был одно время языком янычарской гвардии, а в период визирства сербского потурченца Мехмеда Соколовича (1555–1579) «славянский язык становится едва ли не основным языком имперской канцелярии» [16],

стамбульские меддахи (сказители) передразнивали говоры «инородцев» [17].

Не удивительно, что в турецких текстах суровое обращение со славянами оправдывается. Участник крымско-турецких походов Эвлия Челеби в своих записках буквально любит тему, как татары и турки опустошали земли Украины и России, грабили и насиловали население, проявляя при этом невероятную жестокость. «Мы опустошили и сравняли с землей районы, прилегающие к крепости, и взяли много тысяч пленных и опять шли на север берегом Днепра, поджигая, сжигая и разоряя селения», – пишет Э. Челеби [18]. Он стремится подчеркнуть превосходство буквально во всём «избранных Аллахом» над «кяфирами». Последние у него снабжаются бранными с точки зрения правоверного мусульманина эпитетами, среди которых в первую очередь фигурирует «свинья». «Вообще эти неверные (речь идёт о русских. – О.М.), – пишет Челеби, – такие зловерные головорезы, что, если они на пять-десять лет избавятся от набегов татар и если они, пользуясь благополучием, задумают заняться делами по устройству государства, ни одна держава не сможет противостоять им и они займут [земли] всех казаков и поляков. А уж если они захотят выйти к побережью Дуная, тогда они уже ни за что не дадут покоя государству дома Османова» [19].

Оппозиция *османские герои / коварные гяуры* найдёт впоследствии отражение в турецкой художественной литературе и в историографии. В пьесе «Отечество, или Силистрия» известного турецкого драматурга Мехмеда Намыка Кемаль-бея, молодой офицер Ислам-бей по первому призыву бросает горячо любимую девушку Зекие-ханум и идёт на защиту родины, которой угрожают русские. Девушка не переносит разлуки и тайно, в мужской одежде, следует за своим женихом под крепость Силистрию. Вместе они вызвались взорвать пороховой погреб, каким-то чудом остались живы, а командир отряда, оказавшийся отцом невесты Ислам-бея, в радости выдаёт её за героя. По словам В.А. Гордлевского, когда пьеса идёт на театральных подмостках, «слушая тирады о любви к родине, седовласые османцы начинают проливать слёзы» [20]. Драматическое произведение Визенталя «Черняев в Азии» сплошь проникнуто русофобией: среднеазиатские турки поголовно отличаются благородством и национальной гордостью (особенно турчанка Зюлейха), и

напрасно русский генерал Черняев склоняет их для личного спасения на измену родине [21].

Видный турецкий историк Омер Люфти Баркан всерьёз доказывал, что турецкое завоевание Балканского полуострова несло освобождение местным крестьянам от феодального гнёта [22]. Османский государственный деятель и историк Ахмед-Шефик Мидхат-паша в работе «Прошлое Турции и её будущее» утверждал, что в Османской империи не существует угнетения христианских подданных. Христиане восстают потому, что являются слепым орудием в руках России, внушающей им стремление к автономии [23]. Такого же мнения придерживался Исмаил Гамн Данишмед. «Восстания в Боснии-Герцеговине и Болгарии и войны Сербии и Черногории, – писал он, – составляют цепь событий, подготовленных Россией, которые внешне, казалось, имели целью обеспечить объединение славян, в действительности же настоящей их целью являлось осуществление захватнических планов России на Балканах» [24]. Энвер Зия Карал на страницах многотомной «Османской истории» доказывал, что славяне в конце XIX–начале XX в. обладали всеми правами, были допущены к высшим должностям в империи, а их благосостояние позволяло им жить лучше мусульман. При этом подавляющее большинство нетурецких народов в Османской империи всегда было предано султанским властям. Только незначительная их часть отошла от «традиционной преданности своим турецким покровителям», прибегали к внешнему вмешательству, выдвигая «Болгарский», «Македонский», «Греческий», «Армянский» и другие вопросы [25].

В турецкой картине мира славянские сакральные атрибуты и символы предстают во многом надуманными, и отказ от них работает на стабильность и процветание всех народов Османского государства. «Во времена Зембилли Али-Эфенди, говорится в турецком предании, – пришли от босняков в Стамбул послы, которые сказали: «Мы принимаем ислам, но на трёх условиях: 1) на крышах домов у нас будут кресты, 2) девушки не будут прятаться от мужчин, 3) мы будем поднимать флаг по воскресеньям». Зембилли Али согласился. И что же? Прошло всего одно поколение, и стали босняки рассуждать: «Ведь мы мусульмане, так для чего у нас над домами возвышаются кресты?» И они поснимали кресты. Потом опять пораздумали: «У

мусульман празднуется пятница, а мы для чего поднимаем флаги в воскресенье?» Так осталось одно условие: у босняков девушка до замужества не закрывает своего лица, но как только вышла замуж, она уже прячется от мужчин» [26].

Позитивным содержанием наделяются образы славян, принявших ислам. В одном из преданий фигурирует хорват: «И умный же был этот хорват; он знал всё, что случится после войны (Первой мировой. – О.М.). Например, он знал, что американский доллар получит господство на мировом рынке. Мусульман он очень любил и часто слушал, как произносятся с минарета эзан, но в мечеть он не входил. Раз я молился Богу, чтобы хорват этот стал мусульманином. Молитва моя, очевидно, была угодна Богу, и я лицезрел во сне пророка» [27]. В другом случае речь идёт о портном из Приштины, который был «человек хороший, и мусульмане его очень любили. Когда муэzzин, всходя на минарет, призывал к молитве, портной внимательно слушал». В итоге портной пошел по правому пути и познал единого Бога [28].

В силе Божественного слова убеждается даже русский царь: «Когда однажды посол турецкий прибыл в Россию, царь спросил у него, отчего это мечети так скоро разрушаются (осыпается штукатурка и т.д.), тогда как церковь стоит прочно и даже молния не вредит ей? Посол привел царю стих из Корана, говорящий о силе божественного слова, от которого содрогаются и горы, и предложил выписать из Турции сорок хафызом. Хафызы были помещены на ночь в церковь для чтения Корана; когда утром вошли в церковь, она вся потрескалась. «Вот видишь, – сказал посол царю, – у нас пять раз в день молятся в мечети и только штукатурка слегка осыпается, а церковь от одного чтения Корана уже разрушается» [29].

Подобные же механизмы действовали и при складывании славянских конфессиональных и этнокультурных стереотипов. Османское иго остро воспринималось русскими по аналогии с монголо-татарским. Донские казаки в «Поэтической повести об Азовском осадном сидении в 1642 г.» писали: «Как предки ваши, бусурманы поганые, учинили над Цареградом, взяли взятком его, убили они государя царя крестьянского Константина Благоверного, побили в нем крестьян многие тмы тысячи, обагрили кровию нашею крестьянскою все пороги церковные, искоренили веру крестьянскую, тако бы и нам учинить над вами,

бусурманы погаными» [30]. Запорожцы в своём знаменитом ответе турецкому султану зеркально перевирают титулы мусульманского владыки: «Вавилонский слесарь, ерусалимский калмык, македонский пивовар, александрийский козолуп, Большого и Малого Египта свинопас, армянская свинья, казацкий сагайдук, нашего Бога дурень, свиное рыло, кобеля с..., разбойничья собака» [31]. В народном сознании русских имена турецких пашей сделались бранными словами. Собакам часто давали клички по имени Мухтара-паши. Османами называли упрямого человека, часто несогласного с другими: «Экой ты Осман, настоящий Осман-паша!» [32].

В болгарском песенном фольклоре «турецкая вера» расценивается как «собачья», «никакая», «смрадная». Согласно легенде черногорцев по совету ангела отец, к дочери которого сватались сразу трое, отдал первым сватам дочь, вторым – собаку, а третьим – свинью. От девушки произошли православные христиане, от собаки – латины, злые, с «собачьим норовом» католики, а от свиньи – турки [33]. С идеей «нечистоты» мусульманской веры связаны представления сербских граничар о «хвостатых» турках, чьи хвосты напоминают собачьи. По верованиям болгар, турок, умирая, превращается в хрюка, поэтому уже при жизни у него на спине начинает расти щетина. «Отуреченный» христианин также перевоплощается в свинью. По существующей легенде Св. Илья спускался в могилу к таким отступникам и бил их палкой, чтобы хотя бы после смерти они обратились назад в христианство [34].

Так же, как в случае с турецкой картиной мира, в славянских стереотипах на конфессиональный антагонизм огромное влияние оказывала официальная идеология. В «Похвальном слове Филофее», написанном видинским митрополитом Иосафом вскоре после падения столицы Болгарского царства Тырново, по отношению к османам употребляется уничижительный эпитет «агаряне». Это слово указывало на происхождение мусульман от наложницы Авраама Агарии и являлось в литературе того времени своеобразным конфессиональным клише [35]. Турецкие завоевания трактовались как наказание православных за грехи, а борьба с османами подавалась под углом противоборства двух религий. В русской дореволюционной историографии с «легкой руки» одного из самых крупных знатоков русско-турецкой войны

1877–1878 г. П.А. Гейсмана утверждается термин «славянский крестовый поход». Такое определение встречается у Гейсмана неоднократно [36]. Он прямо сравнивает события 1877–1878 гг. с крестовыми походами Средневековья, настойчиво проводя мысль, что Запад уже забыл воодушевление, которое двигало им «во времена борьбы за веру» [37].

Вместе с тем в контактных зонах турецко-славянского взаимодействия уже на ранних этапах источниками отмечается позитивно заинтересованное и достоверное осмысление образа соседа. Наличие в турках-османах большого славянского генофонда отразилось в турецкой народной поэзии, где девушка-турчанка мечтает о голубоглазом и белокуром женихе [38]. В фольклоре славянских народов турки нередко выступают в роли культурных героев и преобразователей. В легендах, бытующих в Подолии, туркам приписывается сооружение большого количества крепостей, подземных ходов, культовых сооружений [39]. В топонимии белорусов, украинцев, южнорусского населения широко представлены «турецкие» горы, курганы, колодцы и др. Народная память хранит и по достоинству оценивает культурные достижения турок: дороги, мосты, причалы и др.

Все славянские культуры высоко оценивают турок как воинов и достойных противников. Русско-турецкие войны у всех на слуху: 14 крупных компании и более 360 мелких конфликтов. Мало кто при этом считает: на протяжении пяти столетий взаимоотношений двух стран общее число лет, когда Россия и Турция вели боевые действия друг против друга, составляют лишь 20! Но даже войны способствовали взаимоузнаванию и появлению светлых тонов в картине представлений друг о друге. Врач А.В. Елисеев, путешествовавший по Востоку в 1881 г., писал: «Во всех городах турецкого Востока мне невольно бросалось в глаза <...> изменение отношения мусульман к русскому имени... Везде, где только выдавала меня национальная одежда, я встречал дружелюбное отношение, слышал приветствия <...> Война и сотни пленных, побывавших в хлебосольной Московии, с самой выгодной стороны повлияли на все слои населения империи» [40]. В.А. Гордлевский отмечал, что в беседах с ним турки «охотнее вспоминали доброту русских солдат, которые ласкали ребятешек во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.» [41].

На взаимопознание работали и славянские литературы, где через турецкое зеркало нередко оценивалось собственное наследие. В 1830 г. в «Путешествии в Арзрум» А.С. Пушкин поместил приписанные беглому янычару Амин-Оглу собственные стихи: «Стамбул гяуры нынче славят, / А завтра кованой пятой, / Как змия спящего, раздавят / И прочь пойдут и так оставят. / Стамбул заснул перед бедой. / Стамбул отрекся от пророка; / В нем правду древнего Востока / Лукавый Запад омрачил – / Стамбул для сладостей порока / Мольбе и сабле изменил. / Стамбул отвык от поту битвы / И пьет вино в часы молитвы»... Пушкинисты видят здесь проекцию турецких реалий на русскую историю, выстраивание параллели между султаном-реформатором Махмудом II и Петром I, недовольными модернизацией янычарами и поднявшими бунт стрельцами [42]. Воспетый в украинской литературе XIX в. образ Хюррем-Роксоланы (Гнат Якимович, Михаил Орловский и др.) до сих пор работает на конструирование украинской идентичности: вся страна спорит о вымыслах и реалиях сериала «Великолепный век», а несколько городков Подолии отстаивают своё право на место рождения знаменитой султанши.

Пребывание в рамках турецкой государственности на протяжении пяти столетий оставило в исторической памяти болгар, сербов, македонцев, боснийцев не только горечь утрат, но и следы культурного взаимодействия. О том, что этнокультурный диалог состоялся, говорят сотни турецких слов, проникших в лексиконы болгарского, сербского, польского, русского языков. В Турции находили убежище политические эмигранты из Польши, казаки-некрасовцы и запорожцы, покинувшие родину воины Белой армии, которые выстраивали своё видение приютившей их страны. Русскими эмигрантами в 1924 г. в Стамбуле была опубликована, а в 1930-е гг. переиздана в Париже книга под говорящим названием «Спасибо». В предисловии к ней говорилось: «Спасибо, Константинополь! Спасибо, Стамбул! Ты принял нас в свои объятия, ты приютил нас, нашёл нам работу, спас наши жизни! Прекраснейший город на свете, мы никогда не забудем тебя!» [43].

Османская империя была единственным государством, которое официально не признало факт исчезновения Речи Посполитой с карты мира. Сколько в этом было чувства к

уважаемому противнику, а сколько политического расчета, трудно сказать. Во всяком случае, легенда гласит, что во время разделов Речи Посполитой во дворе султана стоял пустой стул в ожидании польского посла. Сразу же после обретения Польшей независимости в 1918 году султан передал ключи от посольства полякам. Адам Мицкевич, прах которого долгое время покоился в Стамбуле, писал: «В то время, когда ни одна страна не выступила против угнетения Польши враждебными соседями, единственными нашими друзьями были турки. Мы ценим дружбу Турции как страны, которая не согнулась перед нашими врагами и не приняла разделов Польши» [44].

Таким образом, при выстраивании модели взаимосвязанных (в данном случае, турецкого и славянских) зеркал необходимо иметь в виду конкретно-историческую ситуацию, когда в одно и то же время могут быть задействованы полярные представления друг о друге. Предубеждения и стереотипы, формировавшиеся в определенных конфессиональных, идеологических, политических, этнокультурных условиях, даже если они противоречат реалиям, нередко сами становятся исторической реальностью. Они наследуются, приобретают новое значение в зависимости от потребностей эпохи. Поэтому перед исследователями-тюркологами и славистами – историками, литературоведами, этнологами, фольклористами и др. стоит цель не только объяснения механизмов векового неприятия, но и непростая, порой неблагоприятная, задача взаимной пропаганды позитивных национальных образов, выстраивания пространства общения и взаимопонимания культур.

Примечания

1. *Глазкова М.А.* «Человек в чалме»: этно-социальный стереотип османов в чешской исторической литературе и публицистике XVI в. // *Славяне и их соседи. Этнопсихологический стереотип в Средние века (Сборник тезисов)*. М., 1990; *Шеремет В.И.* Взаимные представления русских и турок (XVIII–XIX вв.) // *Человек в контексте культуры. Славянский мир / Отв. ред. И.И. Свирида*. М., 1995; *Белова О.В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005; *Матвеев О.В.* Лики «басурманского» зеркала: турки в исторической картине мира кубанского казачества // *Освоение Кубани казачеством: Вопросы истории и культуры / Научн. ред., сост. О.В. Матвеев*. Краснодар, 2000; *Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В.* Образ Турции и турок в текстах русской художественной литературы XIX–XX веков в контексте формирования

современной исторической памяти россиян // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 1 (191) и др.

2. *Топоров В.Н.* Метафора зеркала при исследовании межъязыковых и этнокультурных контактов // Славяноведение. 1997. № 1. С. 6.

3. *Лециловская И.И.* Сербская культура XVIII века. М., 1994. С. 40-41.

4. *Глазкова М.А.* Указ.соч. С. 75.

5. *Аржакова Л.М.* Турецкий вопрос в польской публицистике XVI века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 18.

6. *Бондарев В.* Басурманское зеркало // Родина. 1998. № 5–6. С. 140.

7. *Лурье С.В.* Историческая этнология. М., 1997. С. 243.

8. Там же. С. 244.

9. Там же. С. 243–244.

10. *Гордлевский В.А.* Сказания и легенды, собранные в Турции в 1926 и 1928 гг. (Серия четвертая) // *Гордлевский В.А.* Избранные сочинения. Т. I. М., 1960. С. 473.

11. Там же. № 238. С. 475.

12. Там же.

13. *Гордлевский В.А.* Из истории османской пословицы и поговорки // *Гордлевский В.А.* Избранные сочинения. Т. II. Язык и литература. М., 1961. С. 273.

14. Там же.

15. Там же. С. 277.

16. *Макарова И.Ф.* Болгарский народ в XV–XVIII вв. Этнокультурное исследование. М., 2005. С. 60.

17. *Гордлевский В.А.* Османские сказки (краткое изложение) // *Гордлевский В.А.* Избранные сочинения. Т. II. Язык и литература. М., 1961. С. 337.

18. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. Вып. 1. Земли Молдавии и Украины / *Под ред. А.Д. Желтякова.* М., 1961. С. 530.

19. Там же. С. 535.

20. *Гордлевский В.А.* Очерки по новой османской литературе // *Гордлевский В.А.* Избранные сочинения. Т. II. Язык и литература. М., 1961. С. 362.

21. Там же. С. 392.

22. *Саркисян Е.К.* Положение угнетенных народов Османской империи в освещении турецких авторов // Вестник общественных наук. 1989. № 3. С. 14.

23. Там же.

24. Там же.

25. Там же. С. 15.

26. *Гордлевский В.А.* Сказания и легенды, собранные в Турции в 1926 и 1928 гг. № 270. С. 482.

27. Там же. № 123. С. 431.

28. Там же.

29. Там же. № 165. С. 443–444.
30. Воинские повести Древней Руси. М.-Л., 1949. С. 70.
31. Народная память о казачестве. Запорожье, 1991. № 70. С. 107.
32. *Буганов А.В.* Личности и события в массовом сознании русских крестьян XIX– начала XX вв.: Историко-этнографическое исследование. М., 2013. С. 271.
33. *Белова О.В.* Турки // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. *Н.И. Толстого*. М., 2012. Т. 5. С–Я. С. 331.
34. Там же.
35. *Макарова И.Ф.* Указ.соч. С. 56.
36. *Гейсман П.А.* Славянский крестовый поход (По случаю 25-летия со времени начала войны 1877–1878 гг.). СПб., 1902. С. 48
37. *Гейсман П.А.* Введение в историю Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. СПб., 1906. С. 3.
38. *Шеремет В.И.* Указ.соч. С. 224.
39. *Белова О.В.* Этнокультурные стереотипы в славянской культурной традиции. С. 34–35.
40. Цит. по: *Шеремет В.И.* Указ.соч. С. 232–233.
41. *Гордлевский В.А.* Сказания и легенды, собранные в Турции в 1926 и 1928 гг. С. 473.
42. *Благой Д.Д.* Творческий путь Пушкина, 1826–1830. М., 1967. С. 523.
43. *Делеон Ж.* Белые русские в Стамбуле // Родина. 1998. № 5–6. С. 122.
44. Поляк и турок побратались? 6 вещей, которых вы могли не знать о совместной 600-летней истории обеих стран // <http://polski.pro/o-polsce>. (Дата обращения 28.08.2016).

А.В. Богатырёв (г. Тольятти, Российская Федерация)

ХОТИНСКАЯ БИТВА 1673 Г. В ДОНЕСЕНИЯХ В.М. ТЯПКИНА

Штурм крепости Хотин 11 ноября 1673 г. вошел в историю военной науки. Под руководством великого коронного гетмана Яна Собеского, ставшего королем Речи Посполитой Яном III (1674–1696), польско-литовские войска разгромили значительные турецкие силы. «...Ты, наш гетман, бьешься с турками... / ...и будешь победителем в борьбе...», – восторгался поэт Даниэль Калай. Дифирамбами звучали строки «торжествующей песни» Зыгмунта Голло [1]. А вот из Збигнева Морштына: «...Спесь басурманов укротил Господь / литовского и польского мечей

единством...» [2]. «...Имел Собеский два триумфа / один, когда побил под Хотинем турка...», – писал Вацлав Потоцкий. Слава той удачи дошла до Западной Европы [3].

Знали о ней и у нас. О.А. Перова упоминает сообщение великого гетмана литовского Михала Казимежа Паца, доносившего главе Посольского приказа А.С. Матвееву о «виктории» 1673 г. В новейшей статье Б.Н. Флори отмечается: о хотинском сражении оповестили царский двор валашский и молдавский лидеры, адресовавшие его величеству пространное «письмо» [4].

Наряду с «листом» Паца и скухими «волошскими» вестями хотинская тема подробно затрагивалась в пока незадействованном источнике – докладе русского резидента в Польше 1673–1677 гг. Василия Михайловича Тяпкина. Не так давно фрагмент из его «реляций» о Хотине привела в своей работе М.Р. Яфарова [5], но исследователь, в силу профессиональных интересов, пропустила один из самых, на наш взгляд, информативных и необычных отчетов Тяпкина. В отличие от литовского гетмана, дипломат не участвовал в событиях 1673 г., узнал о них, что называется, «по горячим следам».

Его описание не похоже на распространенные свидетельства и позднейшие восторженные отзывы о победе, дарованной Богом, о великом энтузиазме польских и литовских воинов [6]. Некоторые разночтения можно объяснить «вторичностью» информации Тяпкина, однако сравнивая ее далее с впечатлениями очевидцев, удивляешься достаточно высокой точности резидента в отдельных вопросах.

Текст сообщения распадается на две части – собственно битву и происшествие после нее. Тяпкин пропускает ряд деталей, как увидим, соединяя воедино 10 и 11 ноября 1673 г., оставляя несколько в стороне 15 ноября. Кажется, бой у автора начинается не слишком героически: с известного предательства 10 ноября молдавских и валашских частей турецкого войска во главе со Штефаном Петричейку и Константином Шербаном, перебежавших на польский «фланг» [7]. «...И знамена склонивши, подалися поляком и в окоп их к себе пустили...» [8], – констатировал русский дипломат.

Касаясь дальнейших действий дезертиров, Тяпкин отклоняется от принятой точки зрения, согласно которой «влахи»

и молдаване не участвовали в сражении [9]. Резидент настаивает – они продолжили помогать Речи Посполитой, «...приправивши многие пушки, учили бить в турецкий окоп, а с поля [со] всеми польскими и литовскими силами пустились на приступ...» [10].

Россиянин подчеркивает не слишком вяжущийся с героической победой факт – дунайские отдели лишь притворялись, что бьются с воинами Речи Посполитой: «...Польские войска ударили перво на волошской обоз по согласию с мултяны и с волохи, которые будто противились и нарочно с пушек стреляли и из мелкова ружья вверх...» [11]. Пафос хотинской «сечи» слегка умеряется.

В то же время резиденту все-таки удастся передать драматизм и ожесточенность схватки в турецком лагере 11 ноября, о которой докладывали участники событий [12]: «...И так, сказывают, бились, что за руки имаючи резались и победу болшую над турками одержали...» [13].

Очевидно, для Тяпкина (или его собеседников) наиболее важной «фазой» битвы был непосредственно демарш жителей Дунайских княжеств. Именно он, как намекает дипломат, стал решающим моментом всей баталии. В отчетах же современников этому поступку уделяется совсем немного места, а то и вовсе одно предложение [14]. У Тяпкина все наоборот: конкретно сражение 11 ноября уместилось у него в «скромные» пару строчек.

Внимание подданного Московского царства к молдаванам и «волохам» объясняется просто. Царь Алексей Михайлович, глава православного государства, постепенно берет на себя роль защитника притесняемых иноверцами-османами приверженцев Восточной Церкви [15], к которым примыкал и люд «Волошской земли».

Да и сами представители Дунайских княжеств рассчитывали на русского самодержца. В Москву было направлено послание от властных персон Молдавии и Валахии с просьбой заступничества и обещанием перейти под скипетр царя [16]. И это на фоне сообщения Тяпкина: валахи и молдаване после Хотина «голдуют» (желают подданства) не России, а Польше [17]. А вот московскому двору обитатели Дуная заявляли о невозможности присоединения к «неверным» – католикам [18].

Среди странностей текста Тяпкина следует отметить отсутствие одного из главных действующих лиц – Яна Собеского.

Россиянин лишь обмолвился: «...У польских и литовских гетманов под Хотиным бои был с турецкими пашами...» [19]. В докладе резидента армия Речи Посполитой точно обезглавлена, лишена руководителя, представлена чем-то хаотичным, неорганизованным. Напротив, свидетели сражения, современники вспоминали заслуги и умелое «начальство» Собеского [20]. «...С обнаженной саблей перед своим [войском.– А.Б.] шел и кричал...: “За веру, Церковь и Отчизну милую”...» [21], – доносили о коронном гетмане.

То, что стало апофеозом польского оружия и Яна Собеского как военачальника превратилось у Тяпкина в его неудачу. Резидент завершает описание битвы грустным эпизодом – стычкой из-за военных трофеев польских и литовских отрядов уже после хотинской «виктории». Предыстория предполагаемого побоища излагается так: «...По случаю, сказывают, битвенному учинилось, что турчанину одному жолнер полской розсек брюхо саблею, аж кишки выплыли (выплескались?), тогда нападши на тот труп салдат вынял ис кишок тритцать шесть червонных золотых, на что смотря другие облакомились, всего турецкого трупу брюха пороли...» [22].

Дальнейшее было настолько масштабно и впечатляюще, что Тяпкин сомневается в его подлинности: «...И естли... то достойно веры..., за те все корысти учинил[ся] между гетману корунными и литовскими и между их войсками великой разврат, егда войска литовского люди, побивши турков и со многими корыстами шли восвояси, тогда нападши корунного войска болшие люди на литовских и те з добычи у них все отняли и меж собою перебились...» [23].

Первопричина раздора, – рассечение тела, – описывалась не только Тяпкиным, но и неким паном, бывшим на поле Хотинской битвы. Его письмо сохранилось в сборнике “Ojczystespominki”, на который нам любезно указал доктор П. Кролл, и датировано 15 ноября 1673 г. [24] К сожалению, изложение казуса в нем достаточно скупое, нет многих деталей, переданных русским дипломатом.

Позже случай «золотых монет» привлек внимание видного польского писателя и историка Хотина Веспасиана Коховского (1633–1700), по мотивам ноябрьского письма кратко пересказавшего «...новый способ с помощью анатомии

обнаруживать сокровища...» [25]. И хотя антиквар Амброжи Грабовский фиксирует нечто похожее еще у Я.Х. Пасека (1656 г.) [26], интерес это не уменьшает.

Мы внимательно изучили версию военных событий работавшего с источниками Коховского [27] – и не нашли известия Тяпкина об «имущественном» конфликте между литовцами и поляками. Нет его и в биографиях Собеского, последнем труде о подвиге 11 ноября [28]. Допустим, этот «конфуз» является мистификацией врагов коронного гетмана, старавшихся унизить полководца. Однако в имеющихся памфлетах («пасквильных письмах»), направленных против Яна III [29], данный сюжет отсутствует.

Сложно сказать, кто снабдил Тяпкина сведениями о хотинской баталии – дипломат только намекает: «От многих знатных людей» [30]. Рассказ о победителях-литовцах, жертвах бесчинства поляков, преуменьшение заслуг Собеского (несомненно, подразумеваемого под «гетманами корунными») бросает тень на «литовскую партию» и ее руководителя М. Паца.

Действительно, некоторые литовцы, например, Теодор Иероним Обухович, проигнорировали вклад будущего короля в «викторию» 1673 г. [31] Что касается Паца, то он был старым соперником польского героя, испытывавшим к нему нескрываемую ненависть [32] – Михал Казимеж с единомышленниками вряд ли бы упустили шанс оскорбить оппонента.

В завершение интересно сравнить хотинские вести 1673 г. и доклад Тяпкина о другой выдающейся битве – львовской 1675 г. Отличия весьма значительны. Согласно дипломату, под Львовом Собеский уже смело ведет отряды в бой с татарами, сражаясь среди рядовых: «...Сам особою своею с полки стоял в справе в... долинах, опасаяся и размаривая орды, чтоб... иная орда не ударила...» [33]. Описание львовских перипетий – это изложение в «панегирическом» духе («...И тогда королевское величество... на того неприятеля... двигся и егда ж... неприятели увидели полские войска..., недав битвы, уступили...» [34]), чего не скажешь о донесении 1673 г.

Отчего же такая разница? Предположим, дело здесь, в том числе, в изменении отношений между сторонниками короля и группировкой «литвинов». Показателен разговор Тяпкина с

литовским гетманом, всячески хвалившим Яна III, который «с малою горсткою... рыцерства... беспрестанно... отпор неприятелю дают...» [35]. Собеский вполне благосклонно принимает Паца [36], в свою очередь с пиететом отзывавшегося о недавнем противнике.

Примечания

1. *Bryćko D.M.* The Irenic Calvinism of Daniel Kalaj (d. 1681): A Study in the History and Theology of Polish-Lithuanian Reformation. Göttingen, 2012. P. 34; *Klimaszewski B.* Jan III Sobieski w literaturze polskiej i zachodnioeuropejskiej XVII i XVIII w. Kraków, 1983. S. 21.

2. *Morsztyn Z.* Pogrom Turków pod Chocimiem 1673 r. // *Muza domowa.* Warszawa, 1954. Т. 1–2. S. 108.

3. *Potocki W.* Muza polska na tryjumfalny wjazd Najaśniejszego Jana III / *Oprac. A. Karpiński.* Warszawa, 1996. S. 76; *Kochowski W.* Roczników polski klimakter IV. Lipsk, 1853. S. 342.

4. *Перова О.А.* Дипломатическая деятельность А.С. Матвеева, связанная с разработкой нового внешнеполитического курса России во второй половине XVII в. (На примере переписки А.С. Матвеева с литовским гетманом М. Пацем о совместных действиях против турок) // *Проблемы истории России.* Екатеринбург, 1996. Вып. 1. С. 56; *Флоря Б.Н.* Россия и Дунайские княжества в 1674 г. // *Вестник славянских культур.* 2015. № 1 (35). С. 123.

5. *Яфарова М.Р.* О планах Московского государства во время первого Чигиринского похода 1677 г. // *Вестник ВГУ.* 2015. № 1. С. 130.

6. *Z pod Chocimia, z obozu d. 11 Novembris r. 1673* // *Ojczyście spominki w pismach do dziejów dawniej Polski.* Kraków, 1845. Т. 1. S. 202.

7. *Kochowski W.* Op. cit. S. 337–338.

8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 79. Д. 160. Л. 81.

9. *Kochowski W.* Op. cit. S. 338.

10. РГАДА. Ф. 79. Д. 160. Л. 81.

11. Там же.

12. *Kochowski W.* Op. cit. S. 340.

13. РГАДА. Ф. 79. Д. 160. Л. 81об.

14. *Z pod Chocimia, z obozu d. 11 Novembris r. 1673...* S. 200.

15. *Кантерев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1. С. 471.

16. *Флоря Б.Н.* Россия и Дунайские княжества... С. 123.

17. РГАДА. Ф. 79. Д. 160. Л. 81об.

18. *Флоря Б.Н.* Россия и Дунайские княжества... С. 126.

19. РГАДА. Ф. 79. Д. 160. Л. 81.

20. *Kochowski W.* Op. cit. S. 334–335.

21. *Z pod Chocimia, z obozu d. 11 Novembris r. 1673...* S. 201.

22. РГАДА. Ф. 79. Д. 160. Л. 82.
 23. Там же.
 24. Druga relacya z obozu pod Chocimiem, d. 15 novembr. r. 1673 // Ojczyznye spominki... Т. 1. S. 203.
 25. *Kochowski W.* Op. cit. S. 350.
 26. Ibid.
 27. Polski słownik biograficzny. Т. 24. S. 646.
 28. *Orłowski D.* Chocim 1673. Warszawa, 2007.
 29. *Wójcik Z.* Jan Sobieski, 1629–1696. Warszawa, 1983. S. 221, etc.
 30. РГАДА. Ф. 79. Д. 160. Л. 80об.–81.
 31. *Obuchowicz T. H.* Dyaryusz // Pamiętniki historyczne do wyjaśnienia spraw publicznych w Polsce XVII wieku posługujące. Wilno, 1859. S. 57.
 32. *Forst de Battaglia O.* Jan Sobieski król Polski. Warszawa, 1983. S. 56.
 33. РГАДА. Ф. 79. Д. 161а. Л. 432.
 34. Там же. Л. 432об.
 35. Там же. Л. 475.
 36. Там же. Л. 459–461об.

И.Д. Гаврилов (г. Москва, Российская Федерация)

ПОЛОЖЕНИЕ МАКЕДОНИИ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ ГЛАЗАМИ Х. ГРОТЕ

В начале XX в. географическое отделение Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии представила русскому читателю любопытную книгу под названием «По Азиатской и Европейской Турции» [1]. Это был русский перевод второго издания немецкой книги «Auf türkischer Erde» [2] («По землям Турции»), написанной немецким ученым, путешественником, этнографом и ориенталистом Хьюго Гроте (1869–1954).

В предисловии редактор русского перевода С. Григорьев отмечает, что данная книга была тепло встречена немецкой общественностью. Этот факт, а также наблюдательность немецкого автора, живость его записей и экзотичность описанных регионов и побудили издателей выпустить переведенный вариант. Однако целиком книгу переводить не стали, какие-то путешествия Гроте, например по Северной Африке, показались непримечательными, но была и другая более важная, как нам представляется, причина – взгляды автора.

Хьюго Гроте в характеристике, данной С. Григорьевым, предстает как «рьяный немецкий патриот и горячий сторонник экономического и политического подчинения Турции германскому влиянию» [3], и, стоит признать, небезосновательно.

Русские издатели «в интересах справедливости» [4] подвергли существенному редактированию оригинальную книгу, попытавшись сделать ее более беспристрастной, в том числе они вырезали из оригинального текста описания путешествия Гроте по Албании и Македонии значительный фрагмент, речь в котором шла о населении Македонии и о македонских восстаниях как написанный «в явно пристрастном и полемическом тоне» [5].

В то время «лирические отступления, в которых автор говорит о величии немецкого гения и о том, как хорошо было бы, если бы эта страна принадлежала Германии» [6] были не интересны с этнографической или географической точек зрения, а скорее всего и опасны в плане государственной цензуры. Однако сейчас именно они представляют большой интерес как любопытный исторический источник [7], позволяющий охарактеризовать положение дел в Македонии в самом начале XXв., понять отношения к этим территориям Германии, которое столь ярко и эмоционально выразил Хьюго Гроте – ученый и человек, ярко позиционирующий себя патриотом своей страны.

Х. Гроте приехал в этот беспокойный регион Балкан, по его словам, как этнограф и путешественник. Но нельзя сказать, что он ехал исключительно лишь для того, чтобы описать природу и свою дорогу. Македонский вопрос его интересовал еще до того, как он оказался на соответствующих территориях. Он прямо пишет о своих опасениях, что его не пустят дальше границы, так как турецкие таможенники, которые искали в вагонах болгарских агитаторов, обнаружат у него в багаже книги по Македонии (а это была серьезная контрабанда) [8].

Х. Гроте был интересен этот регион по нескольким причинам. И дело не только в том, что он часть детства провел на Балканах, так как его отец был связан с немецким железнодорожным строительством в этом регионе и в Анатолии [9], или же в том, что об этой части интересующей его Османской империи говорил тогда весь мир [10]. В Македонии, по его мнению, лежали прямые интересы Германской империи, связанные в первую очередь с железными дорогами. В Македонию

Х. Гроте добирался из Салоник по железной дороге, фактически – балканской сестренемецкой Анатолийской линии (описание путешествия по которой он тоже написал [11]), так как строились они примерно в одно время. Это ветка Салоники-Монастир, длина которой составляла 219 км, концессию на строительство которой «Дойче Банк» получил в 1890г., а после открытия в 1894г. управление ею было предоставлено Обществу эксплуатации восточных железных дорог, которое до этого контролировало выкупленные австрийские железные дороги[12]. Это была непосредственно немецкая железная дорога, на которой работали немецкие рабочие (местный же персонал учил немецкий язык[13]), в Салониках действовало немецкое консульство. Таким образом, политическая стабильность региона была в интересах германской экономики.

Задача Х.Гроте – описать истинную картину происходящего в Македонии, во всяком случае, он так заявляет читателю, полагая, что европейское общество расколосось на равнодушных и ничего не понимающих, или же тех, кто, не раздумывая, присоединяется к одной из противоборствующих сторон. Он ставит себе целью выступить в роли стороннего аналитика, дать немецкому читателю этнографическое, религиозное и культурное описание этого взрывоопасного региона, рассказать про недавнее восстание. Путешествие по одной из самых горячих точек того времени было сопряжено с серьезным риском, на пути немецкого ученого встречалось столько солдат и охраны, что это напоминало ему линию фронта. Это было связано с недавно подавленным османскими властями антитурецким восстанием, известным сегодня как Горноджумайское восстание сентября 1902 г. Руководили движением за освобождение – Внутренняя македонско-одринская революционная организация (ВМОРО), созданная в Салониках, и Македонский комитет, образованный в Болгарии. Восстание, поддержанное, по некоторым донесениям, болгарским правительством, было направлено, прежде всего, на то, чтобы спровоцировать резню турецкими войсками христианского населения и тем самым привлечь внимание Европы[14].

Х. Гроте предпочитает о самом ходе восстания много не говорить, полагая, что «сегодня видно, что многие факты придуманы и высосаны из пальца, так что остается немного

событий»[15]. По его мнению, восстание подняла, несмотря на осуждающий свист других «братских чет», небольшая македонская организация, известная своими радикальными агитаторами и чересчур уверенная в победе. Во главе двух отрядов стояли болгарские офицеры, а фактически восстанием руководила городская интеллигенция, например из Салоник, которая имела высшее образование, жила в удобствах за чужой счет. Восставшим, по мнению Х. Гроте, оказалось достаточно сложно набрать в свои ряды добровольцев, так как местное население было измучено пропагандой с разных сторон, так что четников спасали лишь непроходимые горы и помощь со стороны Болгарии.

Х. Гроте был убежден, что у восставших была только одна задача – провокация. Панславянская пропаганда, обосновавшаяся, по его мнению, в Софии, представляет все как новые «болгарские ужасы», снова говорят о беженцах, заставляя русского царя тратить деньги. В это время Османская империя «с замечательным спокойствием» [16] собирается с силами и бьет по восставшим, которые убегают к болгарским границам.

Х. Гроте полагает, что нужно перестать делать из мухи слона и прекратить рассказывать сказки о турецких зверствах. Причем его критика относится и к некоторым немецким изданиям. Так он обрушивается на константинопольского корреспондента франкфуртской газеты, который, взяв интервью у болгарского воина, представил позиции турецких властей пошатнувшимися. Это, по мнению немецкого путешественника, искажает реальную ситуацию. Х. Гроте советует читать «официальные издания», которые имеют доступ к информации от высших чинов османской власти, а не только от четников.

Следует отметить, что большинство современных исследователей, констатируя, что восстание в действительности было подавлено достаточно жестко, а его итогом явились сотни жертв среди мирного населения и три тысячи беженцев в Болгарию, не отрицают и факт, что именно этого четники и добивались[17].

Как утверждает Х. Гроте, он часто слышал и записывал множество разных проклятий относительно македонских чет и болгарской освободительной идеи. Он считает ложью утверждение, что болгары преобладают в Македонии, полагая, что такого рода панславянская идея подпитывает агитаторов еще со

времен Сан-Стефано, а от подобных заявлений местные сербы, греки, влахи и другие народности уже устали.

Х. Гроте считает, что революционные силы тают день ото дня и османская власть ни на один день не прекращала чувствовать себя хозяевами этих земель. Однако восстание сентября 1902 г., по его мнению, имело определенный результат – вызвало посещение графом Ламсдорфом, являвшегося на тот момент российским министром иностранных дел, Белграда и Софии, а также появление ноты России и Австрии. Однако Х. Гроте язвительно отмечает, что поездка русского посланника не походила на комплимент болгарским и сербским политикам, а скорее выглядела как «настойчивое предупреждение»[18].

Действительно, российское руководство в лице консулов, декларируя нежелание возникновения вооруженной борьбы между христианскими народами, осудило Горноджумайское восстание[19]. После подавления восстания Россия совместно с другими великими державами в очередной раз рекомендовала турецкому правительству провести необходимые реформы. В декабре 1902 г. В.Н. Ламсдорф посетил Болгарию и Сербию, отмечая во время встреч с сербским королем Александром и болгарским князем Фердинандом, что для успокоения македонской ситуации и проведения там реформ необходимо, чтобы славянские государства противодействовали опасной смуте и революционным замыслам. Российские дипломаты разумно полагали, что если не поддержать законную турецкую власть и вместо этого предоставить области автономию, то этот статус породит межнациональную резню, в которую будут втянуты все балканские государства. Проект реформ был разработан В.Н. Ламсдорфом совместно с австрийскими коллегами и известен как Венская программа, которая должна была улучшить положение дел в Македонии, устранив некоторые османские пережитки. Османская империя провела некоторые реформы, но они имели половинчатый характер[20].

Х. Гроте приветствует идею реформ, однако главную проблему на пути их успешного проведения видит не в действиях турецкого руководства, а в поведении болгарской стороны. Он полагал, что Болгария не заинтересована в настоящих реформах, т.к. это сведет на нет ее долгую подрывную деятельность.

Рассуждения о деятельности болгарского правительства в македонских землях вполне закономерно приводят Гроте к попыткам разобраться, что представляет собой население этого региона. Он сразу отмечает, что статистика в этой области (как и во всей Османской империи) – наука неизвестная, подсчеты даются очень условно. Есть некие официальные данные, свидетельствующие лишь о религиозной принадлежности населения (т.е. о том, сколько мусульман, а сколько «неверных»).

Немецкий ученый полагает, что относительно количества христианского населения в регионе есть еще один достаточно специфический источник – учет учеников местными школами. Х. Гроте справедливо замечает, что война в Македонии – это в том числе и война конфессий, национальностей и культур. Католики и православные, болгарский экзархат против сербского – каждый старается увеличить свое влияние и защитить его. «Как дьявол за падшими душами, ведут учителя охоту за учениками», утверждает Гроте, «болгарские, сербские, валашские, греческие» [21]. Для того чтобы переманить на свою сторону население, в национальных школах организуются бесплатные занятия, создаются интернаты с бесплатным питанием, а в некоторых школах родителям еще и доплачивают за то, чтобы отдали своего ребенка именно к ним. Не благородные цели, а только новые ученики являются причиной их активности, констатирует немецкий путешественник.

Образовывая школы, противоборствующие стороны ставят определенную область под свое влияние. Города, по мнению Х. Гроте, буквально перегружены разными учебными заведениями. Вместе со школой, по его мнению, насаждаются неприятие и ненависть к другим народам. Быть учителем в Македонии прибыльно, хотя и опасно, с наступлением темноты им приходится ходить с большой осторожностью [22].

Учитывая, что деньги на культурные преобразования, в том числе и в области просвещения, выделяются Турцией, Россией и Австрией, Х. Гроте призывает, чтобы османской администрации предоставили право следить за национальными школами, с целью уменьшения их пропагандисткой направленности.

Он отмечает, что неправильно принижать значение мусульманского и турецкого населения в регионе. Х. Гроте приводит любопытную и обширную историческую справку по

спорным македонским землям, начиная от средневековья. Его основной вывод из истории, что ни болгары, ни сербы, ни греки не могут приписать себе достаточно долгое обладание территориями, в то время как Османская империя владеет ими уже 500 лет.

Рассуждая о народах, населяющих Македонию, Х. Гроте говорит, что греки сегодня играют незначительную роль. «Болгарство» же приходит в основном через агитаторскую работу (так он по ходу путешествия встречает, по его словам, «оболгарившихся сербов» [23]).

В целом, он описывает положение населения как плачевное, но не видит в этом вины Османской империи: боевые действия чет, их поиск прибыли, потребность в укрытиях – все это выгоняет мирное население из областей, заставляя его метаться между разными лагерями. Чем больше Порты делает уступок под давлением европейского общества, тем больше этнические группировки за них борются.

Больше всего в дестабилизации региона он винит болгар, терроризм которых, по его мнению, принес больше «*Feindschaft als Freundschaft*» (*вражды, чем дружбы*) [24]. Он убежден, что исчезни в регионе турецкая администрация, болгары станут угнетать другие народы в десятки раз жестче. Турецкому правительству стоит остаться и предоставить всем национальностям одинаковые права на развитие. В конце своего краткого очерка о положении дел в Македонии Гроте приводит фразу французского эллиниста Виктора Берара, который утверждал, что «только сохранение турецкого правительства сможет обеспечить соблюдение прав рас и национальностей» и стабильность положения «в интересах цивилизации» [25].

Х.Гроте согласен с французским коллегой и подчеркивает, что «с немецкой стороны это (*высказывание В. Берара – И.Г.*) одобрил Гольц» [26]. Стоит уточнить, что Кольмар фон дер Гольц (он же Гольц-паша) был прусским генералом, который фактически управлял турецкой армией, после сближения кайзеровской Германии с Османской империей [27], то есть это представление официальной позиции Германии на тот момент.

И такая позиция для Германии, укреплявшей свое положение в Османской империи, вполне логична. Но немецкое проникновение на восток должно быть экономическим и посредством политического влияния, а значит, любое нарушение

территориальной целостности Османской империи было недопустимо. И в этом смысле провокации четников, угрожавших уничтожением железнодорожных тоннелей, нападением на составы, порчей немецкого имущества или даже жертвами среди немецких граждан с целью втянуть в македонский вопрос Германию, вызывали негативную реакцию и необходимость стабилизировать ситуацию, так немецкие поезда находились под охраной турецких войск, а на вокзалах постоянно дежурила полиция.

Можно сделать вывод, что у Х.Гроте в приведенном нами фрагменте его книги был представлен интересный анализ ситуации в регионе, однако это точно не непредвзятое суждение, как он заявил читателям. Явная прогерманская позиция Х. Гроте является в данном случае и проосманской, а если смотреть в общем плане, то проимперской. Стоит отметить и яркий болгарофобский характер некоторых его высказываний. Тем не менее, он смог увидеть сложный узор этнических и культурных конфликтов в этом регионе и сделал логичный вывод, что без высшей и сильной власти регион погрязнет в междоусобных войнах. Так как интересы Германии в первую очередь связаны с экономическим проникновением, то она не заинтересована в дестабилизации региона и в целом взрывоопасной ситуации под боком, которая могла бы привести к большой войне. Х.Гроте выступает за то, чтобы оставить Македонию в Османской империи, которая бы сглаживала национальные конфликты и позволяла Обществу Восточных железных дорог спокойно функционировать. Любопытно, что в этом на тот момент немецкая позиция совпадала с российской, старавшейся не допустить изменения статуса македонских земель и ограничиться реформами, к которым, по имеющимся сведениям, совместно подталкивали султана послы Германии и России [28].

Другое дело, что и Османская империя давно уже потеряла свое былое величие. Как бы ни желали великие державы, она была не в силах успокоить ситуацию в регионе. В итоге, Османская империя лишилась Македонии в ходе Первой Балканской войны, однако македонский вопрос этим не был решен, наоборот, после этого кипение «балканского котла» противоречий только усилилось. Балканские страны сцепились между собой, как и предсказывал Х. Гроте. Но тогда, в начале XX в., он и представить

себе не мог, что последует дальше, и какими последствиями для его любимой Германии в будущем обернется взрывоопасность «порохового погреба Европы».

Примечания

1. *Grote X.* По Азиатской и Европейской Турции/ *Перевод О. Романовой / Под ред. С. Григорьева.* М., 1904.
2. *Grothe H.* Auf turkischer Erde; Reisebilder und Studien. Berlin, 1903.
3. *Grote X.* Указ. соч. С. 2.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Далее представлен перевод отрывка из *H. Grothe.* Auf turkischer Erde; Reisebilder und Studien. Berlin, 1903. С. 345-367.
8. *Grote X.* Указ. соч. С. 121, 134.
9. *Neue Deutsche Biographie.* Band 7. Berlin, 1966. С. 168–169.
10. *Ямбаев И.М.* Македония в 1878-1912 гг. // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 310.
11. *Grote X.* Там же. С. 4–50.
12. *Туполев Б.М.* «Дранг нах Зюд-Остен» // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 74.
13. *Grote X.* Указ. соч. С. 128.
14. *Сквозников А.Н.* Македония в конце XIX – начале XX века – яблоко раздора на Балканах. Самара, 2010. С. 49–51.
15. *Grothe H.* Ibid. P. 346.
16. Там же. С. 348.
17. *Ямбаев И.М.* Указ. соч. С. 309.
18. *Grothe H.* Ibid. P. 353.
19. *Исаева О.Н.* От войны к войне: проблема Македонии в русско-болгарских отношениях (1878–1913) // Россия – Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII–XXI вв. М., 2010. С. 379.
20. *Сквозников А.Н.* Указ. соч. С. 56–61.
21. *Grothe H.* Ibid. P. 355.
22. Там же. С. 356.
23. *Grote X.* Указ. соч. С. 152.
24. *Grothe H.* Ibid. P. 366.
25. Там же. С. 366–367.
26. Там же. С. 366.
27. *Бондаревский Г.Л.* Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888–1903). Ташкент. 1955. С. 32.

28. *Туполев Б.М.* Германская политика на Балканах накануне Первой мировой войны // В «пороховом погребке Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 267–268.

Л.О. Самсонова (г. Краснодар, Российская Федерация)

САРЫКАМЫШСКАЯ БИТВА ВО ВЗГЛЯДАХ ТУРЕЦКИХ ИСТОРИКОВ

История вооруженного противостояния между Российской и Османской империями во время Первой мировой войны полна тайн и загадок. И даже спустя стос лишним лет для России и Турции остается много исторических вопросов, которые стороны трактуют совершенно по-разному.

Турция являлась одной из основных участниц Первой мировой войны, следствием которой стал распад Османской империи, просуществовавшей более 450 лет и появление на политической карте мира современной Турецкой Республики. В начале XXI в. это событие сохраняется в исторической памяти турецкого общества и служит объектом пристального изучения турецких историков, так как эта война была переломным этапом для турецкого государства, пусть и потерпевшего поражение в Первой мировой войне.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть взгляды современной историографии Турции на Сарыкамышскую операцию.

Сарыкамыш – название маленького городка, затерянного в горах на востоке современной Турции, на высоте 2000 метров на уровне моря. В декабре 1914 г. название этого населенного пункта стало известно всему миру, став нарицательным – символом одной из выдающихся побед русского оружия, и одновременно трагического эпизода истории Турции.

Город Сарыкамыш, находился в зоне постоянных боевых действий между Турцией и Россией в 1829, 1855 и 1877 гг. После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Сарыкамыш стал частью Российской империи, начал быстро развиваться и превратился в небольшой современный город с интересной архитектурой по проектам русских зодчих. В самом городе располагались большие

артиллерийские, продовольственные и другие склады русской армии.

К декабрю 1914 г. он находился рядом с линией фронта русской Кавказской армии, которая успешно сражалась с турецкими войсками и занимала фронт в основном на территории Турции, где противостояла 3-й армии неприятеля. Выдающийся русский военный историк и теоретик, генерал от инфантерии Русской армии А.М. Зайончковский писал о начале Сарыкамышской операции: «...в Эрзерум прибыл Энвер-паша, воспитанник Германской военной академии, и решил устроить у Сарыкамышшлиффенские «Канны». Этому решению очень содействовало выдвинутое вперед положение почти 2/3 русских сил между Сарыкамышем и Кепри-Кеем, наличие путей в обход правого фланга этой группы, выводящих к железной дороге Сарыкамыш – Карс, отсутствие у русских армейского резерва. У турецкой армии появилась возможность попытаться обойти главные русские силы с их правого фланга и ударить в тыл, перерезав железную дорогу Сарыкамыш – Карс...»[1]. После этого для Энвер-паши открывалась дорога на Тифлис. Однако благодаря героическим действиям Кавказской армии под командованием Н.Н. Юденича этим планам не суждено было осуществиться.

Именно под Сарыкамышем русская Кавказская армия в январе 1915 г. начала триумфальное наступление. Для турок же Сарыкамышское сражение обернулось настоящей человеческой катастрофой.

Посол Франции в Петрограде Жорж Морис Палеолог шестого января 1915 г. записал: «Русские нанесли поражение туркам вблизи Сарыкамыша, по дороге из Карса в Эрзерум. Этот успех тем более похвален, что наступление наших союзников началось в гористой стране, такой же возвышенной как Альпы, изрезанной пропастями и перевалами. Там ужасный холод, постоянные снежные бури. К тому же никаких дорог, и весь край опустошен. Кавказская армия русских совершает там каждый день изумительные подвиги»[2].

Совершенно по-другому интерпретируют Сарыкамышскую операцию турецкие историки.

Сарыкамышская операция долгое время оставалась недостаточно изученным в Турции эпизодом Первой мировой

войны. Произошло это в силу того обстоятельства, что командующий турецкими войсками, пантюкист Энвер-паша (военный министр Османской империи, который воевал против итальянцев в Триполитании, и участвовал в обеих Балканских войнах), проиграл эту битву и вся вина за это поражение в последующей республиканской Турции была возложена именно на него.

Энвер-пашу еще при жизни прозвали «турецким Наполеоном» за решительность и дерзость планов. Генерал-квартирмейстер германского Генштаба Эрих фон Людендорф дал любопытную характеристику этому человеку, к началу Великой войны входившему в так называемый «триумвират пашей», который де-факто управлял страной.

«Энвер-паша был очень даровитый человек и производил необыкновенное впечатление, – отмечал фон Людендорф в воспоминаниях. – Он был верным другом Германии. Между ним и мной существовала горячая симпатия. У него имелось солдатское понимание ведения войны, но не было основ и знания военного ремесла – не было школы. В турецких реалиях его большие военные способности не могли получить развития»[3].

Это был человек острого ума, жесткой воли и несомненного мужества. Энвер-паша сумел хорошо «прочитать на карте» сложившуюся с началом боевых действий стратегическую позицию, которая при других условиях вполне могла привести к обрушению всего русского Кавказского фронта.

Считается, что решение Энвер-паши бросить войска на Сарыкамыш привело к ослаблению линии обороны Проливов и Фракии, а его пренебрежение сообщениями о том, что армия не подготовлена к действиям в условиях суровой зимы, привело к трагическим последствиям.

В связи с недостаточной изученностью Сарыкамышской операции в турецкой литературе встречаются различные оценки численности и потерь турецкой армии. Так турецкие историки называют совершенно разные цифры: от 90 тыс. в работе историка Д. Ялчина «История Турецкой республики»[4] до 115 тыс. человек в работе О. Догана «Принципы Ататюрка и истории» [5]. Число погибших от холода варьируется от 60 тыс.[6] до 90 тыс.[7] солдат.

Турецкие исследователи акцентируют своё внимание на том, что при Сарыкамыше турецкая армия стала жертвой морозов, к которым она оказалась не готова, и поражение было исключительно следствием холодов, а не упорного сопротивления русской армии.

«В Сарыкамышской операции османская армия потерпела поражение не от русской армии, а от природных условий, подобно тому, как произошло во время похода Наполеона на Москву»[8] утверждает в коллективном исследовании «Турция. Сарыкамыш. Восприятие людей».

«Начавшаяся 22 декабря Сарыкамышская операция завершилась полной катастрофой. Почти 115-тысячная армия, в очень сложных условиях достигшая Эрзурума, потерпела поражение от морозов в горных районах. Около 90 тыс. солдат замерзли насмерть, даже не увидев противника. Оставшиеся в живых не могли противостоять русской армии [9].

«27 декабря наступление 90-тысячной армии под командованием Энвера-паши было остановлено русскими. 60 тыс. солдат, совершенно не готовых к суровой зиме, погибли в основном от холода. И всё же 29 декабря они окружили Сарыкамыш. Однако окружение не принесло результатов вследствие сокращения численности армии, и 2 января 1915 г. Энвер-паша покинул фронт»[10].

В последнее время среди турецких историков стало бытовать мнение, что Сарыкамышскую операцию надо использовать в целях патриотического воспитания молодого поколения. Героизация сражений с участием османской армии позволяет трансформировать поражение в предмет национальной гордости.

По мнению турецких историков, Сарыкамышская битва может служить как примером, так и уроком для молодых поколений. Сарыкамыш – это, прежде всего, почетное поражение. В ней не было ничего, что могло бы вызвать стыд у турецкого народа. Сарыкамышская операция стала одним из сражений, в котором наиболее ярко отразился боевой дух турецкого народа. Это была вершина героизма, мужества, самоотверженности и решимости.

Следует подчеркнуть, что в соответствии с принятым в турецкой историографии подходом любые завоевания русской

армии на Кавказе характеризуются как «оккупация», а завоевания турецкой армии – как «освобождение».

Несмотря на принятый в турецкой историографии подход к политике Российской империи в ходе Первой мировой войны, акцентирующий стремление России завладеть Проливами и оккупировать Кавказ, интерпретация событий войны турецкими историками не выглядит чересчур антироссийской.

События Первой мировой войны не забыты в Турции, но прежде всего это касается эпизодов, формирующих национальное сознание турецкого общества и соответствующих официальной историографии.

Примечания

1. *Дмитриев П.* Полетим на супостата мы в турецкую страну//Военное обозрение. 2014. 11 января.URL: <http://topwar.ru/38018-poletim-na-supostata-my-v-tureckuyu-stranu.html> (дата обращения: 8. 09. 2016).

2. *Куценко И.Я.* Кубанское казачество. Краснодар, 1993. С. 221.

3. *Лысенко Н.* Лед и ярость//Русская планета. 2013. 12 января URL:<http://rusplt.ru/ww1/history/led-i-yarost-15923.html> (дата обращения: 12.09.2016).

4. *Свистунова И.А.* Турция. Рождение республики // Первая мировая война: историографические мифы и историческая память. Страны Антанты и Четверного союза. Книга 2. М., 2014. С. 210.

5. Там же.

6. Там же. С. 211.

7. Там же. С. 212.

8. Там же.

9. Там же.

10. Там же.

Ю.А. Узлов (г. Краснодар, Российская Федерация)

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО В ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Военный историк русской армии В.А. Потто, который в живом и увлекательном изложении описывая героические страницы прошлого, подчеркивал значение геополитического потенциала в истории Кавказа [1]. Воздействие внешних факторов на исторические судьбы кавказских этносов было определяющим

и значительно превосходило порой значимость факторов внутреннего развития. На протяжении веков Кавказ, являясь перекрестком торговых, переселенческих и завоевательных маршрутов, оставался открытым для внешнего мира, сохраняя свою неповторимую уникальность. Начиная с середины XV в. право за обладание Кавказом оспаривали Османская империя и Иран. С середины XVI в. устанавливаются связи отдельных частей Северного Кавказа с Москвой. С XVIII в. активную силу в Прикубанье стали играть Англия и Франция. В XIX в. Кавказ обрел геополитический контур, ставший определяющим в судьбе его народов.

Османская империя и Русское государство сыграли важную роль в цивилизационном развитии Кавказа. Отношения между двумя государствами имеют свои корни и давние традиции. Новые геополитические течения и все что с этим связано, выдвигают необходимость практического и теоретического осмысления возникающих проблем.

Современный социальный мир допускает большую степень неопределенности, что предопределило выбор темы и тем самым, диктует возможность для пересмотра традиционных схем и методологических процессов, которые реализуются в региональных и локальных социокультурных формах, трансформируя идентификационные коды и геополитические образы.

Исторические и геополитические аспекты политики Османской империи и Русского государства в XV–XVII вв. нашли отражение в работах отечественных ученых Р.А. Акопяна, И.П. Добаева, К.С. Гаджиева, А.Г. Дугина, В.Н. Надеина-Раевского, А. Сваранца, Е.М. Петрова, В.В. Черноуса и др. [2].

Западные источники традиционно рассматривают политику России на Кавказе как имперскую и гегемонистскую, а Турцию как стратегического союзника Запада.

После того, как в 1453 г. турки-османы захватили столицу Византийской империи Константинополь, а в 1475 г. – генуэзские колонии Южного Крыма и присоединения Крымского ханства, Османская империя вплотную придвинулась к землям Кубани.

По свидетельству Ибн Кемаля, первые удары по кубанским горцам турки нанесли в 1475 и 1479 гг.: «... Войска перешли горы, ...пересекли Черное море и достигли страны черкесов» [3]. В 1501

г. состоялся уже совместный поход османов и крымчаков против горцев Северо-Западного Кавказа.

В 1516–1519 гг. Османская империя предпринимает новые походы в Прикубанье. В результате в устье реки Кубани она сооружает турецкую крепость Темрюк. Подробно о строительстве турецких крепостей на Черноморье пишет кубанский исследователь С.Н. Шаповалов [4]. В военных действиях и строительных работах участвовало около восьми тысяч крымских татар.

Судя по отрывочным и разрозненным источникам, боевые действия на Северо-Западном Кавказе носили ожесточенный характер. Часть адыгских племен захватчикам удалось привести к покорности. Об этом свидетельствует отрывок из послания крымского хана Мухаммед-Гирея великому московскому князю Василию III: «Из Черкас к нам послы приходили, да нам били челом, чтобы мы к ним послали, а они нам хотят дати подать – также, где и недруг мой будет, и они на нашей службе со всею ратью хотят бытии готовы» [5].

Через два года адыги вместе с татарами участвовали в походе на русские земли. В нем приняли участие также ногайцы и литовцы. В результате этого объединенного похода Василий III вынужден был откупаться подарками в пользу крымских ханов.

В 1539 г. крымское войско, усиленное турецкими янычарами, под командованием хана Сахиб-Гирея совершило поход к берегам Кубани с целью нападения на бесленеевцев. Крымско-турецкий вояж закончился для них неудачно, что не остановило их агрессивные действия в последующие годы. В 1545 г. Сахиб-Гирей выступил против жанеевцев и достиг земель «дальних черкас» (Кабарды). Только два года спустя завоевателям удалось наложить дань на кабардинцев [6].

Положение северокавказских народов складывалось таким образом, что они должны были либо покориться османам и татарам, либо искать себе покровителей, способных защитить их от постоянной угрозы со стороны Порты и Крымского ханства.

Кавказоведы Д.Н. Напсо и С.А. Чекменев отмечают, что с падением Золотой Орды, ключ от евразийских территорий перешел к России [7].

В середине XVI в. Русское государство от оборонительной тактики перешло к наступательной. В 1552 г. были завоеваны

Казань и в 1556 г. – Астрахань, что вплотную придвинуло границы России к территории Северного Кавказа. Утверждение в низовьях реки Волги открыло московским государям целый мир мелких владений в Предкавказье, которые страдали от нападений османов и крымчаков. С появлением в регионе сильного государства, к нему стали обращаться с просьбами о союзе и свободной торговле в Астрахани, некоторые присылали в Москву посольства с предложениями подданства.

Русское государство было заинтересовано в укреплении своих южных границ, поэтому без колебаний пошло на контакты с владельцами Северного Кавказа. Интерес Москвы подогревался необходимостью установления контроля над торговыми путями, один из которых проходил по маршруту: Темрюк – Пятигорск, Эльхотово – Тарки – Дербент.

В 1552 г. в Москву прибыло первое посольство жанеевцев. В него входили известные черкесские князья Машук Кануков, Езбузлуев, Танащук, которые объявили о желании сотрудничать с русскими. В ответ Порты и Крым предприняли карательные меры в отношении непокорных князей, однако это не остановило черкесов на пути к установлению дружеских связей с северным соседом. Летом 1555 г. в Москву прибыло адыго-кабардинская делегация с обращением к русскому царю с просьбой о принятии в вечное подданство и выразили желание, чтобы Иван IV оказал им помощь в борьбе с османами и татарами. Иван IV сообщил послам, что принимает на себя обязательство беречь земли черкесов от крымчаков, но в отношении Османской империи отказался по причине заключенного мира между двумя странами.

Здесь важно отметить, что речь идет о начале XVI в., когда контакты черкесов на посольском уровне, скорее были исключением, чем правилом. Это объяснялось тем, что политическое положение Русского государства после выхода к рубежам крымских татар оставляло желать лучшего.

Необходимо напомнить, что только в первой половине XVI в. Крымское ханство организовало 43 похода против русских, не считая кочевые рейды. Нередко в таких массовых мероприятиях принимали участие и кавказцы. В 1523 г. крымский хан, требуя от Москвы дань, отмечал: «... царь Астраханский мне друг, Казанский Саип-Гирей – брат, Ногац, Черкесы и Тюмень подданные» [8].

Любопытно, что даже кочевники – ногайские племена требовали дани, в противном случае угрожал разорить Москву и только с постройкой крепостей и казачьих городов на южных рубежах, обстановка в регионе стала меняться.

Первые русские крепости были построены на Северном Кавказе в середине XVI века, что отвечало интересам как местных правителей, получавших сильный союзный контингент, способный помочь в отражении агрессии, так и русского правительства, собирающегося превратить эти крепости в опорный пункт своего влияния.

В 1566 г. произошло знаковое событие. В Москву прибыло кабардинское посольство от тестя Ивана Грозного князя Темрюка Идарова с просьбой поставить крепость в устье р. Сунжи для защиты от набегов крымчаков и османов.

Крепость на Тереке была отстроена в 1588–1589 гг., в устье Терека, на реке Тюменке, и получила название Терки. К началу XVII в. Терки был важным военным, торговым и политическим центром. Управлял городом и гарнизоном воевода, находившийся в подчинении астраханского воеводы. Гарнизон состоял из стрельцов, терских казаков и горцев. В центральной части города размещался укрепленный Малый город, в котором находился воеводский двор, приказная изба, арсенал, хлебный склад, православный собор и полторы сотни жилых домов. К Малому городу примыкал Большой город, окруженный земляным валом, башнями и частоколом. Внутри Большого города имелись торговые ряды, гостиницы, харчевни, приходские церкви, таможня, казармы. Периодически Терки горели (1644, 1688 гг.), но после пожаров снова отстраивались. Из русского поселения и военной базы Терки вскоре превратились в город, где в большом количестве жили выходцы с Северного Кавказа.

В XVI в. состоялись многочисленные походы крымских татар на земли западных черкесов и Кабарду. Известно, что крымский хан не ставил перед собой задачи колонизации черкесских территорий, ограничиваясь захватом добычи при удачном исходе дела. Описание такого рода рейда содержат Очерки по истории народов Северного Кавказа (XVI–XVII вв.) Я.З. Ахмадова: «Всю землю Черкескую воевали и жгли и жены и дети имали и животину и овцы пригнали» [9].

Крымский хан Девлет-Гирей признавал, что земли соседей его интересуют его в основном с точки зрения получения дани. За ханом стояла мощная Османская империя, преследовавшая далеко идущие политические цели и с этой целью старалась приблизить региональную элиту. Так, сын султана Селима Сулейман, ставший впоследствии султаном, до 1512 г. был бейлербеем в Кафе. Его первой женой была черкешенка знатного рода, а ее и Сулеймана сын Мустафа являлся наследником престола. Встречались черкесы и при крымском дворе. Первая жена Девлет-Гирея, мать наследника престола Магмат-Гирея была дочерью черкесского князя Тарзатыка. При дворе хана служили и Черкасские братья князя Татар-мурза и Ахмет-Аспат. Младшая жена хана также была черкешенкой, и ее брат служил при дворе. Конюшими у хана, и наследника были черкесы — князь Толбулдук и князь Верхуша Черкасские.

Привлечение черкесов на турецкую службу сопровождалось их обращением в ислам, до того они были либо язычниками, либо христианами греческого толка. Как отмечалось, отношения Крыма с черкесами были далеко не мирными. В 1545 г. Хан Сагиб-Гирей совершил рейд на западных черкесов, и Кабарду. В 1547 г. он повторил поход, забрав большое количество скота, материальные ценности, рабов.

В середине XVI в. активизируются связи между Кабардой и Москвой, чему способствовала женитьба Ивана IV в 1561 г. на дочери Темрюка Идарова, получившей в Москве после крещения имя Мария. Причем царь не скрывал, что придает этому факту политическое значение. До того он засылал посольства с предложением своей руки в Польшу и Швецию, однако получил отказ. Присоединение Кабарды позволило бы нейтрализовать крымского хана и избавить государство от бесконечных войн.

Однако признание кабардинцев подданными русского царя и их служба государству не означали включения Кабарды в государственные границы. Раздробленность Кабарды на отдельные уделы приводила к тому, что далеко не всегда и не все кабардинские князья полагали себя вассалами московского царя.

Б.А. Трехбратов отмечает, что адыги сохраняли полную самостоятельность в своих внутренних делах [10]. Кроме того, отсутствие единства среди многочисленных адыго-кабардинских этнических групп, их раздробленность, противоречивость

политических устремлений приводили в последующем к тому, что не всегда и не все адыгские феодалы признавали себя подданными Москвы.

Переменчивость во внешнеполитической ориентации среди различных горских племен всегда была характерной особенностью их поведения. Признание ими подданства могло преследовать свои цели и интересы. С помощью сильного союзника они зачастую решали свои этнические вопросы.

Борьба за Кавказ между Россией, Турцией и Крымом продолжалась в течение нескольких столетий. Решающий этап в этой борьбе наступил во второй половине XVIII – первой половине XIX вв., как отмечает Г.А. Джахиев, «когда кавказская проблема став частью восточного вопроса приобрела более сложный характер» [11].

Кавказская проблема приобрела для России политические черты в ходе Каспийского 1722 г. похода Петра I.

Форсирование перехода от вассально зависимых отношений горцев и Московского царства к утверждению российской администрации на Кавказе вылилось в ряд тяжелых войн.

Необходимость присоединения Кавказа к России диктовалась по следующим причинам: религиозно-моральным – спасение от истребления славянских и христианских народов; создание буфера противодействия британо-турецкой экспансии; возможностью завершения цивилизационной реконструкции Российского государства.

В конце XVIII в. кавказская проблема переросла в «Восточный вопрос», который стал объектом внешней политики ведущих европейских государств и заметно осложнил процесс добровольного присоединения народов Кавказа к России.

Прошли столетия, и, как справедливо отмечает Н.А. Сотавов, геополитическая роль Кавказа в евразийском пространстве проявляется в «консолидации экономических, политических, этнических, культурных и иных процессов с древнейших времен до наших дней» [12].

Б. Эрсанлы и Д. Октам [13] также обосновали возможность взаимодействия между Россией и Турцией по линии евразийства, однако Турция, побуждаемая тоской по прошедшим временам, старается сформировать свое видение евразийства через реставрацию государства имперского типа.

В заключении необходимо отметить, что Кавказ не потерял свою геостратегическую значимость моста цивилизаций, напротив, он стал катализатором внешнеполитических акций, оставаясь зоной столкновения экономических и политических интересов, где исторические сюжеты востребованы политической практикой.

Политическая воля России и Турции придает новый импульс отношениям народов Черноморского региона и понуждает нас к осмыслению этого явления, от которого зависит судьба и целостность региональных социокультурных систем и безопасность их развития.

Примечания

1. *Потто В.А.* Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 1. С. 11–19.
2. *Акопян Р.* Турция между Востоком и Западом // Диалог, 1996. № 3; *Добаев И.П.* Геополитика Турции на Кавказе // Изв. вузов. Северо-Кавказский регион // Общественные науки и современность. 1991. №1; *Надеин-Раевский В.* Турция и российские автономии // Россия и Турция на пороге XXI века: на пути в Европу или Евразию? Научные доклады, № 14. Московский центр Карнеги. 1997; *Петров Е.М.* «Турецкий фактор» в развитии Юга России: экономико-географический аспект. Авт. дис. канд. геогр. н. Ростов н/Д, 2005; *Черноус В.В.* Современная трансформация геополитической ситуации на Кавказе: новые вызовы и потенциальные факторы обеспечения национальной и региональной безопасности // Национальная безопасность современной России: основные угрозы. Материалы международной научной конференции. Часть II. Р./Д, 2005; *Сваранец А.* Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М., 2002.
3. *Шараф Ад-Дин Али Йазди.* Книга Побед Амира Тимура, Ташкент: «SANAT», 2008.
4. *Шановалов С.Н.* Очерки истории османских крепостей на Тамани и Азовском побережье Кубани в XV–XVII вв. Краснодар, 2016.
5. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / *Сост. В.К. Гардапов.* Нальчик, 1974.
6. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
7. *Напсо Д.А., Чекменев С.А.* Надежда и доверие. Из истории дружественных связей народов Карачаево-Черкесии с русским народом. Черкесск. 1993. С. 16
8. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 2009. Т. 7. С. 578.
9. *Ахмадов Я.З.* Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1988. С. 32.
10. *Трехбратов Б.А.* История и культура народов прикубанья с древнейших времен до начала XX в. Краснодар: Традиция, 2011. С. 129.

11. *Джахиев Г. А.* Россия и Дагестан в начале XIX в. Махачкала, 1985.
12. *Сотавов Н.А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М.: Наука, 1991.
13. *Эрсанлы Б., Октам Д.* Евразия. «От геополитики до других перспектив» // Диалог Евразия. 2000. № 2. С. 30.

Т.Ю. Власкина (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

УСТНОИСТОРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕЧЕВЫХ КОНТЕКСТОВ СЛОВАРЯ ГОВОРА КАЗАКОВ- НЕКРАСОВЦЕВ

В связи с так называемым лингвистическим поворотом на рубеже XX–XXI вв. в гуманитарных науках особенно остро стала проблема возможности объективной оценки прошлого. С появлением альтернативной точки зрения часто возникает разброс суждений от полного пересмотра существовавших ранее мнений до сомнений в релевантности используемых методик и принципиальной познаваемости мира.

Яркой иллюстрацией обозначенной тенденции выступает пересмотр целого ряда исторических сюжетов, особенно ангажированных в контексте меняющейся политической обстановки: присоединения к Российской империи южных территорий, Кавказской войны, коллаборации, партизанского движения во время Великой Отечественной войны и т.п.

В настоящей статье мы обратимся к подобной трансформации оценок исторического события, рассмотрев ее на гораздо менее известном и достаточно камерном материале устных свидетельств о реэмиграции казаков-некрасовцев в Россию в XX в. [1].

В современное общественное сознание казаки-некрасовцы вошли как образ «патриотической» по своим установкам группы, сумевшей на протяжении столетий сохранить свою этносоциальную, культурную и религиозную идентичность. Около двух столетий в осмыслении некрасовской темы переплетались различные научные, политические и общественно-идеологические процессы. Большинство дореволюционных российских историков, руководствуясь значительным корпусом документов, считали игнат-казаков предателями, воюющими с русскими на стороне

турецкого султана [2]. К рубежу XIX–XX вв., с уходом в прошлое военного статуса некрасовцев, тема их «изменничества» потеряла актуальность, а российское общество в лице различных контактеров все более отчетливо стало ощущать культурную и эмоциональную притягательность «русских подданных султана» [3]. Стоит вспомнить, что все это происходило на фоне либерализации российской интеллигенции, растущего интереса к народной жизни и сочувственной переоценки антиправительственных выступлений. С этого момента за потомками булавинских повстанцев закрепился романтический ореол.

Начиная со второй четверти XX в. (но особенно – после 1962 г.) советская наука имела дело с несколькими группами казаков, переселившихся в Россию из-за границы. Впервые в научный оборот стали систематически вводиться материалы, отражающие чувства и переживания самих некрасовцев. Можно сказать, что они стали не только объектом, но и субъектом исследований. В этот период сформировалось мнение о том, что жизнь некрасовцев в Турции можно оценивать как страдание в постоянных мечтах о возвращении на Родину [4]. Когда община поселилась на Ставрополье, данная точка зрения вышла за пределы научного дискурса и утвердилась в общеупотребительных по отношению к ситуации терминах: некрасовцы не «переехали» и не «иммигрировали», а непременно «вернулись», «возвратились» [5]. В значительной степени подвижнический, патриотический образ основывался на суждениях самих переселенцев, но теоретически был сформулирован фольклористом Ф.В. Тумилевичем, историком В.И. Бугановым и другими представителями советской науки, которые воспринимали письменные и устные источники сквозь призму основополагающей в советское время теории классовой борьбы в форме народного антифеодального движения [6].

С новым изменением идеологической доктрины в последней четверти XX в. мнение о неком «природном» патриотизме некрасовцев стало вызывать критику [7]. Не опровергая ценности вклада фольклористов и диалектологов советского периода в изучение и сохранение традиционной культуры некрасовцев, ряд современных исследователей указывает на уязвимость методик, предполагавших селекцию, редактирование материала и установку

на заранее сформулированные выводы в русле идеологических приоритетов эпохи. Тем более что развитие критики подпитывается вновь собранными полевыми материалами, т.е. опять же мнением носителей традиции. Нам также доводилось фиксировать вполне позитивное отношение респондентов к турецкому прошлому и более критичное – к обстоятельствам и последствиям своего возвращения [8].

Таким образом, обособив устную историю от прочих направлений некрасовских исследований, важно констатировать наличие у представителей общины противоположных оценок жизни в Турции и реэмиграции. Априорно отказываясь от сведения проблемы к истинному либо ложному освещению реальности, поскольку ключ к пониманию ситуации лежит не в области фактологии, а в сфере мировосприятия, мы видим необходимость выявления факторов воздействия на мнение информантов. В частности, в силу естественных причин, сегодня мы имеем дело с особой возрастной стратой – детьми и внуками респондентов первых исследователей некрасовской культуры. Закономерно предположить, что различные исторические и социальные контексты должны были оказать воздействие на образ прошлого, транслируемый каждой из этих групп. Данная гипотеза нуждается в проверке и развитии.

Представляется целесообразным вначале по отдельности анализировать экспедиционные сборы разных периодов, а потом переходить к их сравнению. При этом имеют значение вехи, связанные с возрастом респондентов, а также с изменением социальных условий. При данном подходе мы предлагаем различать следующие периоды сбора материала: 1960-е гг. и раньше, середина 1980-х – 1990-е гг. и современность.

Началом масштабной аналитической работы видится обращение к комплексу текстов, записанных от некрасовцев в первый из названных периодов. Эта задача затруднена исследовательской практикой того времени, когда была принята жанровая классификация полевого материала на стадии сбора. В результате свободные суждения не попадали в доступные публикации и редко сохранялись в архивах.

В наибольшей степени отвечающими целям настоящей статьи представляются контексты к диалектным единицам «Словаря говора казаков-некрасовцев» О.К. Сердюковой [9].

Уникальность данного издания обусловлена тем, что сбор материала производился в первые годы после возвращения на родину последних реэмигрантов. Еще на стадии полевой работы диалектологи фиксировали начало деструктивных процессов в говоре, а сегодня материал, отраженный в словаре, в значительной степени уже не воспроизводится некрасовцами. Но, может быть, более важно то, что установка на запись диалектологического материала снижает степень идеологической предвзятости, и в связи с этим данные словаря являются более объективным источником для реконструкции мнений, чем опубликованные тексты, специально посвященные особенностям жизни общины.

Хронологически и территориально материалы словаря ограничены коллизиями, происходившими с майносскими некрасовцами, начиная с основания поселений на берегу озера Майнос в 1820-х гг. и до переселения несколькими волнами в Россию – с 1911 по 1962 гг.

Сплошная выборка контекстов из названного источника позволяет выделить несколько тем, устойчиво повторяющихся в пояснениях к различным диалектным единицам.

Жизнь некрасовской общины в Турции была связана с особыми типами ведения хозяйства. Текстовые примеры детально характеризуют технологии, инструменты, производственные процессы. Та же степень детализации прослеживается в контекстах об устройстве жилищ, одежде, обрядности, организации быта. Обобщение этих суждений рождает двойственное чувство. С одной стороны, описания повседневной жизни складываются в сказочную картину, которая производит идиллическое впечатление своей необычностью и архаикой.

С другой стороны, целый ряд суждений обнажает крайнюю примитивность этой жизни. Землю пашут сохой. Как революционное явление описывается приход ей на смену деревянного же плуга, но с насаживаемым железным лемехом: «Арали и пахали гъварили, руками, сохой, плуги нявдаме павышли, лет семдисят есть» [10]. Столь же реликтовые и трудоемки и другие трудовые операции. Часто речь идет о раннем, детском труде: «У нас за границай тринацать лет – уже рыбалил, хадил па морям, па азирам» [11]. Основной источник средств к

существованию – рыбный промысел – связан с риском для жизни. В целом перед нами возникает картина архаического патриархального быта.

Тему бесконечного труда в определенной степени продолжает тема женской доли: любование деталями сменяется горькими признаниями. Неоднократно в самых разных вариантах повторяется: «Ф Туреччини тах-та прахадила – мы сами, жэны, пахали»; «Мы там, жэнки, чувалы спадымали» [12]. Фрагменты, касающиеся нелегкой женской судьбы, иллюстрируют ситуацию, при которой жены на полгода оставались без мужской помощи, вели все хозяйство за исключением рыбной ловли. Из контекстов выстраивается повседневность частого рождения детей, отсутствия медицинской помощи, детской смертности и, наконец, незащитности некрасовок перед агрессией соседей-неказаков: «Над девушками смяцца турки, а адна жана никуда ни хади» [13].

Тема взаимоотношений казаков и их соседей, актуализируясь в контексте женского быта, имеет самостоятельное значение и внутреннюю динамику. Устойчивым рефреном рассказов о первоначальной жизни на Майносе звучит утверждение, что место, куда казаков привел Некрасов, было диким и необжитым. Там были великие горы, великие леса, родники и необъятное озеро, по которому турки не плавали. Леса были настолько огромны, что первые курени ставили на кореньях: «Аблюбавал Игнат Майнос. Ляса были тёмнай, на кърянных пяньках дамы станавили» [14]. Весь собственный мир казаков был изолирован, создается впечатление, что они очень условно были связаны с Турцией как с государством.

Первоначальный этап жизни, по воспоминаниям, напоминает рай, проблемы начинаются в связи с наплывом переселенцев: «Жыли весила, висёлай Майнос, када турках мала была, патом насылилися» [15]. И если беглые описания путешественников прежде всего указывают на контакты некрасовцев и турок, то данные словаря свидетельствуют, что это соседство было очень многообразным, но преимущественно враждебным. Существовало деление на христиан и мусульман, но даже соседство с христианскими общинами (греками, болгарами, армянами) было тревожным. И от тех, и от других женщины запирались, не могли выйти без казаков: «Хърашо жыли?! Какая хърашения? Там ад грекаф тапарами замыкалися, муцины уйдуть, а мы астаёмси

гальными жоны» [16]. На этом этапе жизнь в Турции становится опасной. Ни один из соседей не рассматривается как союзник. Если в связи с турками причиной вражды часто называется религия, то во всех остальных случаях на первый план выступает экономическое соперничество: делят землю, воду, территорию для проживания. Эту ситуацию некрасовцы оценивают как изменение своей жизни к худшему. Можно даже обнаружить хронологическую приуроченность данного поворота в некрасовской судьбе: после смерти Кемаля Ататюрка. Именно с этого момента изменяется отношение турецкого государства к некрасовцам, начинает проводиться ассимиляционная политика. В контекстах отразились следующие ее проявления: чересполосное расселение, отмена самоуправления (некрасовцы перестали собирать круг и выбирать атаманов, глава сельской общины назначался из числа турок), замена обучения в общине турецкой школой, ограничение на использование русского языка в публичной сфере, запрет на ношение национальной одежды за пределами некрасовского поселения, реорганизация воинской повинности и т.д. Как крайнее ухудшение общей атмосферы упоминаются насилие над женщинами и грабежи, убийства: «Абабирали нас, разбойства была, каней няльзя дяржать – увядуть» [17].

Ощущение опасности усиливалось в военное время, когда некрасовцы особенно остро чувствовали себя чужими. В их адрес звучали угрозы уничтожения по этническому признаку. Возникавшие конфликтные ситуации были связаны с тем, что в военных конфликтах Россия, как правило, выступала противником Турции, а некрасовцы воспринимались как представители вражеской России: «Рускай заваюицца, а ани нам гразять: “Нашых людей ваш бётъ, а мы вас, гявурав, парежым”» [18].

Таким образом, разграничение жизни некрасовской общины в Турции на два этапа противоречит представлению о том, что весь турецкий период мог восприниматься негативно либо напротив – позитивно.

Идеальный образ далекой родины выступает антиподом всему тому, что кажется ненавистным на чужбине. Ряд формульных контекстов, тяготеющих к жанрово оформленным рассказам, говорит о том, что этот образ долго и последовательно

разрабатывался, за ним стоит устная традиция, рефлексия о себе и своей истории.

Нельзя отрицать и то, что до некрасовцев доходили сведения о происходящем в России. Накануне отъезда белые эмигранты, представители толстовского фонда убеждали казаков в опасности возвращения, рисуя преувеличенные, но во многом объективные картины советского быта. «“Ни хадити, мы ваз жалеим. Куда вы идётя? Фсех ваших дитей пъзабяруть”, – фсё нам нагутаривали» [19]. «Наз жа трашшали, када мы шли: “будитя галоднай, там ф чувалах ходють”» [20].

Но это не имело решающих последствий. В словаре образ Советской России находит минимальное отражение. Реальные же впечатления, возникшие после возвращения, могут быть сведены к двум основным тезисам.

Во-первых, вернувшись, некрасовцы не почувствовали себя своими. «Родная кровь» – русские люди, к которым они стремились, – левокумские селяне зачастую воспринимали их как цыган: «Нашы казаки сафсем горячии к рускаму чилавеку, мы им горячо словами, а ани нас – цыгани!»[21].

Второе разочарование было связано с гордостью за сохранение собственной идентичности на чужбине. Обнаружилось, что на Родине не соблюдаются культурные, брачные ограничения. Люди вступают в браки с инородцами, не блюдут веру. По сравнению с жизнью некрасовцев на Туретчине во внутренней обороне, советское общество выглядело аморфным и беспринципным. «Тут выходють за ‘рмяних, за турках... Мы триста лет пражыли – ни патурчились»[22].

Параллельно с негативным впечатлением контексты сохранили и в корне ему противоположное – родная земля приняла казаков как родных: «Расия нас из гнязда пьдняла и в гняздо пьсадила, и лошку дала: месяц патрудисси да и на влады станиш» [23].

Подведем итоги. Анализ словаря позволяет сказать, что его респонденты транслировали картину своей судьбы и жизни в Турции, адекватную синхронному мнению исследователей, с той разницей, что в детальном, мозаичном описании гораздо больше подробностей, в том числе и противоречащих друг другу.

Идиллический образ патриархальной жизни явно имеет ностальгические коннотации, поскольку объективно противоречит

реальности, полной лишений и тяжелого труда. Объективно в СССР технологии производства, организация труда, социальная защита были на более высоком уровне. Однако, по всей видимости, в оценках на первый план выходит память о пережитом насилии над устоявшейся системой ценностей.

Монолитный образ бедствий в иноэтничном окружении не опровергается, а чрезвычайно усложняется, что вызывает больше доверия, чем символическое обобщение. Жизнь на Майносе делится на две части: счастливую и тяжелую. При этом наступление трудных времен связано не с пребыванием на чужбине как принципиальной позицией, а с изменением социально-политической ситуации. Исследователи, пытаясь создать логичную конструкцию, вольно или невольно сглаживали эту детализацию. В результате образ некрасовской общины получился более концентрированным, емким, цельным и архаичным, чем действительность.

Примечания

1. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ФАНО России по проведению фундаментальных исследований по теме «Историко-культурное наследие народов юга России в условиях модернизации» (0260-2014-0006).

2. *Короленко П.П.* Некрасовские казаки. Исторический очерк, составленный по печатным и архивным источникам // Известия общества любителей изучения Кубанской области. Вып. II. Екатеринодар, 1900. С. 24–25. *Броневский В.Б.* История Донского Войска, описание Донской земли и Кавказских Минеральных вод. СПб., 1834 и др.

3. *Минорский В.* У русских подданных султана // Этнографическое обозрение. 1902. № 2. С. 31–86. *Гордлевский В.А.* В гостях у казаков // *Гордлевский В.А.* Избранные сочинения: в 4 т. Т. 3: История и культура. М., 1962. С. 146–150.

4. *Сердюкова О.К.* Казаки-некрасовцы и их диалект // *Сердюкова О.К.* Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов н/Д, 2005. С. 12.

5. См. напр.: *Люшин И., Маслов А.* Мы пришли к своему языку... // Вокруг света. 1980. Ноябрь. С. 20–26.

6. *Тумилевич Ф.В.* Казаки-некрасовцы. К истории антифеодального движения на Дону и Кубани // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура: сборник научных статей / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д, 2012. С. 12–35. *Буганов В.И.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1976.

7. *Сень Д.В.* Войско Кубанское Игнатово Кавказское: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Краснодар, 2002. С.

164; *Медведева В.* Казаки-некрасовцы: не перекрестке культур. Из истории // Казаки-некрасовцы: сборник материалов из архивов Новокумского филиала музея изобразительных искусств. Ставрополь, 2009. С. 90–92. *Денисов Н.Г.* Старообрядческая богослужебно-певческая культура. Вопросы типологии. М., 2015. С. 160–197. *Рабчевская А.К.* Вновь обретенная Родина. О казаках-некрасовцах. Ставрополь, 2012. С. 27–33.

8. Полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций ИСЭГИ ЮНЦ РАН – ЮФУ(РГУ) 1999, 2010–2013 гг.

9. *Сердюкова О.К.* Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов н/Д, 2005.

10. Там же. С. 157.

11. Там же. С. 134.

12. Там же. С. 73.

13. Там же. С. 73.

14. Там же. С. 287.

15. Там же. С. 139.

16. Там же. С. 304.

17. Там же. С. 168.

18. Там же. С. 61.

19. Там же. С. 149.

20. Там же. С. 290.

21. Там же. С. 57.

22. Там же. С. 224.

23. Там же. С. 43.

РАЗДЕЛ II. ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНО-ТУРЕЦКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

С.Н. Шаповалов (Краснодар, Российская Федерация)

КРЕПОСТЬ ТАМАНЬ В ПЕРИОД РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1768–1774 гг.: МЕЖДУ РОССИЕЙ И ТУРЦИЕЙ

Крымско-Кавказский регион на протяжении длительного исторического периода был вовлечен в орбиту сложных военно-политических, хозяйственных и конфессиональных противоречий, ставших частью острейших проблем межгосударственных отношений Российской империи, Оттоманской Порты, Крымского ханства и других государств [1]. Эти противоречия сильно обострились во второй половине XVIII в., когда Россия перешла от обороны своих границ к активным наступательным действиям на Юге.

Поэтому неудивительно, что в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в центре столкновения геополитических интересов Российской и Османской империй оказались не только земли Приазовья, Причерноморья, но и Таманского полуострова [2], занимавшего географически промежуточное положение между Крымом и Кавказом [3].

Обладание Таманью, а также Керчью на противоположной стороне пролива позволяло Оттоманской Порте закрывать для России проход в Азовское море, контролировать местные кубанские народы, а также осуществлять взаимодействие между остальными османскими владениями на Кубани. В связи с этим Тамань представляла особую ценность для Османской империи.

До начала русско-турецкой войны 1768–1774 гг. таманские владения Оттоманской Порты практически не подвергались враждебным действиям со стороны России. Это было обусловлено как ее удаленностью от главных театров боевых действий, так мощным прикрытием со стороны крепости Азов.

Однако после начала войны положение в регионе сильно изменилось. Россия владела Азовом и Таганрогом, строила флот на воронежских и прочих верфях, планировала захват Крымского полуострова и стремилась к обладанию проходом в Черное море.

Этот вопрос был рассмотрен на заседании Императорского совета от 15 марта 1770 г., где было решено требовать от татар передачи в русское владение одной морской гавани на крымском берегу: «...где бы наша флотилия могла их всегда защищать от турецких десантов» [4]. Как видно из текста в нем не было ни слова об острове Тамань. Однако в императорском рескрипте графу П.И. Панину прямо указывалось какие места было необходимо требовать у крымского хана во время переговоров для обеспечения прохода из Азовского моря в Черное: на крымском берегу – Еникале, а на кубанском – Тамань [5].

9 сентября 1770 г. на заседании Императорского Совета по инициативе императрицы вновь рассматривался вопрос о получении от крымских татар крепостей на Керченском полуострове и на Тамани. Для этого граф П.И. Панин должен был: «...стараться одержать в негоциации с Татарами уступку Керчи, Тамана и Еникале, или же склонить их, чтоб уполномочены были к тому отправляемые от них сюда посланцы...» [6].

Затягивание переговоров и неуступчивость крымского хана привели к продолжению военных действий и разработке плана похода на территорию Крымского полуострова. Военную кампанию в Крыму было решено провести силами 2-й армии. В плане кампании ничего не говорилось о захвате крепости Тамань, что, на наш взгляд, можно объяснить неуверенностью в общем успехе дела.

Удачные действия 2-й армии под командованием генерал-аншефа князя В.М. Долгорукова привели к захвату Перекопа, Кафы, Арабата, а также Керчи и Еникале. Это изменило политическую ситуацию, как в самом Крыму, так и на Тамани. Подтверждением этого факта может служить рапорт князя Ф.Ф. Щербатова, отправленный В.М. Долгорукову 9 июля 1771 г. В нем сообщалось, что к нему прибыли депутаты (посланники) от султана Мегмет-Гирея, который проживал вблизи Тамани, с прошением: «...о принятии его с его подданными под покровительство Ея Императорского Величества на том же основании, как и Крымские татары приняты» [7]. В.М. Долгоруков предписал дозволить Мегмет-Гирею покровительство и занять город Тамань войсками.

В этот же день в ставку к В.М. Долгорукову в Кафе прибыли крымские послы и аманаты. В их числе было двое депутатов от

владельца Таманского острова Ахмет-бея с прошением: «...о покровительстве Ея Императорского величества, и чтобы войско Ея по занятии Тамана далее в землю не распространилось»[8].

Обращение владельца острова Тамани и повелителя местных племен на Тамани султана Мегмет-Гирея, несомненно, отвечало планам российского правительства по овладению Керченским проливом. В условиях проведения переговоров с депутатами крымского хана, владение Таманью и изгнание оттуда турецкого гарнизона могло стать дополнительным преимуществом для российских дипломатов.

После получения предписания 11 июля 1771 г. войска под командованием генерал-майора князя Ф.Ф. Щербатова отплыли на мелких судах Азовской флотилии в сторону Тамани. Преодолев пролив шириною в 18 верст, они без сопротивления заняли крепость Тамань[9]. Для предотвращения вторжения турецких десантов на Тамань и Керченский полуостров в проливе стали крейсировать корабли Азовской флотилии [10].

Некоторые исследователи полагают, что русские войска заняли не только Тамань, но и Темрюк [11]. На наш взгляд, это не соответствует действительности. Во-первых, депутаты, приезжавшие к Ф.Ф. Щербатову и В.М. Долгорукову, представляли только остров Тамань и местное население. Во-вторых, занятие русскими войсками Темрюка было бы нарушением предварительной договоренности и могло повлечь за собой восстание на Тамани. В-третьих, о подобном факте князь Ф.Ф. Щербатов должен был рапортовать вышестоящему начальству, но подобных донесений нам обнаружить не удалось.

Заняв крепость Тамань, русское командование нашло там 11 медных и 8чугунных пушек, 10медных гаубиц, 8чугунных фалконетов, 1000гранат, 534ядер и 83 бочкипороху. Сама крепость была старой и совсем развалившейся. Ее гарнизон в количестве 200 человек и начальника уехал оттуда за три дня до прибытия русских войск. Для охраны укрепления и приведения его в порядок в крепость Тамань прибыли майор Раевский с 2 гренадерскими ротами и 100 егерей. Пока князь Ф.Ф. Щербатов находился в укреплении туда прибыли посланцы из Темрюка от Ахмет-бея и Алак-бея, из Ачучева от аги Измаила, с гор от Хаджи Мустафы и из Копыла от Измаил-аги с прошением о принятии их под покровительство Ея Императорского Величества[12].

Несмотря на шквал просьб о покровительстве, гарнизон Тамани практически с первых дней подвергался нападениям со стороны абазинцев. Об этом князь Ф.Ф. Щербатов рапортовал В.М. Долгорукову. Последний предписал переправить на Тамань один батальон пехоты, и если будет нужно, то всю пехоту. Еще одной мерой для защиты Тамани была организация курсирования Азовской флотилии вице-адмирала А.Н. Синявина вблизи острова, чтобы «...закрыв сей город частью своей флотилии, отнять у жителей всякую надежду на турецкую помощь»[13].

Опасность для гарнизона крепости Тамань представляли не только враждебные абазинцы, но и присягнувшие татары и даже местные жители. Буквально через несколько дней после занятия Тамани с 15 на 16 июля находившемся в ней войскам пришлось выдержать жестокий бой. Султан Батыр-бей соединился с абазинцами, таманскими татарами, а также привлек на свою сторону жителей самой Тамани. Поданными вице-адмирала А.Н. Синявина в нападении участвовали и некрасовские казаки. По показаниям пленных общая численность войск султана Батыр-бея насчитывали до 10 000 тыс. человек. Ему противостояли 2 гренадерские роты и 100 егерей. Батальон пехоты, отправленный князем Ф.Ф. Щербатовым, не успел прибыть в Тамань к моменту сражения.

Пользуясь своим многократным превосходством в силах, султан Батыр-бей напал на русские пикеты и вынудил их отступить под защиту крепости. Ему удалось захватить предместье Тамани и навязать бой гарнизону, который продолжался 6 часов. Лишь храбрость оборонявшихся и применение артиллерии позволили гарнизону отбить наступление, выбить неприятеля из предместья и обратить в бегство. Вместе с нападавшими ушли и жители Тамани, предварительно забрав свое имущество. В этом бою с русской стороны погиб командовавший гарнизоном майор Раевский, 1 гренадер и 12 егерей, ранение получили 2 поручика, 36 унтер-офицеров и рядовых[14]. С неприятельской стороны точных данных о потерях не было.

Нападение султана Батыр-бея на Тамань продемонстрировало русскому командованию истинные намерения жителей острова и Кубани, непрочность принятой ими на себя присяги и слабые места в обороне крепости. После того

как о нападении стало известно Ф.Ф. Щербатову и В.М. Долгорукову были немедленно приняты меры по укреплению русских позиций.

Вице-адмирал А.Н. Сенявин отправил 2 корабля курсировать у берегов Тамани со стороны Черного моря, а 1 бомбардирский поставил на рейде вблизи крепости. Он должен был охранять гарнизон и при необходимости обстреливать неприятельские силы. Для усиления огневой мощи Тамани с кораблей Азовской флотилии было снято пять 12-ти и шесть 6-ти фунтового калибра пушек с корабельными станками. Из расположения 2-й армии было выписано 7 орудий осадной артиллерии, из которых 2 установили в самой крепости, а 5 – в батарее, проектируемой инженер-полковником И.В. Елгозиным [15].

Подкрепление получил и сам гарнизон Тамани. В.М. Долгоруков предписал князю Ф.Ф. Щербатову отправить всю пехоту, которая была в его распоряжении, 1 эскадрон спешенных драгун, 100 гусар для отводных форпостов и 500 казаков для городских работ, а также 1 пехотный полк и 2 роты гренадер из состава 2-й армии [16]. После принятых мер крепость Тамань располагала серьезным по численности гарнизоном, обладала десятками различных артиллерийских орудий и охранялась со стороны моря кораблями Азовской флотилии.

С момента неудачной попытки султана Батыр-бея захватить Тамань ее гарнизон не подвергался новым нападениям в течение всего июля. Однако местные татары и некрасовцы планировали новое нападение. Об этом стало известно в начале августа от купцов, которые сбежали из неволи с острова Тамани и появились в Еникале. Из их расспросов удалось выведать, что кубанский султан Мемет-Гирей (возможно это бывший владелец Таманского острова Мегмет-Гирей) вместе с некрасовскими казаками собирались напасть по суше на русские войска, находившиеся в Тамани. Одновременно некрасовцы нагружали 10 тумбасов рыбой и икрой, намереваясь отправить их в Царьград. Казаки хотели просить прислать за ними турецкие корабли, чтобы выселиться из этих мест [17].

После получения сведений о планах неприятеля вице-адмирал А.Н. Сенявин предупредил командующего гарнизоном Тамани князя Ф.Ф. Щербатова, отдал приказ двум крейсирующим на Черном море кораблям наблюдать за возможным выходом из

Кубани некрасовских тумбасов. Их надлежало перехватить и в случае сопротивления разбить. Были отправлены распоряжения эскадре в Ялту, чтобы она было готова встретить турецкие корабли, а также предупрежден бомбардирский корабль, который стоял на рейде возле Тамани [18].

Принятые меры предосторожности и утечка информации, по всей видимости, вынудили султана Мемет-Гирея и некрасовских казаков отказаться от нападения на Тамань. По крайней мере, в рапортах командующего гарнизоном не было никаких сведений на этот счет. Не позже 6 августа остров Тамань обзревала князь А.А. Прозоровский, который также ничего не сообщал о враждебных действиях против крепости [19].

В течение августа и первой половины сентября 1771 г. со стороны кубанских татар, некрасовских казаков и абазинцев никаких враждебных действий не наблюдалось. Возможно, это было связано с деятельностью нового крымского хана Сагиб-Гирея, который отправил с разрешения русского командования кубанским народам Батыр Шах мирзус¹⁰ чиновниками для их успокоения [20].

Тем не менее, 15 сентября 1771 г. командующий 2-й армией В.М. Долгоруков послал к генерал-поручику князю Ф.Ф. Щербатову повеление забрать войска с Таманского острова [21]. Главной причиной такого решения можно считать распространение на Кубани и Тамани различных болезней, в том числе тифа.

Эвакуацию русских войск из крепости Тамань в Керчь осуществила Азовская флотилия. В ней были задействованы корабли «Хотин», «Азов», «Новопавловск», «Журжа» и военные лодки [22]. Русские войска должны были забрать из крепости артиллерийские орудия, чтобы они не достались неприятелю, и как справедливо отмечал А.Бертье-Делагард «из военной необходимости не могли не разорить ее» [23].

Неизвестно точно когда турецкие войска вновь вошли в Тамань. По всей видимости, они тоже должны были дожидаться, пока уменьшатся заболевания на Кубани и Тамани. Кроме того, крепость нуждалась в ремонте, а возможно и в восстановлении. Сделать это в 1771 г. было крайне сложно, так как русские суда продолжали крейсировать между Керчью и Таманью до конца октября.

В следующем 1772 г. русское командование было занято крымскими делами и использовало все военные силы для охраны крепостей и коммуникаций. Из-за продолжавшихся болезней в Крыму и сильно растянутых линий у руководства не было никакой возможности вновь занять остров Тамань. Поэтому кубанские народы и жители Тамани были предоставлены сами себе.

Российское правительство также продолжило дипломатические переговоры с ханом и знатными татарскими родами. Их результатом стало подписание с Крымским ханством 1 ноября 1772 г. Карасубазарского трактата «О вечном союзе и дружбе», в соответствии с которым Российская империя гарантировала независимость Крыма, но оставляла за собой крепости Кинбурн, Керчь и Еникале, позволявшие контролировать Керченский пролив. В договоре ни слова не говорилось относительно передачи острова Тамани в российское ведение. Это означало, что правительство отказалось от своих изначальных планов по завладению всеми опорными пунктами на обоих берегах Керченского пролива.

В течение 1773 г. на Тамань под видом купцов и различных посланников прибывали крымские татары и даже турецкие янычары. Они распространяли слухи относительно подготовки в Константинополе сухопутной армии и флота, которые должны были высадить десант в Крыму и на Тамани. Об одном таком слухе, полученном от конфидента в январе 1773 г., сообщал князь А.А. Прозоровский: «...в одном кофейном доме слышал недавно в Крым с Тамана... приехавшего татарина, разговаривавшего с здешними татарами, что будто турки с кораблями намерены быть в Крым к половине марта месяца. И что де они, хотя сорок лет с Россиею будут битца, а Крыму не отдадут» [24].

Российское командование в Крыму, а также дипломаты зорко следили за развитием событий и всеми передвижениями в Османской империи. Из разных источников поступала противоречивая информация относительно сроков турецкого вторжения на Тамань. Однако местные племена и некрасовцы были готовы поддержать военные действия, но ждали турецкий флот.

Не позже 1774 г. в Тамани вновь появился турецкий гарнизон. О нем упоминалось в письме, сочиненном российским министерством от имени князя А.А. Прозоровского к хану Девлет-

Гирею. В нем в частности, говорилось: «...при Тактамышесолтане были и турки с артиллерию, переодетые в татарское платье, данныя ему в способие от находящегося поныне в Тамане турецкого орды Агаси...» [25].

Поглощенное крымскими делами и подготовкой заключения мирного трактата с Османской империей российское правительство уже не обращало внимания на Тамань, фактически смирившись с присутствием там турецкого гарнизона.

По условиям заключенного 10 июля 1774 г. Кучук-Кайнарджийского мира Османская империя должна была вывести свои гарнизоны с Тамани и уступить эти области татарам.

Примечания

1. Узлов Ю.А. Интеграция Крыма и Кавказа в геокультурное пространство России (XVI-XIX вв.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 5 (27). С. 20; Узлов Ю.А. Причерноморье в контексте исторической интеграции // Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства: к 75-летию начала Великой Отечественной войны: сб. науч. ст. / отв. ред. А.В. Баранов. Краснодар, 2016. С. 31.

2. Точнее остров Тамань. См.: Шаповалов С.Н. Очерки истории османских крепостей на Тамани и Азовском побережье Кубани в XV–XVII вв. Краснодар, 2016. С. 5-6.

3. Бондарь В.В., Маркова О.Н., Устаева Э.Р. Археологический комплекс «Гермонасса–Тмутаракань»: исторический очерк и генеральный план развития территории. По материалам научного проектирования 2007–2009 годов. Краснодар, 2011. С. 67.

4. Архив Государственного совета в 5 томах. СПб., 1869. Т. 1. Совет в царствование императрицы Екатерины II. 1768–1796 гг. Ч. 1. С. 45.

5. Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. История России с древнейших времен. Кн. 14. Т. 27–28. М., 1998. С. 393.

6. Война России с Турцией и Польскими конфедератами. 1769–1774 год: в 5 томах. СПб., 1874. Том III. Год 1771. С. 57.

7. Журнал военных действий армией Ее Императорского Величества 1769–1771. СПб., б/г. С. 574.

8. Там же.

9. Война России с Турцией и Польскими конфедератами... С. 185.

10. Шаповалов С.Н. Овладение русскими войсками Арабатом, Керчью, Еникале и Таманью в 1771 г. // Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства: к 75-летию начала Великой Отечественной войны: сб. науч. ст. / отв. ред. А.В. Баранов. Краснодар, 2016. С. 64.

11. Якубова И.И. Политика России на Центральном Кавказе в 60-70-е годы XVIII века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 11. Ч. Ч. II. С. 216.
12. Журнал военных действий... С. 575.
13. Там же.
14. Там же. С. 576.
15. Материалы для истории русского флота: в 17 частях. СПб., 1877. Ч. 6. С. 365.
16. Журнал военных действий... С. 576.
17. Материалы для истории русского флота... С. 368.
18. Там же.
19. Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского (1756–1776). М., 2003.
20. Журнал военных действий... С. 579.
21. Там же. С. 581.
22. Лебедев А.А. Создание и действия Азовской флотилии в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг.: дисс. канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 296.
23. Цит по: Бондарь В.В. О датировке возникновения станицы Тамань // Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства: к 75-летию начала Великой Отечественной войны: сб. науч. ст. / отв. ред. А.В. Баранов. Краснодар, 2016. С. 36.
24. Записки генерал-фельдмаршала... С. 471.
25. Там же. С. 625.

Захаревич А.В. (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

ДОНСКИЕ КАЗАКИ В ОТРАЖЕНИИ ТУРЕЦКОЙ ВЫЛАЗКИ ИЗ ШУМЛЫ 14 (26) АВГУСТА 1828 Г.

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. изобилует подвигами, совершенными русскими войсками для достижения победы над врагом. Чего стоит один Забалканский переход 1829 г.! Но подвиги совершались и ранее, однако они не были так заметны, ибо делались на фоне неудач, понесенных нашей армией в кампании 1828 г. Те же донские казаки, являясь «глазами и ушами» войск, не смогли реализовать всех своих возможностей. Крупного соединения донцов, каким был в эпоху Отечественной войны 1812 г. «летучий корпус» М.И. Платова, не было создано в период войны с Турцией 1828–1829 гг., и донцы расползлись по всему Дунайскому театру военных действий малыми отрядами.

Все это произошло от того, что стратегическое и тактическое мышление русской армии к этому времени утратило свои передовые позиции, которые оно занимало в эпоху наполеоновских войн 1805–1815 гг. Назначенный главнокомандующим Дунайской армии граф П.Х. Витгенштейн, произведенный в 1826 г. в генерал-фельдмаршалы, не соответствовал в современных условиях занимаемой должности. Хотя он и отличился в кампании 1812 г., прославив «спасителем Петербурга», но после смерти М.И. Кутузова, назначенный на пост главнокомандующего союзными войсками, он сразу же показал «свой уровень»... Не поднялся он выше отмеренного ему Господом и в 1828 г., когда распылив силы своих войск, уперся в треугольник турецких крепостей: Шумлы, Силистрии и Варны. Витгенштейн, «попав раз в борозду, никак не мог из нее выбраться», не в силах решить стратегическую задачу войны. Каждая из этих крепостей была окружена отрядами русских войск, причем обороняющиеся гарнизоны превышали численность осаждающих.

Если под Варной русским, в конце концов, удалось достичь успеха, то под Шумлой в августе события развивались совсем в другом ключе. 8(20) июля главные силы Дунайской (2-й Западной армии. – А.З.) под командованием П.Х. Витгенштейна приступили к блокаде этой крепости, причем ограничились только восточным фасом ее укреплений. Русские войска расположились на 10-верстном участке между деревнями Стража и Мораш. Чтобы отрезать крепость от внешнего мира, необходимо было обложить Шумлинское плато со всех сторон, заняв линию в 35 верст. Недостаток сил у осаждающих заставил отказаться от этой идеи. На занятой 10-ти верстной линии по восточному участку турецких укреплений постепенно русские возвели 27 редутов [1].

Такая блокада не достигла цели. Шумла сохранила связь со страной, получая все необходимое для находящейся в ней армии. Командовал турецкими войсками на Балканах Гуссейн-паша, стянувший в Шумлу 40 тыс. чел. В самом городе проживало до 40 тыс. жителей, в большинстве мусульман, что увеличивало силы противника [2]. Русские же войска состояли из 3-го и 7-го корпусов, что вместе давало 35 тыс. чел. [3]. Неравенство сил бросается в глаза. Причем, по всем канонам военного искусства, войска осаждающих должны быть хотя бы в два раза

больше. Построивши блокадную линию из 27 редутов, П.Х. Витгенштейн делает попытку прервать сообщение крепости с внешним миром. 15(27) июля войска 7-го корпуса отбили у турок укрепленную высоту у деревни Стражи, на которой возвели редут № 5, прервав движение турецких транспортов из Разграда в Шумлу [4].

Однако атака 3(15) августа на деревню Киостеш закончилась неудачей, после чего П.Х. Витгенштейн сворачивает свою активность, раскинув перед турецкими укреплениями цепь казачьих аванпостов, которую держали донские казаки. Лучшего применения для их походного атамана, генерал-майора В.А. Сысоева 1-го (в эпоху Отечественной войны 1812 г. известен как Сысоев 3-й – А.З.), как назначить его начальником аванпостной цепи, у командования не нашлось!

Видя бездействие русских, Гуссейн-паша решился сам перейти к активным действиям и сделать под Шумлой нападение ночью – «явление едва ли не беспримерное в истории военных дел с турками» [5].

Необходимо отметить, что 13(25) августа отряд генерал-лейтенанта Ф.В. Ридигера занял новую позицию на правом берегу Камчика, которую надо было еще очистить от густого кустарника, мешавшего действиям артиллерии. Турки, находившиеся в повышенной боевой готовности, сразу же напали на казачьи посты Эски-Стамбульского отряда, в атаку бросилось до 1000 всадников, однако донцы удержали свои позиции у деревни Костейна. В ходе боя казаки заметили необыкновенное количество огней, что навело командование на мысль произвести силами казачьего отряда генерал-майора В.А. Сысоева 1-го поиск в направлении деревень Смедово и Чалыковак для выяснения положения турецких сил. Поддерживать отряд В.А. Сысоева должен был как раз отряд генерал-лейтенанта Ф.В. Ридигера [6]. Однако этот рейд казачьей конницы так и не успели организовать. Это было одной из причин неожиданности для русских нападения турок 14(26) августа, обошедшегося так дорого российским войскам.

В этот день, за час до рассвета, неприятель атаковал оба фланга позиции русских. 6000 чел. пехоты и 1000 всадников под предводительством Галиль-паши напали на редут № 5 и взяли его [7]. Долго затем в русской армии пытались найти причины этого

внезапного успеха турок: «Слухи были разные: говорили, что было несколько переодетых в егерскую форму, что знали они отзыв, что за несколько дней до того из этого полка бежало много солдат магометанского исповедания, а посему оплошностью казачьей цепи и сими вспомогательными средствами и воспользовались» [8].

Уже после отражения турок было наряжено следствие, которое пришло к выводу, что казачья цепь во внезапности атаки турок не была виновна. Вся вина лежит на гарнизоне редута, который довольно беспечно отдыхал. Вот вывод следственной комиссии: «В цепи казачьей, расположенной в недалеком расстоянии от пехотной, сделан был известительный сигнал пистолетным выстрелом, но по причине сильного стремления неприятеля и близкого расположения цепи к редуту, выстрел не мог вовремя предостеречь гарнизона» [9].

Нападение турок было столь внезапным, что командование русских войск долгое время не могло понять, что происходит: «Главкомандующий опять возвратился, те же разговоры, никого еще и ни откуда еще не было. Казак, глупый и простой, подъехал тихо и на вопрос ему, что делается, отвечал, что турки атаквали редут и взяли его» [10]. Не вина простого донского казака, что он показался блестящему столичному щеголю Л.А. Симанскому глупым. Казак просто и честно сказал о том, что произошло. Донцы выполнили свою службу: предупредили пехотную цепь о грозящей опасности и снялись со своих позиций, передав бой пехоте, как и полагалось по уставу аванпостной службы.

Гарнизон редута № 5 был почти полностью уничтожен, т.к. многие солдаты уже ложились спать и не были готовы к бою. Это нападение спутало все замыслы П.Х. Витгенштейна. Полковник И.П. Липранди, назначенный к выступлению с полком пехоты, 4-мя орудиями и 600 казаками через Смедово в Чалыкавак чтобы уничтожить там турецкое укрепление, был остановлен для отражения этой атаки турок [11]. Вспомним, что туда же направлялся отряд Ф.В. Редигера. Сейчас трудно сказать, почему в одно и то же место было двинуто два отряда. Турецкая конница, подкреплённая регулярной пехотой и 8-ю конными орудиями, атаквала следующий редут, пока другой конный отряд старался обойти правый фланг русских. Этих турок на правом фланге донцы, подкреплённые конно-егерями, отбили [12].

Турки атаквали и другие редуты, но были везде отбиты и зажгли только редут № 23, в котором храбро защищалась рота 15-го Егерского полка под командованием штабс-капитана Кульчицкого [13]. Даже редут № 5 в конце концов был отбит русскими, но турки увезли с собой захваченные в нем 6 орудий.

О том, что донцы невиновны в потере редута № 5 говорит и отрывок из «Журнала военных действий 7-го пехотного корпуса», где сообщается следующее: «В два часа утра несколько pistolетных выстрелов на наших аванпостах и скорое прибытие заведывающего оными отлично расторопного казачьего Урюпинского полка сотника Чикунова, извекстили нас о прибытии неприятеля...» [14]. Что касается названия полка, то здесь имеется в виду Донской полк подполковника П.Т. Урюпинского, который был убит ядром из крепости Браилов в ночь с 13(25) на 14 (26) мая при поверке постов [15]. Полк продолжал называться по фамилии убитого командира, чтобы не вносить путаницы для командования, итак слабо разбиравшегося в тонкостях донской службы.

Был еще один турецкий отряд, предназначенный для нанесения удара по левому флангу осаждающих, под командованием Омер-паши. Этот отряд не двигался, хотя ему было выгоднее атаковать одновременно с Галиль-пашой. Он двинулся только тогда, когда редут № 5 был в руках Галиля. Его войска немного потеснили казаков, охранявших левый фланг, но звуки выстрелов перестрелки подняли на ноги русскую пехоту, выстроившуюся для отражения атаки. Турки опрокинули донцов, почти на их плечах подошли к русскому лагерю, но огонь русской пехоты и атака гусар отбросили противника. Соединившись с казаками, гусары уничтожили на месте до 100 турок [16].

Подводя итоги, хочется отметить, что донские казаки, участвуя в осаде Шумлы, приняли деятельное участие в отражении вылазки противника 14(26) августа 1828 г. Ими были вовремя замечены крупные массы турецких войск, идущие на штурм редута № 5, поданы все сигналы оповещения, предусмотренные уставами и наставлениями. Не вина их в том, что общевойсковое начальство не сумело распорядиться полученными известиями. У русских генералов хватило совести сбросить вину на донцов, но документы свидетельствуют об обратном. Сыны Тихого Дона приняли активное участие и в

кавалерийских боях на обоих флангах отражения вылазки, что привело, в конечном итоге, к неудаче турок в их первую попытку отбросить русских от Шумлы.

Примечания

1. *Андреанов П.М.* Русско-турецкая война 1828–1829 гг. // История русской армии. Иллюстрированное издание. Современная версия. М.: ЭКСМО. 2006. С. 371.

2. *Бескровный Л.Г.* Русское военное искусство XIX в. М.: Наука. 1974. С. 189.

3. *Шефов Н.А.* 1000 боев и сражений русского оружия. IX–XXI века. Битвы России. Изд. 4-е, перераб. и доп. М.: Хранитель. 2007. С. 750.

4. *Андреанов П.М.* Указ.соч. С. 372.

5. *Лукьянович Н.А.* Описание турецкой войны 1828 и 1829 гг. Ч. 1. СПб., 1844. С. 338.

6. Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА. Д. 4607. Л. 92.

7. *Лукьянович Н.А.* Указ.соч. Ч. 1. С. 338.

8. Походные записки Л.А. Симанского за 1828 г. от 29 мая, т.е. от поступления полков бригады в действие против неприятеля в отряде ген. – лейтенанта кн. Мадатова, ген.-лейтенанта Ридигера и ген.-майора Акинфьева. СПб., 1912. С. 59.

9. *Лукьянович Н.А.* Указ.соч. Ч. 1. С. 344.

10. Походные записки Л.А. Симанского за 1828 г. С. 58.

11. *Лукьянович Н.А.* Указ.соч. Ч. 1. С. 339.

12. Там же.

13. Походные записки Л. А. Симанского за 1828 г. С. 59.

14. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4607. Л. 92 об.

15. Урюпинский Поликарп Тимофеевич // Донцы XIX века. Ростов-на-Дону. «НВ». 2003. С. 483.

16. *Лукьянович Н.А.* Указ. соч. Ч. 1. С. 34–342.

Н.С. Кучер (г. Москва, Российская Федерация)

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ТУРЦИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОГО ВОСТОЧНОГО КРИЗИСА 1875–1878 гг.

Восточный кризис 70-х гг. XIX в. стал одним из важнейших международных событий в Европе во второй половине столетия. Он был вызван, с одной стороны, усилением процесса внутреннего разложения Османской империи, с другой – усилением национально-освободительной борьбы балканских народов, а также обострением противоречий между великими державами в отношении их политического и экономического влияния на Балканах.

Восточный кризис начался летом 1875 г. восстанием в Боснии и Герцеговине, затем повлек в 1876 г. войну Сербии и Черногории с Турцией, а потом и русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Большое влияние на развитие освободительной борьбы в Боснии и Герцеговине в 50-70-е гг. XIX в. оказала волна освободительного движения, прокатившаяся по всей Европе: Италии, Польше, Венгрии, Хорватии, Сербии, Черногории, Болгарии и др. [1].

Восстание в Боснии и Герцеговине лета 1875 г. не стало для русских дипломатов большой неожиданностью. В донесении от 19 июня 1875 г. российский консул в Сараево А.Н. Кудрявцев отмечал, что с весны в Герцеговине и Боснии значительно усилились крестьянские волнения [2]. Что же заставило население Боснии и Герцеговины взяться за оружие? Российский консул в Дубровнике А.С. Ионин в донесении управляющему МИД России А.Г. Жомини от 25 июня (7 июля) 1875 г. писал, что восстание «всегда носилось в воздухе, но никто не верил, что оно может вспыхнуть с минуты на минуту» [3]. Дипломаты в качестве одной из основных причин указывали невыносимое материальное положение христианского населения [4].

15 июля 1875 г. Ионин в донесении А.Г. Жомини констатировал, что восстание «решительно приняло характер гражданской войны, и всякая надежда умиротворить или умерить движение утрачена» [5]. Россия, однако, не стремилась оказывать ему поддержку, и стояла на позициях скорейшего мирного урегулирования: восстание «недостойно того, чтобы заставлять

лезть из кожи великую державу». Самым важным в ту минуту было не допустить, чтобы «данный вопрос в глазах Европы бессознательно превратился в русский вопрос» [6]. Посланник Российской империи в Константинополе Н.П. Игнатъев в докладной записке в МИД России о беседе с султаном Абдул-Азизом относительно мер умиротворения Боснии и Герцеговины от 7 (19) августа 1875 г. пишет, будто Россия всячески уверяет султана, что никоим образом не является сторонницей вмешательства в его внутренние дела [7].

Для урегулирования вопроса Н.П. Игнатъев предложил султану послать к восставшим русских агентов, чтобы убедить их в том, что им не следует ждать помощи ни со стороны Австро-Венгрии, ни со стороны России или Германии, а необходимо договориться с османскими комиссарами. Султан согласился на миссию русских агентов в очерченных Н.П. Игнатъевым пределах [8]. В этой связи надо заметить, что Н.П. Игнатъев пользовался особым личным доверием султана. Один английский журналист даже писал по этому поводу: «Генерал Игнатъев не есть официальный друг турецкой власти и не может им быть вследствие своего положения и благодаря обстоятельствам, а между тем, никто не пользуется таким влиянием на турецких государственных деятелей, ни чьи советы так точно не выполняются как именно советы русского посла<...>. Ни один турецкий государственный деятель, о европейских нечего и говорить, не знает так основательно Турцию и турок, как посол России» [9].

Несмотря на столь близкие отношения русского посла и султана, Россия негативно относилась к турецкому государству. Ионин писал А.Г. Жомини в донесении от 12 (24) августа 1875 г.: «Турция сделалась слишком невыносимой, слишком дерзкой и одновременно слишком выродившейся, жестокой и не обладающей необходимой силой, способной предложить соответствующее обоснование этой жестокости в глазах общественного мнения. Существование Турции сегодня лишается смысла, по крайней мере, в её провинциях, где население решительным образом возвращается к жизни, где оно слишком соединено с цивилизованной христианской Европой» [10]. В Письме Н.П.Игнатъеву 13 (25) октября 1875 г. тот же Ионин сравнивал восстание на Балканах с прыщами на теле больной

Турции, пытающейся замаскировать их вместо того, чтобы лечить большую кровь [11]. В донесении от 7 сентября 1876 г. Кудрявцев писал Н.П. Игнатьеву: «Практическое и наглядное изучение истории Турции ясно приводит к заключению, что политическое и гражданское равенство всех подданных империи есть вещь немыслимая и что магометане никогда не откажутся от своих прав и привилегий, приобретённых завоеваниями и освящённых Кораном» [12].

Важно сказать, что в то время действовал принцип невмешательства европейских стран в конфликты султана с его христианскими подданными, выдвинутый А.М. Горчаковым 18 октября 1867 г. [13]. Главной задачей дипломатии было дружески, но твёрдо и настойчиво подтолкнуть Порту на путь реформ и не дать сойти с него [14].

Для изучения причин восстания и его прекращения в Мостаре собралась комиссия из стран-гарантов Парижского договора 1856 г. [15]. Основными трудностями, связанными с работой комиссии, были сомнения в том, что Турция согласится на посредничество держав в решении конфликта, и отсутствие у повстанцев единого командования и осязаемой организации, что затрудняло контакты с ними [16]. Как писал Н.П. Игнатьев Александру II в донесении от 8 (20) сентября 1875 г., действия консульской комиссии оказались безуспешными, и желаемого умиротворения её работа не принесла [17].

Турецкие власти вели на Балканах антирусскую пропаганду, о чём говорилось в донесении Кудрявцева Н.П. Игнатьеву от 25 июня 1876 г.: «В донесении моём от 23-го текущего я не упомянул о той пропаганде, которая делается между магометанами, католиками и евреями с целью представить Россию главным виновником всех бедствий настоящего часа: Россия и православие восстают на попрание святынь иноверцев, на поглощение собою всего Востока, на истребление Турции, стремясь освободить для этой цели весь православный славянский мир» [18].

Несмотря на все усилия России, мирное урегулирование конфликта не удалось. В донесении Кудрявцева Н.П. Игнатьеву 2 декабря 1876 г. отмечается, что Турция считает войну с Россией неизбежной, и поэтому спешит делать необходимые приготовления в Боснии и Герцеговине [19]. Россия тоже начала проводить частичную мобилизацию, о чём идёт речь в циркуляре

А.М. Горчакова русским дипломатическим представителям за границей о причинах мобилизации русской армии 1 ноября 1876 г. [20].

Почему Россия всё-таки пошла на столь нежеланную для неё войну? Одним из важных факторов послужил небывалый подъём общественного движения, всячески призывавшего собирать силы и средства на войну с Турцией. М.В. Максимов, непосредственный участник событий, вспоминал на этот счёт: «Основной принцип настоящей войны есть принцип великий: принцип освобождения славян из-под ига деспота. Кто нашёптывал нам эти слова? Это нашёптывали публицисты, цель жизни которых заключается в том, чтобы попать всякую свободную мысль, всякую свободную инициативу» [21].

В Турции к началу войны царило полное расстройство финансов. Имел место громадный дефицит бюджета на 1875–1876 гг. – до 5 млн 46 тыс. золотых лир. Кредитное доверие Европы упало, доходы казны постоянно уменьшались [22]. К экономическим проблемам добавлялись политические: 30 мая 1876 года в результате переворота был низложен султан Абдул Азиз, на престол вступил Мурад V. По одной из версий, впоследствии Абдул Азиз покончил с собой, перерезав вены ножницами для стрижки усов и бороды [23]. В стране развернулась сложная внутренняя борьба за принятие конституции [24].

Как уже отмечалось выше, и Россия, и Турция заранее рассматривали возможность начала военного конфликта. Отправной точкой должно было бы служить вторжение русских войск в Румынию, т.е. на территорию Османской империи. Министры Высокой Порты решили узнать мнение европейских правительств по поводу возможности перевода турецких войск в Румынию до объявления войны. Европа не возражала против такого шага, но ещё до объявления войны Румыния заключила с Россией особую конвенцию, по которой войска последней получали разрешение вступать на румынскую территорию.

Турция неоднократно заявляла, что присутствие значительного числа русских войск на её границе нарушает спокойствие в государстве, не позволяет ему разоружаться и возбуждает фанатизм среди мусульманского населения. Это

препятствие Порты считала единственным для восстановления спокойствия и проведения внутренних преобразований [25].

За несколько дней до прекращения дипломатических отношений между Россией и Османской империей (8 апреля) султанская канцелярия издала документ, где отмечалось, что нужно завлечь неприятеля внутрь страны и там дать ему сражение, а затем выгнать обратно и преследовать до Прута. С тех пор в турецкой армии велись активнейшие военные приготовления, выяснялись численность и места дислокации русских войск [26].

Уже в июле 1877 г. высокопоставленные военачальники турецкой армии полагали, что существование турецкого государства висит на волоске: речь об этом шла, в частности, в депеше турецкого командующего Саид-пашикомандующему Балканской армией Сулейман-паше [27]. С сентября 1877 г. дела у турецкой армии ухудшились ещё в большей степени [28], и, в конце концов, Турция войну проиграла.

В процессе заключения прелиминарного Сан-Стефанского мирного договора Англия и Австро-Венгрия делали всё, чтобы соглашение России и Турции не состоялось, но сторонам, несмотря на это, всё-таки удалось достичь определённых договорённостей. Турция возмещала России убытки, последняя брала на себя создание в освобождённых государствах административной и судебной системы. Завершением Великого Восточного кризиса стал Берлинский конгресс июня-июля 1878 г., в результате которого в Европе появились независимые государства Сербия, Румыния, Черногория и автономное Болгарское княжество. Османские провинции Босния и Герцеговина были оккупированы Австро-Венгрией [29].

Примечания

1. Россия и восстание в Боснии и Герцеговине 1875–1878. М., 2008. С. 7.
2. Там же. С. 16.
3. Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. М., 1953. С. 31.
4. Там же. С. 45.
5. Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. С. 27.
6. Там же. С. 69.
7. Там же. С. 43.
8. Там же. С. 44.
9. Герцеговинское восстание и восточный вопрос. СПб., 1876. S.1.
10. Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. С. 54.

11. Там же. С. 144.
12. Там же. С. 308.
13. *Хевролина В.М.* А. М. Горчаков и национально-освободительная борьба южнославянских народов в 60–70-е годы XIX в. // Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М., 1998. С. 107.
14. Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. С. 81.
15. Там же. С. 81.
16. Там же. С. 101.
17. Там же. С. 109.
18. Там же. С. 291.
19. Там же. С. 336.
20. Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875–1878. М., 1978. С. 200.
21. *Максимов Н.В.* Две войны 1876–1878. СПб., 1879. С. 236–237.
22. Освобождение Болгарии от турецкого ига. С. 45.
23. *Оганисян А.* Турецкий историк о политических событиях 1876–1878 в османской империи // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. Б. М., 1996. С. 143–145.
24. Там же. С. 147.
25. *Ахмед-Мидхат.* Сборник турецких документов о последней войне. СПб., 1879. С. 4–7.
26. Там же. С. 65.
27. Там же. С. 10.
28. Там же. С. 77.
29. Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. С. 7.

Барбарунова З.А. (г. Прага, Республика Чехия),
Коваленко Е.С. (г. Краснодар, Российская Федерация)

БОИ НА ПЕРСИДСКОМ ФРОНТЕ. ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ХОРУНЖЕГО КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА АНТОНА ЧЕРНОГО (1915–1917 ГГ.)

Военные конфликты последних лет, особенно те, что происходили у границ России, вновь вызывают интерес историков и публицистов к проблемам простого человека, находящегося в гуще трагических событий. Российская и советская публицистика, описывая многочисленные войны, в которые была втянута Россия, уделяли много внимания теме маленького человека. Эпоха же Первой мировой войны, судьбы рядовых участников боевых

действий были надолго и не заслужено забыты из-за политической конъюнктуры. Перемены, произошедшие в России в конце XX в., оживили интерес к событиям и людям этой переломной для империи эпохи. В настоящей работе показаны военные события на Персидском и Кавказском фронтах (1915–1917 гг.) в восприятии участника Первой мировой войны хорунжего Кубанского казачьего войска Антона Павловича Черного. Основным источником послужили его рукописи [1].

Эти рассказы, частично опубликованные в эмиграции, по замыслу автора, должны были сложиться в книгу [2]. Но книга им так и не была дописана. Отдельные рассказы, описывающие события Первой мировой войны, выступают содержательным историческим источником. Сам автор так объяснял замысел своей книги: «Я решил в назидание потомству изложить как в былое время «культурно» воевали... в пример атому душегубству «сверхкультурного» нынешнего века... чтобы правдиво осветить все страдания (как) простой свидетель» [3].

Автор рассказов, хорунжий А.П. Черный, родился в 1891 г. в ст. Пашковской в семье потомков запорожских казаков Черных. Его дед Евтихий Григорьевич Черный был награжден серебряными медалями за Персидскую (1826–1828 гг.) и Турецкую (1828–1829 гг.) войны [4]. Его отец Павел Евтихиевич Черный с семьей в виду малоземелья переехал в 1898 г. на хутор Новопашковский Ейского отдела (с 1915 г. – ст. Новопашковская). В 1901 г. А. Черный был принят скрипачом в Кубанский казачий музыкантский хор в г. Екатеринодаре. Там же окончил 1-ую Екатеринодарскую учительскую семинарию. После учительствует и регенствует сначала в родном хуторе Новопашковском, позднее в ст. Брюховецкой. В 1913 г. А. Черный обучается игре на бандуре у выдающегося виртуоза Василия Емца. Становится одним из участников первой капеллы бандуристов в Екатеринодаре и популярным певцом и бандуристом [5].

С началом Первой мировой войны на фронт ушли его старшие братья, Андрей и Захар Черные. Антона же оставили на гражданской службе ввиду нехватки учителей в школах. Но уже 9 февраля 1915 г. он был призван в 3-й Сводный Кубанский полк [6]. Полк вошел в состав Экспедиционного корпуса под командованием генерал-майора Н.Н. Баратова, оперировавшего в Персии.

Персидский фронт являлся самостоятельным направлением в ходе боевых операций Кавказской армии. Ему отводилась определенная роль – не допустить вторжения германо-турецких вооруженных сил на территорию Персии, пресекать здесь всяческие вылазки курдских сепаратистов против русских частей [7].

Тема войны описана А.П. Черным в пяти неопубликованных рассказах: «Война», «Вторая Тифлисская школа прапорщиков», «Кенделянский перевал» (декабрь 1915 г.), «Как наш полк брал перевал Кергабад, а потом город Сенне – столицу Курдистана, что была в верстах десяти» (1916 г.), «Повествование о давно минувших днях. Один из военных эпизодов 1-ой Мировой войны. Год 1916, 1-е декабря» [8]. Все действующие лица рассказов – не вымышленные люди. Данные о военных чинах отражены в приказах по Кубанскому казачьему войску [9]. Об этом А.П.Черный писал: «Я хочу сообщить, как и когда наш 3-й Сводный Кубанский полк попал в Персию. С самого начала войны турецкие верхи магометанской веры объявили «священную» войну всем инаковерующим противникам. Их агитации подверглась и персидская жандармерия, которая начала переформировываться в более крупные воинские соединения и постепенно отходить к турецкой границе. По этой причине на персидской территории был создан экспедиционный корпус, возглавленный генералом Баратовым. Живая сила этого корпуса состояла из русских солдат, а материальное содержание легло на Англию. В августе 1915 г. наш 3-й Сводный Кубанский, стоявший в то время около г. Баку, был одним из первых переброшен по Каспийскому морю в Энзели – на персидскую территорию. Отсюда походным порядком 224 км.он прошел до г. Казвин пока не двинулся в направлении на Хамадан, преследуя отходящую жандармерию» [10].

Полк, в котором находился А.П. Черный, прибыл под г. Баку, в начале апреля 1915 г. Война шла уже почти год и на фронте ощущался недостаток младшего и среднего офицерского состава. Поэтому из формируемых полков посылают наиболее грамотных казаков и нижних чинов в 3-6-ти месячные школы прапорщиков [11]. Имея учительское образование, А.П. Черный стал одним из таких кандидатов. Его вахмистр Кофтишный бывало говорил о нем командиру: «Ваше благородие, вот кому

быть офицером». Со своими подчиненными он обходился очень сурово, в том числе и со мной. Но я инстинктивно чувствовал, что он меня по-своему очень уважал, зная моих братьев как добрых воинов и непревзойденных джигитов-наездников, которые к тому времени были увешаны крестами... Тем более, что я любил войсковую службу и служил не за страх, а за совесть» [12]. В результате А.П. Черный успешно заканчивает 2-ую Тифлисскую школу прапорщиков и получает первый офицерский чин прапорщика [13]. И тогда, в день окончания курса школы, «по мере того, как зачитывались о производстве наши фамилии, каждый из нас срывал на живую ниткуприкрепленные юнкерские погоны и оставался в старшинских. Этот момент был столь велик для всех нас, что если бы кто-то скомандовал нам прыгать в какую-то бездну, никто бы не задумался эту команду не выполнить» [14].

По окончании школы А. Черного назначили в расположение штаба Кубанского казачьего войска в Екатеринодаре, а оттуда – в запасную сотню лагеря ст. Уманской [15]. В лагере он взял трехдневный отпуск и поехал к родителям в ст. Новопашковскую, чтобы там увидели «новоиспеченного их благородия. Дома, естественно, родители и вся родня очень рады были увидеть меня офицером. А что касается людей, особенно старшего возраста, как например, турецкой кампании, от них отбою не было». Учителем, «сколь не учись, уважение есть, но не такое, как к офицеру» [16]. Вскоре А.П. Черный назначается в свой 3-й Сводный полк, который он догоняет при его передислокации в Персию [17]. Спустя пару месяцев полк двинулся в направлении на г. Хамадан. Об этом А.П. Черный повествует в рассказе «Кенделянский перевал»: «В декабре 1915 г. нашу 1-ую сотню Ейского полка (тогда еще 3-й Сводный полк) из-под Хамадана направили к перевалу Кенделян. Тогда сотней командовал есаул И.В. Белый, а я, прапорщик А.П. Черный, был его младшим офицером. В ту пору снега было очень много, особенно в горах. Чтобы попасть на перевал, надо было пройти небольшую треугольную долинку, перед которой, как нарочно, был пробит узкий проход шириной в один-полтора коня – «фермопилы». В первые дни турки беспокоили небольшими отрядами пехоты. С каждым днем их становилось больше – пехоты до батальона, сотни две конницы и 2 пулемета... С криками: «Аллах! Аллах!» они вели отчаянные

маневры, чтобы удержать перевал». Далее А.П. Черный описывает «унесшихся от бесчисленных выстрелов и страха коней, оторвавшихся от коновязи», «бредущих по глубокому снегу, безнадежно махая руками, и повторяющих «Ой, Боже мий!» казаков... Я смотрю, как затравленный зверь, во все стороны, а мой командир, усадивши людей на коней, плывет по глубокому снегу на соединение со мной». При третьей атаке смешались вместе «их мощное «Аллах!» и редкое меж ними наше «Ура!»». Достигли узкого прохода. «Гонимый инстинктом самосохранения, каждый хотел проскочить первым. В гуще коней сразу было убито 16 юных казаков». А. Черный решил свернуть с дороги и упал с конем в «заметанную снегом прорву». Далее им описаны отчаянные попытки коня выскочить, наблюдавших эту беду вокруг стоящих турок; вахмистра Плясовицу, самоотверженно вернувшегося на помощь командиру и тяжело раненного; старого коня, 21 год служившего службу, выскочившего из пропасти и спасшего жизнь Антону [18].

Далее по хронологии следуют события февраля 1916 г. из рассказа «Как наш полк брал перевал Кергабад...». В полку командир 5-й сотни А.П. Черный и хорунжий 6-й сотни Филипп Демьянок были неразлучными друзьями. Когда одному из них приходилось «жарко» в бою, командир полка посылал на помощь другого. Имея хорошие голоса, они часто пели дуэтом. Уже построены сотни. Прозвучал «Генерал-марш». И в последние минуты перед боем Демьянок просит Антона спеть дуэтом песню «Колы разлучаются двое». Спели и поспешили к своим сотням. «Преследуя турок день и ночь, 3-й Сводный Кубанский полк (сохранено первичное наименование) редко слазил с коней, ночуя от противника на близком расстоянии». Турки отстреливались, но в затяжной бой не ввязывались, стараясь дойти до перевала, где были их укрепления. Эвакуировав свой походный госпиталь, заняли выгодную позицию на самом верху перевала. Здесь и развернулась страшная трагедия. Казачьи сотни поднимались в горы с одними винтовками. Сверху из окопов «как куропаток» их расстреливал численно превосходящий противник, вооруженный тремя родами оружия, в том числе артиллерией. Хорунжий Демьянок был одет в светлую черкеску с блестящими серебряными погонами и красным башлыком. Турки решили, что это – начальник наступающей группы. Грянул залп из

замаскированных окопов. Хорунжий был изрешечен пулями. Были убиты все, кто пытались вынести тело командира: два взводных урядника и еще 10 человек, преимущественно командного состава. Сотня почти вся погибла. Позже казаки поставили большой каменный крест с высеченными именами и фамилиями. Далее автор продолжает описывать погоню за турками после взятия г. Сенне: снежные бураны, девятидневное блуждание по безлюдной пустыне Зохаб, голод, немощь лошадей, нерешительность казака убить своего любимца – коня. Наконец, выход обратно в г. Сенне и «здоровый» нагоняй командиру полка [19].

Военно-историческая литература, подробно описывала боевые события на Кавказском фронте и почти не касалась взаимоотношений войска и местного населения. Рассказы А.П. Черного дополняют историческую картину. Он описывает, как в разных обстоятельствах и в связи с изменяющейся обстановкой, в том числе и в самой России, население Персии относилось к русской армии. Так, например, летом 1916 г. полк долго стоял под Биджаром, в с. Нигиристан. Прапорщик А. Черный добросовестно платил за все продукты и фураж. Местный хан предлагал ему стать командиром его кавалерии, за что обещал одарить всеми благами, вплоть до гарема. При приближении к селу люди, узнав, что к ним едет их друг – «командант Антуан», бросали свои сакли и, набравши кишмишу, становились рядком в узкой улице и в подставленные шапки казаков сыпали это добро [20]. В другой раз в г. Тикантапе за все купленные продукты и фураж «содрали с нас двойную плату. Но мы платили, не торгуясь» (декабрь 1916 г.). В 1917 г. «большевики, узурпировавшие власть, никаких субсидий нам, казакам, не выдавали. Приходилось везде брать продукты по реквизиционным запискам. Местное население об этом узнавало, старалось замаскировать сено, а когда безжалостно растягивалось их последнее добро, по селу шел страшный вопль, женщины выпазили на крыши своих домов, рвали на головах волосы, беспощадно били себя кулаками в грудь». А.П.Черного к тому времени уже назначили адъютантом командира полка. Суя реквизиционную записку старосте села, приходилось сочинять, что за ним едет «большой бузук» – генерал, он будет платить [21].

Последний рассказ «Повествование о давно минувших днях...» описывает события 1-9 декабря 1916 г. Генерал-лейтенант Н.Н. Баратов поставил задачу 3-й Сводной Кубанской дивизии

соединиться с корпусом генерала Чернозубова, находящегося в 300 верстах трудно проходимых гор с перевалом «К», который держали две турецкие дивизии. В распоряжении турок были все роды войск, и каждая тропа на виду. Две попытки кончились неудачей. На перевале «К» сотни были разбиты турками. «Теперь одно слово «Чернозубов» на всех нас наводило страх». Новый комбриг Кравченко, согласовав выбор кандидатуры с командиром полка полковником графом Адлербергом, остановился на хорунжем А.Черном и его 5-й сотне. Вызвав хорунжего А. Черного, сказал: «Зная вашего брата, Андрея Черного как редкого по отваге человека, я выбрал вас. Думаю и верю, что вы не посрамите Чернивского роду. Помогай вам Боже. Задача: перейти перевал «К», уничтожить банды курдов, захватывать все военные транспорты, которые будут идти в сторону противника и там найти Чернозубова». А. Черный отдал распоряжение вахмистру Кофтишному и рассмотрел карту со своим любимым офицером, командиром 6-й сотни И.И. Бобрышевым. Накормил хорошо людей и лошадей, взял котел с продуктами и одни санитарные носилки в упряжке катрюков. 2-го декабря сотня в составе 82 человек покинула с. Енгикенд. Выйдя из села и выстроив сотню, объяснил ей цель похода. Затем скомандовал: «На молитву шапки долой!», пропел «Отче наш». Этот поход описан подробно и образно. Сотня проходит перевал, покрытый завесой белых облаков, холодно так, что потрескалась от мороза земля. В одном селе казаки нашли двух «юнаков» с карабинами. Били их. Старуха-мать и молодые невестки кричали и плакали. Хорунжий Черный прекратил побои. Эта старуха, увидев на носилках раненного казака, с воплем спрашивала: «Матушка вар? А баладжа вар?», т.е. «Есть у него жена и дети?». Казаки отвечали: «Вар». «Заломив руки, как чайка по своим чаенятам, припадая к земле, заливалась слезами. Боже мой, – думаю я. – Ведь только недавно два твоих сына были на краю гибели от нашей руки! А сейчас ты так оплакиваешь своего врага». По пути сотня встретила в средневековом г. Тикантапе гарнизон Сардара Музафера, где жили люди, называвшие себя «казахами». В руках бунчужного того отряда была настоящая старинная запорожская булава. «Чтобы производить в дороге на всех впечатление, я постарался одеться, как можно наряднее, как «начальник». В этих расчетах нисколько не ошибся, так как своим внешним видом в одинаковой

мере действовал и на сотню – на ее дисциплину и боевую стойкость». Военная смекалка помогли хорунжему Черному достичь поставленной цели. Так 4-го декабря 5-я сотня Ейского полка под командованием хорунжего А. Черного, соединилась с корпусом генерала Чернозубова в Саин-Кала, пройдя с боем 300 верст, не потеряв ни одного казака и привезя с собой двух раненных. 6-го декабря начали обратный путь.

От бессонных ночей и белизны снега у Антона Черного ослабло зрение. Вернувшись в расположение штаба бригады, в Енгикенд, хорунжий Черный скомандовал: «Песенники вперед». «Хлопцы мои затанули мою любимую песню «Гей, козак, нечай». Для встречи была построена вся бригада. На правом фланге полковник Кравченко скомандовал: «Бригада смирно! Равнение направо, господа офицеры!». И я, оторвавшись от сотни, широким галопом понесся прямо на полковника Кравченко, отрапортовал ему». А полковник воскликнул: «От козаки, так козаки! И дило зробылы и писню спивають! Ну, пане хорунжий, злизайте з коня». Он обнял меня и трехкратно поцеловал. Последовали поздравления офицеров. Затем комбригады попросил меня зайти в штаб. На столе у него лежала какая-то бумажка. «Возьмите и прочтите». Беру и читаю: «Ура герою, командиру сотни. Баратов». После короткого отдыха моей главной целью был поставлен вопрос о награждении всей сотни Георгиевскими крестами, так как у меня не было отдельных героев. Наш поход я сравнивал с походом сотника Гамалия. По этому же принципу моя сотня получила Георгиевские кресты, кроме меня. Причин этому было много, в том числе и отсутствие моего командира полка полковника Адлерберга, который меня очень любил. Командование полка взял временно на себя его помощник войсковой старшина Нефедьев. Человек весьма неуравновешенный и завистливый, к тому же пьяница... Через семь месяцев, когда я был уже адъютантом полка, он сказал мне готовить на себя наградной лист к Анне 3-й степени. Но я отказался».[22].

В конце 1917 г. попав под приказ о демобилизации учителей, хорунжий А.П. Черный возвращается на Кубань, тем самым избежав трагической расправы от рук распропагандированных революционных солдат, которой в 1918 г. подверглись его боевые

соратники при возвращении в Россию корпуса генерала Н.Н. Баратова.

На этом кончается страница истории Великой войны, описанная хорунжим Кубанского казачьего войска, народным учителем, бандуристом А.П. Черным. Не заканчивается лишь его жизнь, полная дальнейших тяжелых испытаний: участие в Белом движении, эмиграция, которая закончилась в 1973 г. в г. Буэнос-Айресе (Аргентина).

Примечания

1. Личный архив Е.С. Коваленко (ЛАК). Рукописи и фотографии архива А.П. Черного, полученные из Аргентины.

2. *Черный А.* Первые дни // Казак. Париж, 1956. №№ 49–53.

3. ЛАК. Рукопись А.П. Черного «Повествование о давно минувших днях. Один из военных эпизодов 1-ой Мировой войны. Год 1916, 1-е декабря».

4. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф.162. Оп.1. Д.127. Л.75.

5. *Коваленко Е.С.* Новое в биографии казака-бандуриста А.П. Черного // Российское казачество: проблемы истории, возрождения и перспективы развития. К 320-й годовщине служения Отечеству казачества Кубани. Краснодар, 2016. С. 118–119.

6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ответ на запрос: №390. 17.04.97. Послужной список А.П. Черного. Ф.409. П/с 191-714.

7. *Стрелянов (Калабухов) П.Н.* Корпус генерала Баратова. М., 2002. С.3,8.

8. ЛАК. Неопубликованные рассказы А.П. Черного.

9. ГАКК. Приказы Кубанскому казачьему войску. 1914–1917 гг. Инв. № 8252, 9149–9164.

10. ЛАК. Рукопись А.П. Черного «Повествование о давно минувших днях. Один из военных эпизодов 1-ой Мировой войны. Год 1916, 1-е декабря».

11. ГАКК. Приказы Кубанскому казачьему войску. Приказ №397. 19.07.1915г. Инв. № 8252, 9149–9164.

12. ЛАК. Рукопись А.П. Черного «2-ая Тифлисская школа прапорщиков».

13. РГВИА. Ответ на запрос №390. 17.04.97. Послужной список А.П. Черного. Ф.409. П/с 191-714.

14. ЛАК. Рукопись А.П. Черного «2-ая Тифлисская школа прапорщиков».

15. ГАКК. Приказы Кубанскому казачьему войску. Приказ № 553. 17.07.1915г.

16. ЛАК. Рукопись А.П. Черного «2-ая Тифлисская школа прапорщиков».

17. *Елисеев Ф.И.* Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917 гг. М., 2001. С.48-49.

18. ЛАК. Рукопись А.П. Черного «Кенделянский перевал».

19. ЛАК. Рукопись А.П. Черного «Как наш полк брал перевал Кергабад, а потом город Сенне – столицу Курдистана, что была в верстах десяти».

20. ЛАК. Рукопись А.П. Черного «Как наш полк брал перевал Кергабад, а потом город Сенне – столицу Курдистана, что была за перевалом в верстах десяти».

21. ЛАК. Рукопись А.П. Черного «Повествование о давно минувших днях...».

22. ЛАК. Рукопись А.П. Черного «Повествование о давно минувших днях...».

Сашка Г. Миланова (София, Республика Болгария)

СЪВЕТСКИТЕ ПРЕТЕНЦИИ ЗА РЕВИЗИЯ НА КОНВЕНЦИЯТА ОТ МОНТРЬО ПРЕЗ 40-те ГОДИНИ НА ХХ ВЕК

Режимът за движение на плавателни съдове в мирно и военно време през Проливите[1] е обект на международноправно регулиране. Регламентът установен с конвенцията от Монтьро(Швейцария) е подписан от всички участници [2] на 20 юли 1936 г. и влиза в сила след три месеца, на 9 ноември. Съдоговарящите се страни признават суверенните права на Турция над Босфора и Дарданелите. Предвидената в Лозана международна комисия за наблюдение и контрол върху преминаващите плавателни съдове през Проливите е разпусната, а нейните функции са предадени за изпълнение от Турция [3].

Само няколко години по-късно СССР изразява несъгласие с контролните правомощия, предоставени на турската страна и иска ревизия на конвенцията от Монтьро. Кремъл търси подкрепа от своите съюзници: първо от Германия, а след въвличането ѝ във войната - от САЩ и Великобритания. Противоречията между трите водещи сили след края на Втората световна война, предизвикват политически турбуленции с глобално измерение.

Режимът за Проливите е сред спорните теми. Турция, САЩ и Великобритания отхвърлят съветските претенции и изменението на конвенцията от Монтьо не се реализира.

Географското разположение на Дарданелите и Босфора, което оформя естествена водна връзка между Черно море и Средиземно море има ключово значение. Проливите съединяват два континента като изпълняват функцията на мост между Европа и Азия и образуват пряк воден път с многостранно предназначение за развитието на световната икономика [4]. Стратегически Турция е най-важният военен фактор в Източното средиземноморие и Близкия изток [5]. Именно на тази геостратегическа дислокация се дължи и вековният стремеж на Русия за контрол върху Проливите.

След подписването на пакта Молотов-Рибентроп през август 1939 г. народният комисар на външните работи В. Молотов информира Германия, че СССР възнамерява да ревизира режима за Проливите и да установи военни бази в Турция. В края на 1940 г. двете страни дискутират темата за сфери на влияние. Съветската позиция е категорична, че България и Проливите са много важни за нейната сигурност. Общо е съгласието, че конвенцията от Монтьо вече не отговаря на новата политическа карта. На Турция са известни съветските претенции, както от директно водените разговори със СССР през есента на 1939 г., така и косвено, от Хитлер, който уведомява турската власт за тях [6].

С германо-съветската война, започнала на 22 юни 1941 г., военният конфликт ескалира международните отношения. СССР е принуден да промени коалиционните си съюзници с Великобритания и САЩ, но без да изменя посоките на външнополитическите си приоритети и аспирации.

Турция влиза в съюз с Великобритания и Франция през октомври 1939 г., а на 18 юни 1941 г. тя сключва с Германия пакт за дружба и ненападение. В хода на Втората световна война турската дипломация успява да лавира между двата блока на противостоящите сили и запазва статута си на неутрална държава почти до края на войната. Нейната територия се превръща в кръстопътно място на разузнавателни служби от цял свят [7].

Политиката на неутралитет на Турция се оказва изгодна за нея при прилагане разпоредбите по конвенцията от Монтьо. Правото ѝ на самостоятелна преценка позволява на силите от Оста да използват търговски кораби, за да пренасят въоръжение и

амуниции през Проливите [8]. Антихитлеристката коалиция предполага за нарушения на установения навигационен режим, но действия се предприемат едва през лятото на 1944 г. През август с.г. Турция прекъсва политическите и икономическите връзки с Германия, а няколко месеца по-късно Проливите са отворени за съюзническите кораби, които превозват товари по лендлиза [9]. По време на срещата в Москва през октомври 1944 г. Сталин и Чърчил разговарят за необходимостта от ревизия на конвенцията от Монтьо и за свободно преминаване на руски кораби през Проливите по всяко време [10]. На конференцията в Ялта през февруари 1945 г. Сталин отново повдига въпроса за Проливите, но не постига резултат [11].

Международният авторитет на СССР след края на войната е висок, което му осигурява силна позиция, за да пристъпи към активни дипломатически действия. Съветските претенции за контрол на Проливите се поставят паралелно в преки разговори с Турция и на съюзническо ниво с правителствени глави и външни министри на Великобритания и САЩ по време на международни конференции. Сталин и В. Молотов са особено настоятелни в исканията си и по двете линии с цел да получат съгласието на Турция.

През март 1945 г. СССР денонсира договора за приятелство и неутралитет с Турция подписан 1925 г., с аргумента, че не кореспондира на новата политическа ситуация и изисква сериозни промени. Съветският акт е несъмнено свързан с техните намерения въпросът за Проливите да се реши в двустранен договор, с което Великобритания и САЩ да се изолират от участие [12].

През юни 1945 г. съветският външен министър В. Молотов информира турския посланик в СССР С. Сарпер, че подписването на нов договор за приятелски отношения с Турция зависи от ревизията на конвенцията от Монтьо, уреждане на териториалните въпроси в пограничните райони и разполагане на руска военна база в Проливите за създаване на по-голяма сигурност [13].

Турската страна представя своето становище, което включва само подписване на съюзен договор, против възможна агресия от неприятелска държава – европейска или средиземноморска, а също предлага да се сключи договор за закупуване на оръжие от

СССР, за да се осигури отбраната на Проливите. Турция разглежда един нов съюзен договор като добра основа, върху която да се развият приятелски двустранните отношения. В. Молотов не отстъпва от нито едно от предявените условия и отказва подписване на съюзен договор. Съветският съюз обаче не изпраща официална нота до турското правителство с исканията си, въпреки че ги смята за обосновани [14].

В програмата на Потсдамската конференция (17 юли – 2 август 1945 г.) е включен за обсъждане и режимът за Проливите. Разискванията се водят последователно от държавни ръководители и от външни министри. Дискусиите се разгръщат главно върху проекта на съветската делегация [15]. САЩ [16] и Великобритания [17] също внасят свои проекти с предложения.

В три точки са изложени съветските претенции – първо, осъвременяване на конвенцията от Монтьрьо, второ, преходът през Проливите да е от компетенциите на Турция и СССР като най-заинтересовани страни и трето, заедно с турските военни бази в Проливите да има и съветски военни бази, като гаранция за безопасността и мира в черноморския регион.

Сталин използва геополитически аргументи, за да защити съветските претенции: Русия е голяма държава и Проливите са от важно значение за нея; конвенцията от Монтьрьо е насочена срещу руските интереси, защото дава права само на Турция, която по своя преценка отваря и затваря Проливите. В този смисъл правата на Съветите са приравнени с тези на японския император. За Сталин е нелогично Турция да не позволява свободно корабоплаване през Черно море и обратно, а и в самата конвенция няма нужните гаранции. Военно-политически са съображенията на съветския лидер за руското искане за военна база в Проливите. На тях им е необходима както за престой на техния флот, така и да отстояват своите права съвместно със съюзници си. Той настоява за база, дори и на друго място, но да се промени положението, което определя за «смешно» [18].

Труман изразява американската позиция, която е за преразглеждане на конвенцията от Монтьрьо. САЩ предлага навигацията по международните вътрешни водни пътища, включително и през Проливите да е открита за целия свят и правото за свободно преминаване на всяка страна да бъде гарантирано [19]. В техните предложения също се открояват

геополитически съображения – при интернационализация на европейските речни и морски пътища се улеснява американската намеса [20]. Президентът поддържа мнението, че териториални въпроси могат да се решават двустранно между Турция и СССР, но не и режимът за Проливите.

Британският премиер разглежда съветските предложения като неприемливи, защото излизат извън уговорената рамка [21]. Той е за промяна на конвенцията от Монтьро и подкрепя становището на президента. Според разбиранията му безусловно най-ефективна е гаранцията на великите сили и на заинтересованите държави [22].

Сталин не одобрява американския проект, тъй като не съдържа отговор на исканията, които СССР поставя пред съюзниците, а засяга само въпроса за свободната навигация. САЩ разглежда проблема интегрално – свободната навигация включва всички международни вътрешни водни пътища, както и преминаването през Проливите. Съветският лидер изразява опасение за възможността да се постигне споразумение, след като възгледите им се разминават.

Предложението на британската делегация предвижда конвенцията от Монтьро да бъде отменена чрез съответстваща процедура и заменена от ново международно съглашение. В него да се утвърди принципът за свободна и неограничена навигация през Проливите за военни и търговски съдове в мирно и военно време, който да се гарантира от трите държави [23].

Американската и британската гледни точки за Проливите си съвпадат, което показва техния стремеж да заобиколят съветските искания и да се избегне фортификацията. Според тях гаранцията на международни авторитети за свободния режим в Проливите е с повече стойност отколкото фортификацията. Те искат да се утвърди правото на Русия да има пълна свобода за преминаване през Проливите в едното и в другото направление [24].

В заключение на разискванията може да се обобщи, че трите правителства признават необходимостта от преразглеждане на конвенцията от Монтьро, за да се съобрази с настъпилите промени в международната обстановка. Те приемат, че въпросът за Проливите остава за разглеждане при директни преговори между всяка от трите сили и Турция [25].

Потсдамската конференция не постига съгласувано решение за Проливите, но е политическо събитие, което показва нова ориентация в международните отношения. В нея ясно се очертава тенденция с биполярна характеристика. Президентът Труман демонстрира, че САЩ са готови да разпростират влиянието си и в Източна Европа. Глобалното съперничество между СССР и САЩ набира скорост, тъй като двете сили имат политически амбиции в региона. Задокоеанският съюзник е особено полезен на Великобритания и за нейната доминация в Средиземно море. По сходни причини Турция е повече от доволна от позицията на САЩ за Проливите, защото хармонира на нейните интереси. След конференцията очакванията на турското и на британското правителства са за активност и инициативност на САЩ за окончателно решаване на проблема. В действителност обаче събитията не се случват бързо. Държавният департамент на САЩ и президентът Труман не могат да синхронизират вижданията си по въпроса за интернационализация на водните пътища като цяло [26].

На 2 ноември 1945 г. американското правителство изпраща ноти до Турция, до Великобритания и до СССР относно специфичните принципи, които предлага да бъдат приети при ревизия на конвенцията от Монтьо. Турският външен министър е удовлетворен от направеното предложение, но иска разяснение доколко в нея са отразени вижданията на трите велики държави. Безпокойство на Турция е свързано със съветските искания за бази. Отговорът на САЩ е отрицателен [27]. Великобритания е за отлагане на въпроса. СССР показва неотстъпчивост на дипломатическо ниво и определя американските предложения като недостатъчна гаранция за съветската сигурност в региона, което допълнително поддържа напрежението на Турция [28].

От края на Потсдамската конференция през август 1945 г. до съветските предложения през 1946 г., е налице влошаване на съветско-западните отношения и засилване на американската подкрепа за Турция. САЩ също търси ползи от геостратегическото разположение на турската държава и се солидаризират със западната поддръжка през периода на размяна на ноти между Турция и СССР през втората половина на 1946 г., във връзка с Проливите [29].

На 7 август 1946 г. Съветският съюз изпраща нота до Външното министерство на Турция. Нотата насочва вниманието към факта, че по време на войната няколко пъти германски и италиански военни кораби са преминали през Проливите. Нарушенията доказват, че режимът, установен за Черноморските проливи не е надежден, не защитава сигурността на прилежащите крайморски държави от вражески намерения спрямо тях, за което Турция е отговорна. Същият ден СССР, чрез своите посолства в Лондон и Вашингтон, информира Великобритания и САЩ за нотата. Външният министър на Турция Хасан Сака по същия начин уведомява американския и британския посланници в Истанбул за връчената нота [30].

Засиленият съветски натиск увеличава честотата на консултациите, които Турция провежда с американците и британците. В първия вариант на отговора на съветската нота Турция използва всички възможни факти, за да отхвърли отправените обвинения относно нарушаване на конвенцията във военно време. Тя се противопоставя на опитите да ѝ се наложат чужди искания. Турското правителство държи на своята компетентност по прилагане на конвенцията от Монтьро и не допуска прояви на съмнения в това отношение [31].

Държавният секретар Дж. Бърнс, който е в Париж, получава секретна телеграма от своя заместник Д. Ачесън. В нея се съдържа информация за срещата на военните и военноморски департаменти която приключва с меморандум относно турско-съветските отношения. Главната цел, формулирана в документа е, с избрания политически курс САЩ да се противопостави с всички средства на аспирациите спрямо Турция. Президентът Труман е съгласен [32].

На 19 август американското правителство дава своя отговор на съветската нота. В него се възразява срещу петото предложение, отбелязано в нотата, което се отнася за установяване на съвместна защита на сигурността на Проливите от Турция и СССР. По същество САЩ е против подобна промяна на клаузите в конвенцията от Монтьро и поддържат статуквото – Турция следва да продължи да е отговорна за защитата на Проливите. При опасност от агресия и заплаха за международната сигурност следва ООН да разгледа въпроса, който е от нейната компетентност [33].

На 21 август, след консултации с политическите кръгове на Турция и САЩ, британското правителство също излиза с отговор. С мълчание отминават първите три точки от нотата и се концентрират върху точки 4 и 5. Лондон припомня, че на международно ниво е признато участието и на други държави извън черноморския регион, които са включени като съдоговарящи се страни в преговорите за режима върху Проливите. В тази връзка се отхвърля искането в т. 4 за ревизия на установения регламент. Относно точка 5 вижданията на САЩ и Великобритания съвпадат – Турция има всички права самостоятелно да осигурява защитата на Проливите. Тяхната обща позиция прави безперспективен стремежа на СССР да постави на регионално ниво режима на Проливите и в бъдеще същият да се регулира единствено от черноморските държави и Турция [34].

Последна Турция заявява своето становище по съветската нота, което финализира съвместното виждане със САЩ и Великобритания. Тя проявява готовност, в съответствие с процедурата, да се проведе конференция за предоговаряне на конвенцията от Монтьро. Турската държава изразява съгласие с точки 1–3 от съветските предложения, но се противопоставя сериозно на залегналите претенции в т. 4 и 5. Не се приема искането в т. 4, с което се отхвърля и опита за нов подход и ревизия в структурата на конвенцията. Предвижданията са за нейното по-дълго приложение. За Турция е неприемлива и точка 5, в която СССР застъпва своя интерес в режима за защита на Проливите [35].

Съветските управляващи не приемат турския отговор и излизат на 24 септември свтора нота, в която дават по-широка интерпретация на своите предложения. В нея те потвърждават убедеността си, че конвенцията от Монтьро не гарантира сигурността и интересите на черноморските държави, както и тяхната отбрана от враждебни действия. Турският отказ за възможни съвместни действия в контрола на Проливите се приема двусмислено и поражда съмнения в искреността на Турция за намеренията ѝ да възстанови приятелските си отношения със СССР. В нотата се отстоява позицията за общи съветско-турски защитни мерки като много по-ефикасни и не нарушаващи правата на Турция [36].

САЩ и Великобритания запазват непроменени заявените вече становища и по втората съветска нота.

На 18 октомври 1946 г. турският външен министър представя сравнително дълга нота. Аргументацията срещу предложението за съвместна защита на Проливите е юридическа, тъй като се засягат суверенните права и сигурност на Турция. Неговата реализация означава Турция да преотстъпи част от суверенитета си на СССР, което е политически абсурд. Тактиката на Сталин с дипломатически натиск да получи достъп до контрола на Проливите се оказва погрешно ситуирана в международното пространство. СССР разбират невъзможността да използват сключване на двустранно споразумение с Турция, за да постигнат целите си и осъществят претенциите си. За тях е ясно, че една международна конференция за Проливите също няма внесе съществени промени в конвенцията от Монтьро [37].

През цялата 1947 г. съветската дипломация упорито търси полезно за нея решение за Проливите, включително като се обмислят варианти за тристранно споразумение между СССР, САЩ и Великобритания. С назначението на А. Лавришчев за посланик в Турция в началото на 1948 г., Политбюро на ЦК на КПСС утвърждава документ представен от съветското външно министерство като „Указания за посланика в Турция”. В точка 4 се нарежда на посланика да ограничи обясненията си на възможни запитвания от турската страна относно съветската позиция за Проливите и за нотите от 7 август и 24 септември 1946 г. Това е последният значим документ, в който се засяга въпроса за Проливите.

След смъртта на Сталин твърдата политика на съветското правителство спрямо Проливите се трансформира изцяло. На 29 май 1953 г. СССР отправя декларация към Турция, в която се заявява политически курс за установяване на добросъседски отношения между двете страни, за поддържане на мира и сигурността в региона и най-главното – изоставят се териториалните претенции на СССР и се променя позицията спрямо Проливите [38]. Конвенцията от Монтьро се запазва и остава валидна и до днес с внесени известни корекции в правната материя.

Бележки

1. В преамбюла на конвенцията се уточнява означението «Проливи», което включва преминаване и корабоплаване през проливите Босфор и Дарданели и в Мраморно море.

2. СССР, Франция, Великобритания, Турция, България, Гърция, Румъния, Югославия, Япония, Австралия.

3. <http://tass.ru/info/1418303> (достъп: август 2016).

4. *Picak M.* Political, economic and strategic dimension of the turkish-soviet straits question emerged after World war II // International Journal of Business and Social Science Vol. 2 No. 15; August 2011/ http://ijbssnet.com/journals/Vol_2_No_15_August_2011/20.pdf С. 173 (достъп: август 2016).

5. *Hasanli J.* The «Turkish Crisis» Of The Cold War Period And The South Caucasian Republics, /The Caucasus and Globalization/, Vol. 3, Issue 1, 2009.С.127.

6. *Chatziioannou N.* The Question of the Straits and the Soviet Foreign Policy, <https://repository.ihu.edu.gr/xmlui/bitstream/handle/11544/116/N.Chatziioannou.pdf?sequence=1> (достъп: юли 2016).

7. *Сотниченко А.А.* Пролог «Холодной войны». Турецко-советские противоречия в 1945-1950 гг. в условиях формирования ялтинской системы международных отношений //Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. СПб., 2010. № 2. С. 218–231.

8. *Chatziioannou N.*Пос. съч.

9. Пактам.

10. Пактам.

11. Пактам.

12. Пактам.

13. *Leffler M. P.*, Strategy, Diplomacy, and the Cold War: The United States, Turkey, and NATO, 1945-1952, //The Journal of American History/, Vol. 71, No. 4 (Mar., 1985)/, с. 809.

14. *Сотниченко А.А.*Пос. съч. С.218–231.

15. Советский Союз на международных конференциях периода Великой отечественной войны 1941–1945 гг. Том VI. Берлинская(Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании(17 июля–2 августа 1945 г.). Сборник документов/ Гл.ред. А.А. Громыко.№ 63. С.350.

16. Пак там. № 88. С.373.

17.Пак там. №. 100. С.390–391.

18. Пак там. С.159.

19. Пак там. С.160.

20. Пак там. № 74. С.360.

21. Пак там. С.143–144.

22. Пак там.

23. Пак там, док.100. С.390–391.
24. *Chatziioannou N.* Пос. съч. С.49–50.
25. Пак там. XVI. С. 477.
26. Пак там.
27. *Ulgul M.* The Soviet Influence On The Turkish Foreign Policy (1945–1960), <http://fsu.digital.flvc.org/islandora/object/fsu%3A175981>. С. 47(доступ:юли 2016).
28. Пактам. С. 48.
29. Пактам. С.49.
30. *Hasanli J.* Пос. съч. Сс.126.
31. Пак там.
32. Пак там.
33. Пак там.
34. Пак там. С.127.
35. Пак там.
36. Пак тамю. С.128.
37. Пак там.
38. *Picak M.* Political, economic and strategic dimension of the turkish-soviet straits question emerged after World war II //International Journal of Business and Social Science /Vol. 2 No. 15; August 2011, http://ijbssnet.com/journals/Vol_2_No_15_August_2011/20.pdf. С. 187 (доступ:август 2016).

Р.А. Николаенко (г. Краснодар, Российская Федерация)

ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЮГОСЛАВИИ В 1980-Е – НАЧАЛЕ 1990-Х ГГ.

В калейдоскопе трагических событий настоящего дня, как волной прокатившихся с Востока на Запад, нельзя не обратить внимание на земли славян. Думалось, что ошибок недалекого прошлого удастся избежать. Ведь как гласит древняя мудрость – «*historiamagistravitae*». Однако надежда на то, что славяне извлекли уроки из драматических, перемешанных кровью событий, вызванных распадом Югославии, не оправдала себя. Украинский кризис с широким вовлечением в процесс урегулирования международных посредников представляется отголоском эха балканских событий начала 1990-х гг. Это вновь актуализирует вопрос о причинах и им предшествовавшим

предпосылках Югославской трагедии, разгоревшейся в 1990-х гг. Конец 1980-х – начало 1990-х гг. ознаменовано чередой «бархатных революций» в Восточной и Юго-Восточной Европе, объединением Германии. Всё громче звучали призывы к свободе, открытости, независимости. Крушение «социалистического лагеря», а затем и распад в 1991 г. Советского Союза положили конец блокового противостояния, что, казалось, должно было привести к стиранию напряженности не только на внешнеполитической арене, но и ликвидации внутрисоюзных противоречий.

Однако изменение внешнеполитического климата, положительно отразившемся на внутреннем развитии одного полюса, резко повлияло и на развитие противоположного, но с кардинально обратным эффектом. Вполне естественно, что крах социализма не мог не затронуть и Югославию – государство, которое у многих людей того времени, проживавших в других социалистических странах, представлялось неким островком благополучия. До конца 1980-х гг. югославская федерация казалась образцом решения межнациональных отношений. Она олицетворяла мир и согласие между народами. Внутри единого этноса с разной исторической судьбой.

Как же получилось, что после почти полувекового совместного проживания югославянские народы, несмотря на этническое родство, превратились в злейших врагов, ненавидящих и уничтожающих друг друга с особой жестокостью?

В литературе мы обнаружим противоречивые оценки по вопросам происхождения балканского кризиса 1990-х, вызванного распадом Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ), его причин и последствий. Как нет единства по вопросам причин и последствий распада СФРЮ, так нет единства и по вопросу соотношения внутренних и внешних факторов зарождения и эскалации кризиса на Балканах. Точки зрения диаметрально противоположны: от исторической неизбежности до мирового заговора[1].

В таком конгломерате оценок и подходов в исследовании кризиса на Балканах 1990-х гг. нельзя не согласиться с тем фактом, что Югославский кризис имеет комплексный, многослойный характер и как следствие и многообразные причины[2]. Как считает ведущий научный сотрудник Центра

внешней политики России С.А. Романенко, повышенная и устойчивая конфликтогенность Балкан определяется тремя группами фундаментальных обстоятельств: геополитического, цивилизационного и локального (местного) порядка [3]. Данные обстоятельства в конечном итоге вели к тому, что у каждого из народов Балкан формировались свои образы друзей и врагов, свои взгляды на методы выживания: борьба или приспособление. И все это не могло не сказаться на взаимоотношениях самих народов, населявших Балканы. Многие из этих предубеждений и предпочтений сохранились и до нашего времени, а взаимные претензии подчас восходят к далекому прошлому. В.Н. Виноградов отмечал: «Прописная истина заключалась в том, что Югославия населена близкородственными по крови и языку народами. Но история развела их в разные стороны. Сербь, черногорцы, македонцы относятся к миру восточноевропейскому, славянскому. Хорваты и словенцы, будучи по языку славянами, традиционно тяготеют к Западу, к Германии. Мусульмане давно и прочно вошли в орбиту ислама. Эти различия сказались на менталитете народов, отсюда – множество противоречий, не только экономических и политических, порожденных обстановкой, но и социально-психологических и культурных, отсюда – сильнейшая склонность к отторжению» [4]. В результате ссоры, распри, конфликты народов, наций, национальностей, этносов, государств принимали затяжной характер, становились отличительной чертой, особенностью их внутренних и внешних взаимодействий. Вчерашние друзья, соседи с оружием в руках стали отстаивать свое видение решения проблем путем создания этнически чистых государств.

Однако была ли в действительности национальная рознь южных славян исторической обусловленностью, вызванной цивилизационно-культурными особенностями развития? Был ли распад СФРЮ неизбежным следствием внутренних противоречий в купе с внешними факторами?

Особо чувствительным в Югославии всегда был национальный вопрос, что, собственно, характерно для каждого многонационального и поликонфессионального государства, коим и являлась Югославия. Развитие большинства народов, составлявших Югославию, проходило по-разному. Одни находились под османским игмом, другие – под господством

Австро-Венгрии. Одни исповедовали ислам, другие – православие и католичество. По ним прокатились волны фашизации, затем советизации, а сегодня – вестернизации. Одни боролись за освобождение с оружием в руках, другие ждали, когда великие державы преподнесут им независимость. Различия в общественно-экономическом, политическом, культурном и религиозном развитии, разные взгляды на принципы организации государства, на историческую перспективу развития нации создавали проблемы во взаимоотношениях между народами Югославии. Так было и в годы существования «Первой Югославии» – Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев 1918 – 1945 гг. (с 1929 г. – Королевство Югославия), так произошло и в образовавшейся после Второй мировой войны в Федеративной Народной Республике Югославии (с 1963 – СФРЮ). В послевоенной Югославии, состоявшей из шести республик: Боснии и Герцеговины, Македонии, Сербии с автономными краями Воеводина и Косово и Метохия, Словения, Хорватия и Черногория, были формально провозглашены принципы равноправия народов, закреплено федеративное устройство, а национальный вопрос был объявлен решенным [5]. Однако в действительности в межнациональных отношениях не было единства. Относительная стабильность в межнациональных отношениях достигалась путем монополистической идеологии и однопартийной диктатуры, подавлявшей всякое инакомыслие. И не случайно после смерти в 1980 г. И. Б. Тито, которому, по мнению большинства исследователей, удавалось с помощью силы и непререкаемого авторитета сдерживать дезинтеграционные тенденции в республиках СФРЮ, маховик сепаратизма стал набирать обороты. После 75-летнего совместного проживания югославянские народы, вспомнив прошлые обиды, превратились в злейших врагов. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в Югославии сплелись воедино и застарелый межэтнический конфликт, и социально-политические противоречия. Югославская Федерация являлась социалистическим государством, руководство которого, отказавшись от советской модели социализма, разработало собственную концепцию самоуправленческого социализма [6]. Данная концепция предполагала децентрализацию политической и экономической жизни в том смысле, что центр предоставил большие полномочия субъектам федерации и трудовым коллективам. Такая политика вопреки ожиданиям, что будет

решен национальный вопрос и образуется единая югославская нация, напротив, способствовала росту националистических настроений и амбиций местных элит. Особые споры вызвала конституция 1974 г., которая предоставляла огромные права республикам и краям. Сербские политики были недовольны, считая, что конституция способствовала обособлению краев Воеводино и Косово. Политики из Словении и Хорватии, напротив, приветствовали новую конституцию. По их мнению, она создавала условия перераспределения власти в пользу республик и краев и способствовала сдерживанию «сербского гегемонизма» [7]. Именно в этот период (1960-е – 1970-е гг.) в югославских республиках формируются националистически настроенные элиты, начал складываться определенный слой в республиках и краях, получивших наименование «этнократия». Политика националистически настроенных элит в югославских республиках, по мнению большинства историков, и явилась главной причиной дезинтеграции страны [8].

Конституционные изменения закрепили независимость республик и краев и преобладающие экономические прерогативы региональных субъектов. В результате сложилась новая экономическая система, получившая название «договорной экономики». Она заключалась в том, что процесс производства и распределения основывался на договоренностях между всеми субъектами экономических связей. Однако значительная часть договоров не выполнялась. Новая экономическая система способствовала региональной замкнутости, усилению автаркии республик и краев, которые отдавали предпочтение сотрудничеству с иностранными фирмами, а не друг с другом. Все это вело не только к экономической, но и к политической дезинтеграции. Обладая большими полномочиями, республиканские управленческие структуры исходили в первую очередь из интересов «национальной», т. е. республиканской экономики, и только потом думали о югославской экономике в целом. Для набиравшей силу «этнократии» как нового правящего слоя, было характерно стремление к национально-авторитарным формам правления. Это выражалось в борьбе за власть, собственность, контроль над «своей территорией», этнический протекционизм, представителям своего национального бизнеса при полном игнорировании за другими народами тех прав,

которых они добивались для себя [9]. Б. Шмелев отмечал: учитывая тот факт, что федерация не играла ключевой роли в процессе производства и распределения и имела ограниченный объем полномочий, переданных ей республиками, можно утверждать, что уже к началу 1980-х гг. Югославия с точки зрения государственного устройства находилась в переходном состоянии от федерации к конфедерации [10].

Однако авторитет основателя и руководителя СФРЮ И. Броз Тито играл большую роль в деле сохранения единства федерации. После смерти Тито в 1980 г. процесс дезинтеграции страны усилился. Пост президента СФРЮ был упразднен, а во главе страны встал Президиум, члены, которого (главы союзных республик) ежегодно сменяли друг друга. Охвативший в начале 1980-х гг. экономический и общественнополитический кризис, все больше вел Югославию к неминуемой гибели. Огромный внешний долг Югославии лишил ее возможности получать новые займы, и ей пришлось выделить свыше 40 процентов валютных поступлений на обслуживание иностранных долгов [11]. Наиболее развитые в экономическом отношении республики Словения, Хорватия и Сербия перестали отчислять в Фонд федерации по кредитованию недостаточно развитых республики края Косово, который был создан в 1970-х гг. для преодоления экономического неравенства между республиками, процент от своего общественного продукта [12]. Это привело к значительному ухудшению экономического положения в слаборазвитых республиках. Ограничение реформ после X съезда Союза коммунистов Югославии – СКЮ (в политической сфере они вообще практически не проводились) и усиление роли республик и краев привело к тому, что в стране резко усилилась национальная партийно-государственная бюрократия, так называемая нациократия. Свобода гражданина подменялась свободой нации. Возникла концепция национальной экономики. Каждая республика стремилась защищать от конкуренции свои предприятия за счет предприятий других республик и обеспечивать себя всем необходимым. Хрупкий общегославский рынок стал распадаться на шесть республиканских.

В декабре 1989 г. премьер-министр Югославии Анте Маркович предложил знаменитый пакет мер по оздоровлению экономики. Речь шла не о «стабилизации», а о резком повороте к

рыночной экономике и политическому плюрализму. Результаты реформы были поразительны – сократился внешний долг, увеличился экспорт. Однако времени для завершения блестяще начатой реформы Марковичу не хватило [13]. Реформаторская деятельность А. Марковича натолкнулась на сопротивление различных политических группировок, относящихся к элитам отдельных республик, входивших тогда в состав СФРЮ. При этом реформы А. Марковича стимулировали сепаратизм в Югославии, поскольку требовали унификации существовавших в республиках СФРЮ экономических систем, а также спровоцировали дополнительную напряженность [14].

Первым серьезным предвестником кризиса государственности явились выступления на национальной почве еще в марте – апреле 1981 г. в Косово – наиболее отсталом в экономическом отношении крае. Выступление албанского населения края за расширение прав автономии и предоставление ей статуса республики обострило межреспубликанские отношения, усилило напряженность внутри Сербии. В Косово были введены части югославской народной армии (ЮНА), фактически установлено военное положение [15]. Но уже во второй половине 1980-х гг. маховик сепаратизма в СФРЮ набрал большие обороты. Этому явлению противились Сербия и сербское население, поскольку распад Югославии лишал их возможности развития как единой нации – около трети их общего числа в СФРЮ проживали за пределами Сербии. Пытаясь как-то переломить ситуацию, Скупщина СФРЮ 25 ноября 1988 г. приняла 39 поправок к Конституции страны. Большинство поправок касалось хозяйственного механизма, некоторые отражали новый подход к взаимоотношениям Федерации и республики. Центральное правительство получало право вмешиваться в деятельность республик, краев в случае невыполнения союзных законов [16]. Принятием поправок к Конституции и проведением вышеуказанных реформ руководство СФРЮ намеревалось разрешить противоречия между всё большей самостоятельностью субъектов Федерации и центральной властью, однако, не путем демократических реформ, а с помощью укрепления центральной власти. Авторитарный коммунистический режим и однопартийная система насильственно заглушали, но не разрушали

межнациональные противоречия. Кризис государственно-политической системы оказался неизбежен.

Первоначально обострились сербско-албанские отношения в Косово и связанная с этим проблема автономий. Общефедеральный статус автономных краев Косово и Воеводина был упразднен решением руководства Сербии в 1988–1989 гг. [17]. Изменение статуса Косово вызвало негативную реакцию в остальных республиках. Новая Конституция Сербии, принятая в октябре 1990 г., свела правовой статус краев Косово и Воеводины к территориальной и культурной автономии, лишив их всех элементов государственности [18]. Этот акт дал повод руководителям других республик, особенно Словении и Хорватии – Милану Кучан и Франьо Туджману, обвинять сербское руководство – Слободана Милошевича в гегемонистических устремлениях.

Клубок противоречий между республиками проявлялся во взаимных претензиях друг к другу и к центру, переплетался с внутри республиканскими проблемами, выражался в столкновении различных политических сил, которые руководствовались собственными национальными амбициями и экономическими интересами. Этнократия в борьбе за власть всячески подогревала национальные эмоции. Так в некоторых СМИ Хорватии появился тезис о «засилье сербов». Характерной чертой хорватского национализма было его переплетение с католическим клерикализмом, с его идеями о принадлежности католиков-хорватов к западной цивилизации в противоположность православным сербам. Аналогичные явления происходили и в Словении, где представители интеллигенции пропагандировали идеи «словенской исключительности». Эта борьба этнократических группировок была перенесена в СМИ, что привело к настоящей пропагандистской войне между республиками с взаимными обвинениями [19]. Один из видных политических деятелей Словении Я. Дрновшек в 1990 г., будучи на посту председателя Президиума СФРЮ, подчеркивал: «Все сильнее подгреваются национальные эмоции, нация ставится превыше всего, становится важнее демократии, экономического прогресса, основных прав человека» [20].

Единственной силой, сдерживавшей центробежные, дезинтеграционные тенденции, оставался Союз коммунистов

Югославии. Но и эта сила уже не могла коренным образом оказать воздействие на политику республиканских этноэлит. Попытки контроля со стороны СКЮ за проведением общей политики начали рассматриваться как вмешательство во внутренние дела республик и краев [21].

Осознание необходимости кардинального изменения всей сложившейся структуры политических и экономических отношений произошло в руководстве СКЮ. На состоявшемся в январе 1990 г. в Белграде XIV съезде СКЮ накопившиеся противоречия в развитии югославской Федерации и общества привели к открытому столкновению руководства СКЮ с республиканскими партийными организациями. Съезд подавляющим большинством голосов принял резолюцию об отмене статьи конституции о ведущей роли СКЮ, что означало демократизацию политической системы Югославии и открывало дорогу к созданию многопартийной системы. Кроме того, не сумев договориться о реформировании СКЮ на принципах федерализма, делегации Словении и Хорватии покинули заседание. За этим последовал фактически самороспуск СКЮ. Под воздействием событий в Восточной Европе 1989 г. и началом развала республиканских коммунистических партий, белградские власти разрешили, наконец, выборы на многопартийной основе [22]. Еще в период подготовки к последнему съезду СКЮ в Словении, а затем и в других республиках начали образовываться новые партии, в подавляющем большинстве, на национальной основе. Многие из них считали себя преемницами партий, существовавших в межвоенный период. На выборах в парламенты автономных республик (в Словении и Хорватии выборы состоялись в апреле и мае 1990 г., летом и осенью 1990 г. выборы состоялись в Сербии, Черногории, Македонии, Боснии и Герцеговине.) победили демократические партии (кроме Сербии). Везде были провозглашены стандартные для того времени лозунги демократизации, обновления и т.д. [23].

Происходившая в Югославии смена властных структур выявила тенденцию приоритета национальных политических партий и движений в новой политической системе. Пришедшим к власти националистически настроенным элитам удалось утвердить в массовом сознании народов, что путь к демократизации лежит в

осуществлении права этнической общности на создание национального государства.

В декабре 1990 г. в Словении и в мае 1991 г. в Хорватии были проведены референдумы, на котором свыше 90 % участвовавших в них жителей проголосовали за выход из югославской Федерации и за провозглашение этих двух республик самостоятельными суверенными государствами [24].

Новые политические реалии вынудили руководство СФРЮ начать переговоры об изменении отношений в югославской Федерации [25]. На проходивших с конца 1990 г. переговорах столкнулись две концепции возможного объединения республик: создания Конфедерации (союза суверенных государств, в котором республики сами решают, какую часть своего суверенитета передать центру) и Федерации – единого государства со сложной внутренней структурой и с широкими полномочиями центра.

Несмотря на то, что федеральные органы, а также созданная ранее группа экспертов из всех республик готовили варианты концепции будущего содружества, Словения и Хорватия готовились к окончательному выходу из СФРЮ. При этом в официальных заявлениях руководителей этих республик подчеркивалось мирное решение всех спорных вопросов.

События мая-июня 1991 г. стали кульминацией государственно-политического кризиса в Югославии. 15 мая на заседании Президиума СФРЮ не состоялась смена Председателя, поскольку представитель Хорватии С. Месич не набрал достаточного количества голосов. Таким образом, Югославия осталась без главы государства, чем и не преминули воспользоваться руководители Словении и Хорватии. В республиках были проведены референдумы по вопросу о выходе из состава СФРЮ. Понимая, что трудно добиться желаемой цели конституционным путём и что главным препятствием на этом пути может быть ЮНА, правящие круги Словении и Хорватии были заинтересованы в интернационализации конфликта. Для этого им выгодно было представить ЮНА «агрессором» против «демократической» Хорватии и Словении, которые лишь стремятся осуществить законное право наций на самоопределение. В свою очередь, в Сербии ширилась кампания за проведение мобилизации и оказание помощи сербам в Хорватии. 6 мая 1991 г. Союзный секретариат по народной обороне издал уведомление, в

котором подчеркивал, что ЮНА будет отвечать огнем на любое нападение на личный состав, подразделение и объекты армии [26].

Немаловажное влияние на события в Югославии и поведение руководства Словении и Хорватии оказывала международная ситуация. Один из исследователей югославской трагедии Александр Дугин в статье «Геополитика югославского конфликта» пишет, что «Балканы – это узел, в котором сплелись противоречивые интересы всех главных европейских геополитических блоков. Именно поэтому судьба балканских народов символизирует судьбу европейских народов» [27]. Исследуя роль внешнего фактора, болгарский писатель Стоян Баракوف, отмечал, что после неожиданного падения Берлинской стены в 1989 г. началось перекраивание карты континента, жестокая борьба за новые сферы влияния.

В отношении этого региона отчетливо прослеживается историческая закономерность, согласно которой глобальные изменения в соотношении мировых сил всегда неотвратимо отражались на расстановке сил на Балканах.

До распада Варшавского Договора, по мнению югославского политолога З. Станоевича, на Балканах существовало равновесие сил: две страны НАТО (Греция и Турция), две страны Варшавского Договора (Болгария и Румыния) и две нейтральные страны – Югославия и Албания [28].

После ликвидации Варшавского Договора и окончания «холодной войны» для Запада отпала необходимость в существовании сильной и «нейтральной» Югославии как сдерживающего фактора «советской угрозе». Одновременно усилилась заинтересованность западных держав в контроле над Балканами. Австрия и Германия были заинтересованы в создании на месте Югославии новых малых государств, подвластных их контролю. Турция претендовала на роль нового регионального центра силы, которому мешала единая мощная Югославия. Италия стремилась воспользоваться моментом для пересмотра своих внешних границ. США хотели раз и навсегда избавиться от «кошмара коммунизма» и одновременно использовать Балканы в качестве уникальной лаборатории для апробирования своих опытов в области регулирования этнонациональных конфликтов [29].

Совпадают мнения многих аналитиков о прямой заинтересованности Австрии и Германии в распаде Югославии и создании новых малых государств подвластных их контролю.

С конца 1980-х гг. стало усиливаться влияние Турции на Балканах. Это проявилось в наращивании ее экспортного потенциала, возрастающей роли в качестве посредника в торговле между республиками СССР (а позднее – СНГ) и Западом. В конечном счете, Турция после развала Югославии могла претендовать на роль нового регионального центра силы. Балканско-черноморский регион мог стать для нее мостом в Европу. Поэтому вряд ли Турция была заинтересована в существовании единой Югославии со значительным военным и экономическим потенциалом [30].

В Италии также существовали силы, которые надеялись, что дезинтеграция СФРЮ может поставить вопрос о пересмотре ее внешних границ. В мае 1991 г. итальянская Либеральная партия, входившая в правящую коалицию, на своем съезде потребовала в случае распада Югославии пересмотреть Осимские соглашения 1975 г. и вернуть Италии полуостров Истрия и районы Далмации [31].

Характерно, что в 1990 – первой половине 1991 гг. не было ни одной международной организации или страны, которые на официальном уровне поддержали бы тенденции к дезинтеграции Югославии. В начале 1990-х гг. международное сообщество с беспокойством следило за событиями в Югославии, накапливающиеся противоречия в развитии экономических и политических структур, уход с политической арены Союза коммунистов Югославии, глубочайшие межреспубликанские противоречия, достигшие апогея в 1991 г., когда в стране разразилась гражданская война, показали всю глубину кризиса, переживаемого Югославским государством.

Таким образом, дезинтеграционные процессы в Югославии имели внутреннюю подоплеку. Однако внутренние противоречия, несмотря на их глубину, не вели неминуемо к распаду. Сигналом к действию националистически настроенных элит послужили события 1989 г. в Восточной Европе, объединение Германии и падение престижа СССР на мировой арене. Сепаратистски настроенные руководители республик Югославии сознательно подталкивали население к взаимной неприязни и вражде,

выдвигая на передний план истории различия между народами и негативные эпизоды совместного проживания в едином государств. Также они хорошо понимали, что без поддержки западных государств им будет трудно добиться независимости республик и получить международное признание путем неперекрутой лжи, втягивали международное сообщество в процесс урегулирования Югославского кризиса. Что и привело к его быстрой интернационализации. Политика же западноевропейских государств, США и России, в данный период исходила из необходимости сохранения целостности СФРЮ (по крайней мере, в официальных заявлениях). Набиравший большие обороты этнополитический конфликт в Югославии вызывал большие опасения у европейских государств, особенно у балканских соседей Югославии. Первоначально западные государства предпочли не вмешиваться в конфликт, направляя лишь письма Президиуму СФРЮ и республикам. В посланиях обращалось внимание на то, что все противоречия должны решаться мирным путем, путем переговоров. Однако реакция западной прессы и отдельные нюансы политики ряда европейских государств говорят о другом: сепаратистские действия Словении и Хорватии встречали тайное или плохо скрываемое поощрение со стороны различных политических сил (например, итальянских либералов, республиканцев в США). Зазвучали слова о необходимости поддержать «некоммунистические» республики Югославии, тогда как сербское руководство стало почти повсеместно называться «необольшевицким».

К моменту провозглашения независимости Словении и Хорватии определенные политические круги стран Запада стали склоняться к признанию независимости этих республик, полагая, что поддержка единой Югославии способствовала разрастанию конфликта. Словения и Хорватия же восприняли такие заявления как поддержку в их безжалостной борьбе с сербским населением, которое не желало мириться со статусом национального меньшинства на отделившихся территориях. Выражая поддержку в признании независимости Словении и Хорватии, европейские государства, желая того или нет, стали одними из виновников развернувшейся войны в Югославии.

Примечания

1. См.: *Романенко С.А.* Распад Югославии: «заговор» или историческая неизбежность // *Полития*. 1998. № 2.
2. *Волков В.К.* Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 223.
3. Там же.
4. *Виноградов В.Н.* Об исторических корнях горячих точек на Балканах // *Новая и новейшая история*. 1993. № 4. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/BALKANS.HTM>
5. Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен / *Под ред. А.А. Язьковой*. М., 2007. С.51.
6. *Задохин А.Г., Низовский А.Ю.* Пороховой погреб Европы. М., 2000. С. 276.
7. *Каменецкий В.М.* Политическая система Югославии (1950 – 1980 гг.). М., 1991. С. 118.
8. См.: *Ващенко А.В.* Балканский кризис 1990-х гг.: Уроки для России. // *Грани*. Краснодар, 2001. С. 20–21.
9. *Васильева Н., Гаврилов В.* Балканский тупик? Историческая судьба Югославии в XX веке. М., 2000. С. 314.
10. *Шмелев Б.* Причины распада СФРЮ // *Балканы: между прошлым и будущим*. М., 1995. С. 35.
11. *Симич П.* Гражданская война в Югославии. Причины и последствия // *Международная жизнь*. 1997. № 7. С. 77.
12. *Тягуненко Л.В.* Союзная республика Югославия на рубеже XXI века // *Новая и новейшая история*. 2001. №3. С. 29.
13. Опыт друзей. Реформы конца 80-х годов в Югославии / *Под ред. Е.Ю. Гуськовой*. М., 1991. С. 13.
14. *Кузнецов Д.В.* Югославский кризис: Взгляд сквозь призму общественного мнения. М., 2009. С. 13.
15. *Романенко С.А.* Югославия: от «братства и единства» к войне и распаду // *Очаги тревоги в Восточной Европе*. М., 1994. С. 54.
16. *Никифоров К.* Югославянские народы в XX веке // *Первое сентября*. 1995. № 30.
17. Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен / *Под ред. А.А. Язьковой*. М., 2007. С. 54.
18. Из Конституции Республики Сербия // *Югославия в огне. Документы, факты, комментарии (1990–1992)*. Современная история Югославии в документах. М., 1992. Т. 1. С. 35–36.
19. *Васильева Н., Гаврилов В.* Указ.соч. С.318.
20. Цит. по: *Аблазова Л.* Государства-наследники СФРЮ // *Балканы: между прошлым и будущим*. М., 1995. С. 42.
21. *Мартынова М.Ю.* Балканский кризис: Народы и политика. М., 1998. С. 73.

22. *Куликова Н.В., Коробков А.В.* Изменения в общественно-экономическом устройстве Югославии: поправки к Конституции СФРЮ // Югославия: актуальные проблемы общественного развития. М., 1990. С. 146.

23. *Гуськова Е.Ю.* Политические преобразования и расстановка политических сил в СФРЮ в начале 90-х гг. // Югославия в огне. Документы, факты, комментарии (1990–1992). Современная история Югославии в документах. М., 1992. Т. 1. С.17.

24. См.: *Брагин Ю.* Распад Югославии, предпосылки трагедии // Международная жизнь. М., 1995. № 4-5. С. 23-30.

25. Из предложения Президиума СФРЮ о необходимости приступить к изменению Конституции СФРЮ // Югославия в огне. Документы, факты, комментарии (1990–1992). Современная история Югославии в документах. М., 1992. Т. 1. С. 65.

26. *Брагин Ю.* Указ.соч. С. 86.

27. *Дугин А.* Геополитика югославского конфликта // Политика. 1996. № 4. С. 79.

28. Цит. по: *Васильева Н., Гаврилов В.* Указ.соч. С. 340.

29. *Волков В.К.* «Новый мировой порядок» и балканский кризис 90-х годов // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 12.

30. *Валев Э.Б.* Югославский клубок // География. 1996. № 7. С. 32.

31. Там же. С. 34.

РАЗДЕЛ III. ТУРЦИЯ И СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Э.Г. Вартаньян (г. Краснодар, Российская Федерация)

РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА (1992–2016 гг.)

Исторически сложилось так, что одним из важнейших направлений российской внешней политики была борьба за влияние в Черноморском регионе. Здесь переплетаются интересы Турции, России, Украины, государств Восточной и Юго-Восточной Европы, Закавказья и др.

Укрепление двусторонних российско-турецких отношений – это исторический императив, поскольку единственным реальным средством противодействия негативным следствиям глобализации является региональная интеграция. Сотрудник РАН Егоров В.К. правомерно отмечает, что бесценный опыт сожительства двух стран в разные времена, в различных условиях и состояниях свидетельствует о главном – развитие двух стран и каждой в отдельности тем успешнее, чем больше они в своей внутренней и внешней политике следуют своим собственным интересам, тем более самостоятельными и независимыми они являются в мировом сообществе [1].

Окончание холодной войны дало мощный импульс активизации российско-турецких отношений, в основу которых были положены политический диалог и развитие всесторонних связей. Базовые ориентиры партнёрства между Россией и Турцией опираются на Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики от 25 мая 1992 г., который ознаменовал начало нового этапа в развитии российско-турецких отношений. Это нашло отражение, в первую очередь, в развитии торгово-экономических связей и туризма.

Российско-турецкие отношения в 1990-е гг. имели явные признаки партнерства, хотя и приобрели свою определенную конъюнктурой специфику. Стремительный переход России к рыночным отношениям сопровождался глубоким кризисом национального производства, что влекло небывалый спрос на зарубежные потребительские товары и услуги (прежде всего

туристические), а специфика российского спроса (оптимальное сочетание цены и качества) сделали Турцию одним из главных поставщиков этой продукции.

Знаменательно в контексте развития региональных связей создание Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), у истоков которой стояли Россия и Турция. Черноморский регион имеет на современной геополитической карте мира исключительное значение, т.к. здесь сконцентрированы природные ресурсы, через него проходят стратегические транспортные коридоры. В регионе сосредоточены геополитические, финансово-экономические (особенно если иметь ввиду Черноморско-Каспийский ареал), военно-стратегические интересы главных мировых и региональных объединений и сил. Важным направлением политического курса Турции в странах Черноморского бассейна является обеспечение своих экономических интересов, которые имеют целью установление торгово-экономических связей на выгодной Турции основе и влияния путём инвестирования средств в наиболее выгодные для Турции проекты и производство (строительство, добыча нефти и газа, их переработка).

Начиная с 1989 г. Турция стала выступать за создание системы экономического сотрудничества государств Черноморского бассейна. Мысль о создании организации с целью расширения экономического сотрудничества в регионе была озвучена в 1991 г. во время визита в Москву президента Турции Тургута Озала. Она была отражена в подписанном между СССР и Турцией Договоре о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве 12 марта 1991 г. В рамках этой договоренности 25 июня 1992 г. была создана Организация черноморского экономического сотрудничества, а в феврале 1993 г. во время встречи парламентских делегаций стран Черноморского бассейна (Албания, Азербайджан, Армения, Болгария, Греция, Грузия, Молдова, Румыния, Россия, Турция, Украина) создана Парламентская ассамблея черноморского экономического сотрудничества [2]. В июне 1998 г. на состоявшемся в Ялте саммите Организации, лидеры одиннадцати государств подписали основополагающий документ – её Устав, который позволил ОЧЭС получить статус региональной экономической организации и приобрести международный статус. В дальнейшем, главным

образом по инициативе Турции, в Стамбуле и Анкаре был проведен ряд встреч, конференций, симпозиумов, посвященных проблемам сотрудничества в рамках ОЧЭС. Тот факт, что ОЧЭС была создана в советский период истории, свидетельствует о некоем советском наследии в российско-турецких отношениях, на которое совершенно заслуженно обращает своё внимание турецкий исследователь Эрель Телляль, подчёркивая, что советский опыт очень много дал Турции, в частности, предоставил приемлемую международную обстановку для её существования [3]. Важную роль в осуществлении сотрудничества в рамках ОЧЭС имела специальная программа по развитию пограничных территорий и рациональному использованию природных ресурсов бассейна Черного моря. Таким образом, необходимость налаживания сотрудничества и многостороннего диалога была очевидна для черноморского региона.

Темпы роста объёма российско-турецких связей во второй половине 1990-х гг. диктовали необходимость расширения договорно-правовой базы сотрудничества двух стран. Решению этой задачи во многом содействовал состоявшийся 15–16 декабря 1997 г. официальный визит в Анкару правительственной делегации Российской Федерации во главе премьер-министром Виктором Черномырдиным. Это был первый в истории постсоветской России визит в Турцию главы российского правительства. В ходе переговоров стороны подписали 10 документов, которые выводили отношения между Россией и Турцией на качественно новый уровень. Среди них – Долгосрочная (на 10 лет) программа развития торгово-экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества, Соглашение о стимулировании и защите взаимных капиталовложений и др. В Долгосрочной программе была указана договоренность об увеличении объёмов природного газа, поставляемого из России в Турцию по существующим и вновь создаваемым газопроводам до 14, затем до 30 миллиардов кубических метров в год [4]. В этом контексте нельзя не упомянуть и реализацию крупного совместного проекта «Голубой поток», связанного с увеличением объёмов поставок природного газа из России в Турцию. Впервые о проекте заговорили в начале 1997 г., а в марте того же года был подписан Протокол о

намерениях, в котором стороны официально заявили о поддержке реализации выработанного ранее плана строительства уникального газопровода Россия – Черное море – Турция, который к концу века был построен. Общая длина газопровода 1200 километров. Уникальность сооружения заключается в том, что 385 километров трубопровода впервые в мировой практике проложены на глубине 2100 метров. Газопровод проходит через приморский российский поселок Джубга (Краснодарский край), по дну Черного моря до турецкого города Самсун и далее до Анкары. Реализация этого проекта позволила Турции решить острую проблему, связанную с удовлетворением своих постоянно растущих потребностей в энергоносителях, в первую очередь, в природном газе и электроэнергии [5].

1997 год стал вершиной в нарастании экономических отношений двух стран. В этом году Россия заняла первое место в турецкой челночной торговле и в области подрядных услуг и второе (после Германии) место в официальном экспорте и в области туризма, первое место в импорте Турцией природного газа, потребность в котором постоянно возрастала. Как указывает турецкий учёный Гюльтен Казган, «обе страны поняли одно: вместо того, чтобы соперничать в борьбе за влияние в стремящихся к развитию отношений странах Балкан, Кавказа, Средней Азии, гораздо больше пользы принесет налаживание общего многостороннего сотрудничества» [6].

Особенностью взаимодействия двух стран на рубеже XX–XXI вв. стало стремление создать новую платформу сотрудничества, суть которой заключалась в переходе от двустороннего сотрудничества к многоплановому партнёрству. Такой подход в перспективе предполагал развитие следующих направлений:

1. Конструктивный диалог в рамках международных организаций.
2. Развитие сотрудничества в борьбе с международным терроризмом, организованной преступностью и экстремизмом.
3. Сотрудничество на евразийском пространстве.

Динамично развиваются гуманитарные связи между Россией и Турцией. Правовой основой взаимодействия в этой области являются Соглашение о научном и культурном сотрудничестве между двумя странами, подписанное в 1994 г., и

подготавливаемые на его основе трехгодичные программы культурных, образовательных, научных, молодежных и спортивных обменов. В рамках этих документов был проведен ряд мероприятий, оставивших заметный след в науке и культуре обеих стран. Десятки российских и турецких студентов, преподавателей, в соответствии с подписываемыми соглашениями, получили возможность учиться и работать в порядке обмена в лучших вузах России и Турции. Примером может послужить сотрудничество преподавателей и студентов Кубанского государственного университета (КубГУ) и Гиресунского университета, обучение турецких студентов в КубГУ, в частности, на факультете истории, социологии и международных отношений. Тот факт, что профессорско-преподавательский состав КубГУ участвует в разного рода форумах, конференциях, симпозиумах в Турции, свидетельствует о позитивных тенденциях в сотрудничестве двух стран. Также впервые в истории межгосударственных отношений России и Турции была создана Смешанная комиссия историков (первое заседание было проведено в 1997 г. в Анкаре) [7]. В соответствии с решениями Комиссии в столицах двух государств были проведены коллоквиумы по вопросам взаимоотношений двух стран, научные конференции, изданы сборники трудов. Именно новые возможности сотрудничества позволили России и Турции приступить к реализации перспективных научных проектов.

В мае 2007 г. в Анталье состоялось подписание Протокола о сотрудничестве между Средиземноморским государственным университетом и Институтом стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова. Документ предусматривал студенческий и профессорско-преподавательский обмен, учебные стажировки, обучение магистров, аспирантов, защиту диссертаций, организацию международных и двусторонних научных конференций, издание книг, учебной литературы [8].

Заметны подвижки и в развитии двусторонних культурных связей. Так, в мае-июне 2004 г. в Москве, впервые в истории российско-турецких отношений с большим успехом прошёл фестиваль культуры Турции в России, а в 2005 г. – фестиваль российской культуры в Турции [9]. Эти фестивали стали своеобразным прологом к организации масштабных двусторонних мероприятий в сфере культуры. Кстати, в связи с Годом

русского языка, который был объявлен в 2007 г., в Турции были проведены мероприятия по популяризации русского языка, интерес к которому возрастает.

Из года в год активизируются связи двух стран по линии туризма, введение безвизового режима въезда и выезда российских и турецких граждан, что, безусловно, свидетельствует о повышении уровня доверия между двумя государствами.

Российская Федерация является обширным евразийским государством, которое соединяет в себе в историческом конструктивном взаимодействии многие великие культуры. В этом отношении у неё есть некая схожесть с Турцией. Турция – это мини-империя, хранящая дух космополитизма.

После терактов в Нью-Йорке и создания мировой антитеррористической коалиции, в ноябре 2001 г. российские и турецкие дипломаты достигли договоренности о продолжении двусторонних консультаций по сотрудничеству в борьбе против международного терроризма, работе по «экономическому измерению российско-турецкого взаимодействия в Евразии» [10]. 11 сентября 2002 г. в Москве прошла международная конференция «Перспективы сосуществования различных цивилизаций после 11 сентября 2001 г.». Выступавшие на ней турецкие докладчики подчёркивали близость позиций Турции и России на европейском пространстве [11].

В годы нахождения у власти в Турции Партии справедливости и развития (ПСР) отношения с Россией приобрели формат многопланового партнерства, как на двустороннем уровне, так и в региональном и глобальном уровне. Визиты в Москву Р.Т. Эрдогана в качестве лидера правящей ПСР в декабре 2002 г. и министра иностранных дел А. Гюля в феврале 2004 г. дали позитивный импульс двустороннему политическому диалогу. В ходе официального визита в Турцию президента РФ В.В. Путина в декабре 2004 г. был подписан пакет важных документов, в которых были зафиксированы договорённости о расширении многопланового партнёрства России и Турции в различных областях. Между двумя государствами действует смешанная Межправительственная комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству, создаются различные формы взаимодействия деловых кругов двух стран. Возможностей много.

Объем российско-турецкой торговли в 2002 г. составил 5 млрд. долл., а на начало 2003 г. – около 1 млрд. долл. и сдерживался недостатком в Турции свободных финансовых средств [12]. Масштабный объем работ выполняют на территории России турецкие компании по строительству (в частности, в Краснодарском крае, где был построен целый ряд объектов в 1990-е гг. – начале XXI в., в том числе большой жилой квартал «ЭНКА» в г. Краснодаре), создаются совместные предприятия. Российское участие в реализации проектов на территории Турции выглядит более скромно, в частности, модернизация построенного при содействии СССР металлургического завода в Искендеруне и алюминиевого завода в Сейдишехире, строительство плотины и ГЭС «Деринер», газопроводов и мостов.

В ходе рабочего визита премьер-министра Турции Р.Т. Эрдогана в Москву в январе 2005 г. обсуждался весь спектр российско-турецких отношений. В частности, были согласованы цифры роста двустороннего товарооборота. Его объем уже в 2005 г. превысил 15 млрд. долларов, а в 2007 г. достиг почти 25 млрд. долларов. Таким образом, за последние 35 лет объем российско-турецких торгово-экономических отношений возрос более чем в 100 раз [13]. По общему объему товарооборота Россия – второй после Германии торговый партнёр Турции. Турция же среди торговых партнёров России опережает такие страны, как Япония, Южная Корея и Индия.

С начала 2007 г. двусторонние российско-турецкие отношения характеризуются очередным этапом сближения в Черноморском регионе на основе, прежде всего, энергетического сотрудничества. Эта сфера кооперации двух государств является, по сути, «уникальным, – как пишет исследователь А.А. Ирхин, – примером регионального развития двусторонних отношений» [14].

Турция высказалась за расширение взаимодействия России в Организации исламская конференция (ОИК). Так, по инициативе Турции, как хозяйки очередного форума ОИК на уровне министров иностранных дел, в июне 2004 г. для участия в его работе был приглашён глава МИД России С. Лавров, которому была предоставлена трибуна для изложения российской позиции в отношении исламского мира. Это стало важным шагом на пути укрепления диалога России с исламским миром.

Курс на углубление двусторонних отношений был подтвержден и в ходе встречи российского президента В.В. Путина и турецкого премьер-министра Р.Т. Эрдогана летом 2007 г. в Стамбуле в рамках юбилейного саммита ОЧЭС. В 2010 г. В.В. Путин посетил Турцию в связи с проведением там Третьего саммита организации «Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии» (СМДА), детища президента Н. Назарбаева, его попытки создать нечто похожее на азиатскую ОБСЕ [15]. По итогам этого визита Россия и Турция подписали два документа: 1. Ростехнадзор и Агентство по атомной энергии Турции заключили соглашение в области лицензирования и надзора по ядерной безопасности; 2. Заявление об обеспечении безопасности российских туристов в Турции и турецких в России.

В феврале 2009 г. президент Турции Абдулла Гюль по приглашению президента России Д.А. Медведева посетил Россию с государственным визитом. Московский саммит стал важным событием не только с точки зрения дальнейшего развития двусторонних партнёрских отношений между двумя евразийскими государствами, но и в плане обеспечения стабильности и безопасности в регионе и в мире в целом. Была подписана Совместная декларация о продвижении к новому этапу отношений между Россией и Турцией и дальнейшем углублении дружбы и многопланового партнёрства. Визит этот был охарактеризован как начало качественно нового этапа в российско-турецких отношениях, поступательно продвигающихся от многопланового к стратегическому партнёрству.

Курс на развитие двустороннего сотрудничества был подтверждён в мае 2010 г., во время визита президента РФ Д.А. Медведева в Турцию. В частности, было подписано более 20 пакетов договоров в разных сферах сотрудничества. Энергетическое сотрудничество между двумя государствами вышло на новый уровень. Стороны договорились о строительстве четырёх блоков атомной электростанции, подписали соглашение по совместной реализации проекта нефтепровода Самсун-Джейхан, по которому российское топливо будет поставляться в обход турецких проливов на юг страны, таким образом, это поможет разгрузить водные магистрали и снизить риск экологического загрязнения и возможных проблем с транзитом. Было принято решение об отмене визового режима между двумя

странами. А во время своего визита в Турцию в июне 2010 г. премьер-министр России В.В. Путин предложил пересчитать экономику проекта «Голубой поток-2» с учётом незаинтересованности в нём Израиля, поскольку Израиль нашёл у себя на шельфе газ [16].

По итогам 2011 г. товарооборот между Россией и Турцией составил около 27 миллиардов долларов. Россия – поставщик примерно половины сырой нефти и 65 процентов природного газа, потребляемых Турцией [17].

Несмотря на противоречия и различия в подходах России и Турции к проблемам региональной и международной безопасности, представляется, что у двух партнеров есть общие долгосрочные цели в регионе Кавказа. Солидарна с мнением Н. Арбатовой в том, что, во-первых, это стабильность в Кавказском регионе, что предполагает совместное урегулирование конфликтных ситуаций, прежде всего проблемы Нагорного Карабаха и последствий российско-грузинского кризиса 2008 г. Восстановление и развитие экономических связей, транспортных коммуникаций, совместные экономические проекты при участии России и Турции могут создать необходимые предпосылки для политического урегулирования острых региональных проблем. Во-вторых, это предотвращение «трубопроводных войн», которые затрагивают интересы и России, и Турции, и ЕС в Черноморско-Каспийском регионе. Представляется целесообразным налаживание полноценного энергетического сотрудничества в треугольнике ЕС – Россия – Турция [18].

Турция прагматично учитывает собственные интересы. Именно этим объясняется её позитивно-нейтральное отношение к российской региональной политике, включая конфликты в Чечне, Абхазии в 1990-е гг. – начале XXI в., в Южной Осетии в 2008 г. Закрыв черноморские проливы для западных флотов в ходе российско-грузинского противостояния в 2008 г., она не только избежала эскалации конфликта, но и напомнила Грузии об их разногласиях по проблеме турок-месхитинцев. При этом в вопросах безопасности Причерноморья Россия и Турция – партнёры. Турция является последовательным региональным сторонником Российской Федерации в вопросах военно-морского сотрудничества в Черноморском регионе. Это имеет давние традиции и связано с нежеланием видеть присутствие в

Черноморском бассейне корабли нечерноморских стран, считая этот регион сферой первостепенных национальных интересов.

Реализация стратегии России в отношении с Турцией нам видится следующим образом:

1. Выстраивание общей политики в регионе.
2. Участие Турции в масштабных инфраструктурных проектах.
3. Подписание двустороннего договора о стратегическом партнерстве.

За последние годы Россия и Турция сумели наладить такое сотрудничество, которое не акцентируется на противоречиях. В результате, Россия и Турция – успешные торговые партнеры. А исторический опыт свидетельствует, что взаимовыгодное экономическое сотрудничество – основной фундамент всех видов партнерства, включая, стратегическое. Даже, когда интересы России и Турции пересекаются, как в Закавказье, стороны стараются соблюсти баланс интересов. Причем редкие разногласия получают публичную оценку со стороны официальных лиц. Турция – давний естественный южный сосед России, двусторонними отношениями надо дорожить, их укреплять и развивать. Само географическое положение наших стран, их естественные интересы порождают как комплекс противоречий, так и возможности для сотрудничества. Не случайно известный российский учёный Е. Сатановский пишет о том, что Турция стремительно и необратимо меняется, и эти изменения полны противоречий [19].

Стабильный политический диалог на высшем уровне, торгово-экономические связи, развитие туризма, рост количества смешанных браков, всё возрастающий поток рабочей турецкой рабочей силы в России – все это повышает интерес народов двух стран друг к другу. Стратегия России в отношении стран Малой Азии должна заключаться в выработке концепции стратегического партнерства, углубленного экономического сотрудничества и внешнеполитического взаимодействия. Так называемый «Поворот к Востоку» со стороны Российской Федерации не имеет антизападного аспекта.

События 29 ноября 2015 г. (уничтожение турецкими ВВС российского самолета, осуществляющего антитеррористическую операцию в Сирии) резко негативно отразились на двусторонних

отношениях. В связи с этим президент России В.В. Путин в декабре 2015 г. подписал указ «О мерах по обеспечению безопасности Российской Федерации и защите её граждан от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турецкой Республики» [20]. Двусторонние отношения оказались в замороженном состоянии. Только 27 июня 2016 г. президентом Турции Р.Т. Эрдоганом были предприняты шаги по налаживанию отношений двух стран: он обратился в официальном письме к президенту В. Путину с выражением заинтересованности в урегулировании ситуации, связанной с гибелью российского военного самолета В послании, в частности, отмечалось, что Россия является для Турции другом и стратегическим партнёром, с которым турецкие власти не хотели бы портить отношения. «У нас, – подчеркнул Р.Т. Эрдоган, – никогда не было желания и заведомого намерения сбить самолёт, принадлежащий Российской Федерации» [21]. Р.Т. Эрдоган выразил своё глубокое сожаление по поводу произошедшего и подчеркнул готовность делать всё возможное для восстановления традиционно дружественных отношений между Турцией и Россией, а также совместно реагировать на кризисные события в регионе, бороться с терроризмом.

После этой, несколько запоздалой акции раскаяния, между Россией и Турцией стали восстанавливаться отношения. 9 августа 2016 г. состоялся визит президента Турции Р.Т. Эрдогана в Россию. Поездка в Петербург оказалась первым зарубежным визитом турецкого лидера после неудачной попытки государственного переворота в этой стране в ночь с 15 на 16 июля 2016 г. Стороны говорили о необходимости скорейшего возвращения на прежний уровень двусторонних торгово-экономических отношений и гуманитарно-культурных связей. Р.Т. Эрдоган особо подчеркнул значимость достигнутого некогда соглашения о доведении объема российско-турецких торгово-экономических связей до впечатляющей цифры в 100 миллиардов долларов в год. В.В. Путин пообещал Р.Т. Эрдогану постепенно отменить все введенные Россией против Турции экономические санкции, в том числе и ограничения в отношении работавших в России турецких строительных компаний и отметил, что российская сторона надеется на реализацию, с участием Турции,

двух важных проектов – газопровода «Турецкий поток» и АЭС «Аккую» [22]. Все это будет важным шагом для возвращения российско-турецкого экономического сотрудничества в прежнее русло и дальнейшего его укрепления. Эксперты заговорили о начале нового этапа в развитии российско-турецких отношений.

Исторический опыт свидетельствует, что взаимовыгодное экономическое сотрудничество – основной фундамент всех видов партнерства, включая, стратегическое. Российско-турецкие отношения должны заключаться в выработке концепции стратегического партнерства, углубленного экономического сотрудничества и внешнеполитического взаимодействия, тем более, что Россию и Турцию сближает евразийское сознание сточки зрения геостратегии и культуры.

Примечания

1. *Егоров В.К.* Российско-турецкие отношения и фактор третьих сил // Турция в XX веке. М., 2004. С. 155.
2. *Пивоваров С.* Черноморский бассейн: оттеснение России // Азия и Африка сегодня (ААС). 1996. № 7. С. 5.
3. *Телляль Эрель.* Советское наследие в российско-турецких отношениях // Турция в XX веке. М., 2004. С. 139.
4. *Корицкий А.* Сотрудничество, а не соперничество // ААС. 1999. № 3. С. 14.
5. *Вартаньян Э.Г.* История Турции. Краснодар, 2014. С. 516.
6. *Казган Гюльтен.* Нестабильность в торговых отношениях между Турцией и Россией: причины и следствия // Турция в XX веке. М., Гуманитарий, 2004. С. 246, 248.
7. *Вартаньян Э.Г.* Россия–Турция на рубеже XX–XXI вв.: базовые ориентиры партнерства // Научные исследования. Международный сборник. М.; Астана; Кропоткин, 2013. С. 43.
8. *Корицкий А.* Год культуры России в Турции // ААС. 2007. № 9. С. 55–56.
9. Там же.
10. *Шевяков А.* Турция и страны СНГ. О некоторых аспектах сотрудничества нашего южного соседа с молодыми государствами постсоветского пространства и с Россией // ААС. 2004. № 5. С. 19.
11. Там же. С. 20.
12. *Матюнина Л.Х.* Роль и значение Турции во внешней политике России // Турция в XX веке. М., Гуманитарий, 2004. С. 332, 333.
13. *Корицкий А.* Россия – Турция: от соперничества к сотрудничеству // ААС. 2005. № 3. С. 13.

14. *Ирхин А.А.* Российско-турецкие и американо-турецкие отношения: дилемма внешнеполитического выбора турецкой элиты // <http://www.rusprostranstvo.com/article/view/> (дата обращения: 30.08.2012).
15. *Косырев Д.* Турция вышла из угла // Известия. 2010. 8 июня.
16. *Савиных А.* Турецкий транзит // Известия. 2010. 9 июня.
17. *Арбатова Н.* Москва и Анкара в многополярном мире. URL: <http://vprk-news.ru/articles/9018> (дата обращения: 30.08.2012); *Телляль Эрель.* Указ. соч. С. 138.
18. *Арбатова Н.* Указ. соч.
19. *Сатановский Е.* Возвращение Блистательной Порты // Известия. 2010. 21 января.
20. Путин подписал указ о санкциях против Турции. URL: <http://www.interfax.ru/russia/482152> (дата обращения: 12.05. 2016); Владимир Путин подписал указ о специальных экономических мерах против Турции URL: <http://www.newsru.com/russia/28dec2015/putin.html> (дата обращения: 18.07. 2016).
21. Владимиром Путиным получено послание Президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52282> (дата обращения: 14. 07. 2016).
22. Визит Эрдогана в Россию: Ино СМИ. URL: <http://inosmi.ru/overview/20160813/237542868.html> (дата обращения: 14. 08. 2016 г.).

А.В. Баранов (г. Краснодар, Российская Федерация)

ВЛИЯНИЕ ТУРЦИИ НА ПОСТМАЙДАННУЮ УКРАИНУ: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ И ВОЕННЫЙ АСПЕКТЫ

Актуальность темы проявляется в том, что Черноморский международный регион – один из ключевых для обеспечения национальной безопасности России. Конкуренция РФ и стран НАТО в регионе качественно возросла после начала Украинского кризиса. Одним из влиятельных внутрорегиональных факторов межгосударственных отношений выступает Турция, проводящая курс «неосманизма». В данном контексте нарастает актуальность исследования внешнеполитического и военного влияния Турции на постмайданной Украине.

Степень научной разработанности темы неравномерна. Наибольшее внимание уделено аспектам военно-политической конкуренции Российской Федерации и Турции в Черноморском регионе [1], а роль Украины в геополитических процессах

оценивается как пассивная [2]. Сложилась школа исследований экономического влияния Турции на постсоветском пространстве [3], но тема рассматривается либо в масштабе всех стран Черноморского региона, либо применительно к Югу России [4]. Недостаточное внимание уделено политике «мягкой силы» Турции в Крыму и причерноморских областях Украины. Среди редких исследований этого аспекта следует отметить кандидатскую диссертацию О.В. Рябцева [5], монографии украинских исламоведов – А.В. Богомолова, С.И. Данилова, И.Н. Семиволос, Г.М. Яворской [6] и Э.С. Муратовой [7], статью А.А. Ирхина [8], краткий подраздел в монографии Н.В. Киселёвой, А.В. Мальгина, В.П. Петрова и А.А. Форманчука [9]. Современный этап политики Турции в отношении Украины (с февраля 2014 г. по настоящее время) оценивается в основном публицистами [10]. Появились первые исследования дискурса СМИ Турции по вопросам Украинского кризиса (М.С. Чакмак и К.Ю. Сухоплещенко) [11].

Цель статьи – определить методы внешнеполитического и военного влияния Турции на Украину после государственного переворота 22 февраля 2014 г. По мере необходимости выявляется воздействие Турции на политический процесс в российском Крыму.

Современная стратегия внешней политики Турции сложилась после прихода к власти в 2002 г. Партии справедливости и развития во главе с Р.Т. Эрдоганом. Стратегия, в разработке которой большую роль сыграл тогдашний министр иностранных дел А. Давутоглу, предполагает активную политику Турции на «постосманском» пространстве Причерноморья для обеспечения дружественных отношений со всеми соседними странами, превращения Турции в ведущую экономическую и военную державу региона. Значительная роль в неоосманистском проекте отводится «мягкой силе» – продвижению исламских ценностей, турецкого языка и культуры [12]. Опорной точкой турецкого влияния на Украине являлся до марта 2014 г. Крым. Данная концепция не исключает лавирования Турции между интересами Запада и России.

Так, Турция стала активной участницей Организации Черноморского экономического сотрудничества. В 2001 г. создана военно-морская группа оперативного взаимодействия

БЛЭКСИФОР (BlackSeaNavalCooperationTaskGroup) в составе Турции, России, Украины, Болгарии, Румынии и Грузии. По инициативе Турции с 2004 г. проводится военно-морская операция «Черноморская гармония» (BlackSeaHarmonyOperation) согласованно с НАТО. Её целью является контроль над судоходными путями и досмотр подозрительных судов в целях противодействия терроризму и распространению оружия массового поражения. В 2006–2009 гг. к данной операции присоединились Украина и РФ [13]. Несмотря на участие Турции в НАТО, её органы власти после 2004 г. не одобряли планы ускоренного вступления Украины в НАТО, а во время Кавказского кризиса 2008 г. ограничили проход ВМС США в Черное море на основании конвенции Монтрё. Это означало прагматическое сближение позиций Турции и России, но гражданская война в Сирии с 2011 г. вызвала обратный крен турецкой дипломатии в сторону НАТО.

В данном контексте Крым с его узлом нерешенных до 2014 г. проблем равноправия крымских татар, статуса Севастопольской базы ВМФ РФ превращались в удобный плацдарм турецкого давления и на Украину, и на Россию. Турция являлась вторым (после РФ) торговым партнером Украины в Черноморском регионе. По подсчётам М.С. Чакмака, к концу 2012 г. товарооборот двух стран составлял 6150 млн. долл. Крупнейшими предприятиями Украины, работающими на турецкий рынок, выступают «Метинвест», «Криворожсталь», Сумское НПО им. Фрунзе, Одесский припортовый завод и концерн «Стирол». Только за 2011 г. «донорские» (некоммерческие) пожертвования Турции крымскотатарскому движению составили 8,1 млн. гривен [14]. В том числе, программа репатриации и реинтеграции крымских татар поддерживалась Турцией по направлениям: оплата покупки жилья (5,5 млн. долл.); развитие этнического образования (3,5 млн. долл.); поддержка изучения турецкого языка и культуры в вузах и школах Крыма; строительство и реставрация мечетей (26 из 95 новых культовых зданий за 1992–2013 гг. построены на турецкие средства) [15]. В Крыму отчасти сталкивались интересы Турции, продвигавшей умеренно-исламский проект сотрудничества с Духовным управлением мусульман Крыма, и Саудовской Аравии, поддерживавшей салафитскую структуру «Альраид» и экстремистскую партию

«Хизбут-Тахрир аль-Исламия».

Амбиции Турции опираются на военные, прежде всего – военно-морские ресурсы влияния. Турция занимает одно из первых мест в НАТО по доле общих военных расходов в ВВП (2–2,5%) и государственном бюджете (5,4%). В 2015 г. бюджет министерства обороны страны составит 20,3 млрд. долл. США, по расчётам профессора Нурхана Йентурка (Стокгольмский институт исследования проблем мира (SIPRI)) [16]. К началу 2014 г. численность личного состава Вооружённых сил достигла почти 470 тыс. чел. Военно-морские силы насчитывают свыше 90 боевых кораблей (в том числе 14 подводных лодок, 8 фрегатов, 8 корветов, 20 минно-тральных и 35 десантных кораблей), свыше 60 боевых катеров и т.д. [17]. По мнению эксперта А. Болдырева, в 2014 г. по огневой мощи турецкие ВМС в 1,5 раза превосходили Черноморский флот РФ (следует учитывать возможность быстрой переброски турецких ВМС из Средиземного в Черное море и поддержку со стороны флотов стран НАТО). Достаточно серьёзную силу представляют и ВВС Турции, насчитывая свыше 400 боевых самолетов [18].

Характерно, что еще до воссоединения Крыма с Россией Турция предпринимала меры давления на Украину с целью повысить своё влияние в Крыму. Так, 2 октября 2012 г. состоялась встреча министров иностранных дел Украины К. Грищенко и Турции А. Давутоглу, председателя Совета Министров АРК А. Могилев и председатель Меджлиса крымскотатарского народа М. Джемилева. На встрече глава турецкой дипломатии потребовал провести «объективное исследование», которое бы показало, каков удельный вес крымских татар в местных органах власти Крыма, и принять меры к их пропорциональному представительству [19]. Такие встречи стали постоянными, а давление на Киев для повышения статуса крымских татар увязывалось Анкарой с созданием зоны свободной торговли. Вовремя «майданного» насилия в Киеве, когда судьба Крыма ещё не была решена, влиятельная турецкая газета «Hürriyet» 29 января 2014 г. отмечала: «В случае дальнейшей дестабилизации политической ситуации в Украине Турция могла бы рассчитывать на переход под ее управление Крыма». Это-де «возможно в том случае, если полуостров объявит о своей независимости» [20].

Воссоединение Крыма с Россией было воспринято Турцией

враждебно. Турция проголосовала в ООН за резолюцию, поддерживающую территориальную целостность Украины и ее суверенитет над Крымом. Однако Турция воздерживалась от слишком резких шагов, учитывая свою энергетическую и туристическую зависимость от России. Тогдашний президент Турции А. Гюль сказал на пресс-конференции в Варшаве 5 марта 2014 г.: «Напряжения следует избегать и проблемы должны быть решены дипломатическим путем»[21]. Риторика турецкой дипломатии была сосредоточена вокруг вопроса равноправия крымских татар, а тактика состояла в давлении на Россию посредством переговоров [22].

Но Турция пропустила через Босфор и Дарданеллы эскадры ВМС НАТО, нарушавшие требования конвенции Монтрё по длительности пребывания в Чёрном море и своему водоизмещению. Российская Федерация выступает за неукоснительное соблюдение конвенции Монтрё, установившей предельное количество и тоннаж иностранных военных кораблей, допускаемых в Чёрное море. Конвенция грубо многократно нарушается ВМФ стран НАТО, прежде всего – США.

Ужесточение турецкой позиции в Украинском кризисе происходило постепенно под давлением Запада. С декабря 2014 г. Россия прекратила все работы по газопроводу «Южный поток», что повысило для неё значение альтернативного проекта «Турецкий поток». Весной 2015 г. министр иностранных дел Турции М. Кавусоглу оценил ситуацию с соблюдением прав крымско-татарского населения как «неприемлемую» и заявил, что власти Турции «вскоре направят в Крым неофициальную миссию для мониторинга нарушений прав человека в Крыму» [23]

Понимая слабость своего влияния на политический процесс в Крыму, меджлис сделал ставку на интернационализацию конфликта за счет вовлечения Турции. По различным оценкам, в Турции проживает от 500 тыс. до 5 млн. потомков крымских татар. В стране действуют наиболее влиятельные крымскотатарские организации. При Совете министров Турции действует Отдел поддержки тюрок зарубежья, работает программа репатриации крымских татар на историческую родину[24]. 1–2 августа 2015 г. в г. Анкаре проведен «Всемирный конгресс крымских татар» с участием 430 делегатов из 12 стран. Но представителей жителей Крыма было очень мало. Конгресс принял резко антироссийские

решения, в частности, обращение к ООН и мировой общественности, требуя признать российскую политику в отношении крымских татар с 1783 г. актом геноцида. Воссоединение с РФ делегаты конгресса назвали «аннексией» и «оккупацией». В декларации конгресса отмечается, что право на самоопределение принадлежит исключительно крымско-татарскому народу как историческому, основному и коренному народу полуострова [25]. Был одобрен проект М. Джемилева и Р. Чубарова по образованию крымскотатарской автономии в Херсонской области, по созданию мусульманского батальона «Крым» в подчинении Министерства обороны Украины. Конгресс стал отправной точкой перехода к продовольственной, а затем и энергетической блокаде Крыма.

Президент Турции Р.Т.Эрдоган в обращении к участникам конгресса заверил, что Анкара «не признает и не будет признавать присоединение Крыма к России» [26]. Турецкая правозащитная неправительственная организация «Имкандер» открыто призывает мусульман Крыма к неповиновению России. Лидер организации М. Озер активно участвовал в 2013 г. в конференции экстремистской партии «Хизбут-Тахрир» в Симферополе [27]. В рядах батальона «Крым» и меджлисовцев, блокирующих въезд на полуостров, немало представителей турецкой праворадикальной группировки «Серые волки», экстремистских организаций, воюющих в Сирии. Один из организаторов блокады Крыма Л.Ислямов заявил о том, что Министерство обороны Турции оказывает поддержку добровольческому батальону им. Н. Челебиджихана, который ведёт блокаду полуострова. МИД Турции выступил с опровержением заявления, но журналисты подтвердили снабжение меджлисовцев военным снаряжением из Турции [28].

В сентябре 2015 г. Меджлис и радикальные украинские организации начали продовольственную, а в ноябре – транспортную и энергетическую блокаду Крыма. В Херсонской области действуют незаконные военизированные формирования Меджлиса, запугивающие население. Речь идет о создании государственного образования под руководством М.Джемилева и Л. Ислямова, что нарушает суверенитет Украины.

Под предлогом осуждения российской антитеррористической операции в Сирии президент Турции Р.Т. Эрдоган объявил 8

октября 2015 г. о возможном разрыве газового контракта с Россией. 26 ноября вследствие уничтожения Турцией российского военного самолёта РФ приостановила все работы по проекту «Турецкий поток». Анкара поддержала антироссийскую идею создания совместной военно-морской эскадры Украины, Румынии и Болгарии, что является способом нарушить конвенцию Монрё. В марте 2016 г. Турция достигла договоренности с Украиной о совместной транспортировке каспийского газа в Европу. Украина получила турецкий кредит в 500 млн. долл. под низкие проценты [29].

Для России стали приоритетными такие аспекты политики в отношении Турции, как: обеспечение беспрепятственного прохода Черноморского флота РФ через Босфор и Дарданеллы; наращивание военного потенциала и боеготовности Черноморского флота РФ; предотвращение участия Турции в возможных военных и террористических провокациях на российско-украинской границе; блокирование последствий поддержки националистических и исламистских группировок, в том числе – с участием крымскотатарской диаспоры.

Качественно новый этап развития внешней политики Турции в регионе наступил после подавления июльского путча 2016 г. Турция возобновила взаимодействие с Россией по строительству газопровода, ограничила своё сотрудничество с НАТО. Но пересмотра турецкой политики в отношении Украины и Крыма не произошло, поскольку Анкара руководствуется своими долгосрочными интересами.

Итак, методы внешнеполитического и военного влияния Турции на Украину после переворота 22 февраля 2014 г. таковы: дипломатическая поддержка территориальной целостности Украины и её суверенитета над Крымом; предоставление кредитов и торгово-экономическое сотрудничество; использование украинской трубопроводной системы; военно-техническое сотрудничество; поддержка запрещенного в РФ «Меджлиса крымскотатарского народа» как на государственном уровне, так и по линии турецких неправительственных организаций. Вместе с тем, Турция проводит непоследовательный, прагматический курс, что связано со степенью прочности режима Р.Т. Эрдогана и решением стратегических задач на сирийском направлении.

Примечания

1. *Белякова Н.С.* Роль и место Черноморского региона во внешней политике Турецкой Республики на современном этапе. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2015; *Губанов А.С.* Политика безопасности Турции в Черном море: военно-морской аспект регионального сотрудничества и конкуренции // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. Симферополь, 2014. Т. 27 (66). № 1-2. С. 308–319; *Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С.* Геополитическое казино Причерноморья. М., 2009. С. 276–285, 181–202.

2. *Богданович В.Ю., Егоров Ю.В., Маначинский А.Я.* НАТО и Украина (кто и зачем тянет Украину в НАТО?). Киев, 2009.

3. *Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С.* Указ. соч. С. 11–130; *Кутовой Е.Г.* Черноморское экономическое сотрудничество: вчера, сегодня, завтра? Краснодар, 2004.

4. *Леванова К.А.* Турецкая Республика и Российская Федерация: взаимодействие и сотрудничество на примере отношений с Краснодарским краем (90-е гг. XX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2003.

5. *Рябцев О.В.* Сетевой принцип деятельности организаций закрытого типа в контексте угроз национальной и региональной безопасности России (на примере крымско-татарского национального движения). Дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2008.

6. *Богомолов А.В., Данилов С.И., Семиволос И.Н., Яворская Г.М.* Исламская идентичность в Украине. Киев, 2006. С. 43–71.

7. *Муратова Э.С.* Ислам в современном Крыму: индикаторы и проблемы процесса возрождения. Симферополь, 2008. С. 36–45, 119–132.

8. *Ирхин А.А.* Турецкое влияние на внутривосточную ситуацию стран СНГ в контексте создания религиозно-политических сил «светского ислама» по турецкому образцу. Режим доступа: <http://www.gumilev-center.ru/tureckoe-vliyanie-na-vnutripoliticheskuyu-situaciyu-stran-sng-v-kontekste-sozdaniya-religiozno-politicheskikh-sil-po-tureckomu-obrazcu-svetskogo-islama/> (дата обращения: 22.04.2013).

9. *Киселёва Н.В., Мальгин А.В., Петров В.П., Форманчук А.А.* Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения. Симферополь, 2015. С. 242–244.

10. *Лендман С.* Украина в огне: Как стремление США к гегемонии ведёт к опасности Третьей мировой войны. М., 2016. С. 107, 154, 233, 305, 313, 341.

11. *Чакмак М.С.* Позиция СМИ Турции в отношении вхождения Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. Чита, 2014. Вып. 3 (39). С. 148–151; *Сухоплещенко К.Ю.* Украинский кризис в оценках турецких СМИ //

Украинский кризис: предварительные заметки. Сб. науч. статей / *Отв. ред. В.В. Черноус*. Ростов н/Д, 2014. С. 137–147.

12. *Davutoglu A.* Turkey's Zero-Problems Foreign Policy. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2010/05/20/turkeys_zero_problems_foreign_policy (date of access: 07.09.2016).

13. Операция «Черноморская гармония» (справочная информация). Режим доступа: <http://www.mid.ru/ns-dvbr.nsf/0/20eaa4c7aef3dce1c32576f800424afa?OpenDocument>(дата обращения: 29.08.2016).

14. *Чакмак М.С.* Позиция. Указ. соч. С. 149–150.

15. *Киселёва Н.В., Мальгин А.В., Петров В.П., Форманчук А.А.* Указ. соч. С. 242–244.

16. *Юфрегов С.* Вооружённые силы Турции – вторые после России. Режим доступа: <http://topwar.ru/41179-vooruzhennye-sily-turcii-vtorye-posle-rossii.html>(дата обращения: 05.09.2015).

17. *Ткаченко О., Черков В.* Роль Турции и её вооружённых сил в стратегии планах НАТО (2014). Режим доступа: http://factmil.com/pub/strana/turcija/rol_turcii_i_ejo_vooruzhjonnykh_sil_v_strategii_planakh_nato_2014/29-1-0-445 (дата обращения: 05.09.2015).

18. Там же.

19. Турция предложила Украине подсчитать, сколько крымских татар трудится в органах власти. Режим доступа: <http://crimea24.info/2012/10/04/mogilev-zayavil-hto-nikakojj-diskriminacii-net-i-krymskikh-tatar-vo-vlasti-dostatochno/>(дата обращения: 05.10.2012).

20. *Балиев А.* Крымская карта в турецкой игре. Режим доступа: http://www.stoletie.ru/geopolitika/krymskaja_karta_v_tureckoj_igre_537.htm(дата обращения: 19.02.2014).

21. Польша пытается включить Турцию в борьбу против независимости Крыма. Режим доступа: www.regnum.ru/news/1775230.html (дата обращения: 06.03.2014).

22. Эрдоган: Россия должна защищать права крымских татар. Режим доступа: www.regnum.ru/news/fd-abroad/ukraina/1775946.html (дата обращения: 08.03.2014).

23. *Перемитин Г.* Турция назвала неприемлемой ситуацию с правами крымских татар. Режим доступа: http://top.rbc.ru/politics/03/04/2015/551e54d29a7947712c51ca9a?utm_source=gismeteo&utm_medium=news&utm_campaign=gism_top1(дата обращения: 03.04.2015).

24. *Леванова К.А.* Крым в российско-турецких взаимоотношениях: история и современность // Природа и общество. Динамика кризиса / *Под ред. Е.А. Борисовой*. М., 2015. С. 101–102.

25. Крымские татары призывают «положить конец» аннексии. Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20150803/229410768.html>(дата обращения: 05.08.2015).

26. *Сабиров И.* «Крымско-татарская карта» в рукаве. Режим доступа: http://www.stoletie.ru/geopolitika/krymsko-tatarskaja_karta_v_rukave_454.htm(дата обращения: 12.08.2015).

27. *Мавашев Ю.* Антироссийские «частные инициативы» Анкары. Режим доступа: <http://www.kavkazgeoclub.ru/content/antirossiyskie-chastnye-iniciativy-ankary>(дата обращения: 15.09.2015).

28. *Беляев М.* Министерство обороны Турции окажет помощь организаторам блокады Крыма. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/Doc/2887333> (дата обращения: 28.12.2015).

29. *Ивженко Т.* Турция может поддержать Украину в споре о Крыме // Независимая газета. 2016. 11 марта.

А.А. Самохин, (г. Краснодар, Российская Федерация)
П.Г. Мерсалова (г. Краснодар, Российская Федерация)

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ НА ПОСТЮГОСЛАВСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (1990-е– 2000-е гг.)

С распадом СССР и окончанием «холодной войны», геополитическая картина мира радикальным образом трансформировалась. Международные отношения утратили устойчивость и предсказуемость. В ряде регионов разразились локальные конфликты различной степени интенсивности. Особый интерес в этой связи представляет Балканский кризис и его последствия, связанные с крушением многонационального государства Югославии (СФРЮ).

Характерной особенностью Югославского конфликта явилась вовлеченность в него различных государств, которые ранее, в системе биполярного мира, не имели возможности проявлять самостоятельную активность в международных отношениях без оглядки на общепризнанных лидеров – США и СССР. Такие страны как Алжир, Египет, Иордания, Иран, Турция, отдельные государства Западной Европы в разной степени оказали влияние на развитие Балканского кризиса, реализуя свои национальные интересы.

Последовавшая за кровавыми событиями в Словении и Хорватии гражданская война в Боснии и Герцеговине (1992–1995 гг.), стала показательным региональным конфликтом, трансформировавшимся в международный. Данный факт обусловлен процессом распада биполярной системы и возможностью США утвердиться в роли мирового гегемона.

Нестабильность в Европе была необходима и НАТО, оставшегося без естественного противника в лице Советского Союза и теряющего смысл своего существования. События в Боснии и Герцеговине (БиГ) позволили Североатлантическому альянсу примерить на себя новую роль «миротворца». Дальнейший кризис в Косово и Метохии и последовавшая агрессия НАТО против Союзной Республики Югославии, показывает разрастание зоны нестабильности и вовлечение в конфликт на Балканах, как непосредственных участников, так и внешних факторов.

Для Российской Федерации участие в миротворческих операциях урегулирования Югославского кризиса позволило показать правопреемственность политики Советского Союза в зоне национальных интересов.

С крушением СССР неожиданные перспективы открылись и перед Турецкой Республикой, заявившей себя самостоятельной региональной державой, переживающей сдвиг от кемалистских устоев к исламским фундаментальным традициям.

Так, на выборах в парламент в 1991 г. победила партия «Рефах» («Благосостояние»), открыто призывавшая вернуться к ценностям ислама, как во внутренней, так и во внешней политике государства, нашедшая отклик в турецком правительстве. С начала конфликта в БиГ, турки приняли твердую позицию поддержки мусульман. Осенью 1992 г., в бытность премьер-министром, Сулейман Демирель, апеллируя к мировому сообществу, призвал вмешаться в конфликт в интересах боснийских мусульман. Кроме того, в ноябре этого же года в Стамбуле была проведена конференция Балканских стран по боснийской проблеме на уровне министров иностранных дел, в ходе которой Турция пыталась убедить мировую общественность в необходимости военного вмешательства в БиГ.

Позиция военного руководства, в лице начальника Генерального штаба турецкой армии генерала Догана Гюреша, заключалась в однозначной поддержке босняков и нанесении ударов по боснийским сербам.

На начальном этапе кризиса турки считали, что принуждение сербов необходимо осуществить в рамках НАТО или иных международных сил на основании соответствующего решения Совета безопасности ООН. Анкарой рассматривался и вариант решения боснийской проблемы при активном участии

Организации исламская конференция (ОИК). Президент Тургут Озал, накануне визита в Египет, состоявшегося в декабре 1992 г., отметил возможность нанесения удара по сербским аэродромам и позициям, а также снятия эмбарго на поставки оружия боснийским мусульманам [1].

Поддерживая единоверцев в Боснии и Герцеговине, Турция со всей очевидностью пыталась придать боснийскому конфликту религиозный окрас, с целью упрочения собственного авторитета среди государств исламского мира.

Идея о Боснии как независимом государстве мусульман возникла в правящих кругах Турции для возвращения на Балканы в качестве геополитического актора. Апеллируя к историческому прошлому, турки намеревались исламизировать регион, опираясь на политику «неоосманизма». Заявление, сделанное религиозным главой боснийских мусульман реис-улемом Мустафой Церичем в 1994 г. по радио Сараево, о важности и ценности турецкого наследия для босняков, подтверждало возможность для Турции стать идеологическим и духовным ориентиром [2].

Понятие «неоосманизм» возникло в научной и экспертной среде с подачи Дэвида Бэрчарда в 1985 г. и было развито Стефаносом Константинодисом, охарактеризовавшим возвращение Турции к османским традициям во внешней политике, в период пребывания в должности премьер-министра Неджметтина Эрбакана (1996–1997 гг.) [3].

Турецкая стратегия, в рамках «неоосманизма», предусматривала использование мирных инструментов для расширения зоны активного политического, экономического и духовного влияния. Концептуальная основа заключалась в четырех принципах – крови, османского мышления, почвы и языка. Первый принцип включал в оборотную сферу понятия все тюркские народы, объединенные общим происхождением. Также связующим звеном являлась «почва», привязывающая концепцию к османскому прошлому, и показывающая цивилизационную преемственность и близость региональным культурам. Объединенные воедино данные четыре составляющие создавали мощный идеологический фундамент для формирования обновленного османского мышления и становления Турции как общепризнанного лидера не только в регионе, но и за его пределами [4].

Разрушение единого культурного пространства СФРЮ и обострение этно-конфессиональных противоречий позволило Турции вовлечь мусульманские меньшинства, преимущественно турецкого происхождения, и славян, исповедующих ислам, в сферу духовного влияния. При этом ее усилия были направлены на отождествление славян, исповедующих ислам, с турецким этносом. Существенное значение имели также и десять миллионов этнических боснийцев, черногорских мусульман и албанцев, проживающих в Турции, являющихся дополнительным аргументом укрепления позиции Анкары в Балканском регионе [5].

Активная политика Турции на постюгославском пространстве вписывается в концепцию «ноль проблем с соседями», озвученную руководством Партии справедливости и развития (ПСР), пришедшей к власти в 2002 г. ПСР возникла из осколков партии «Фазилет», созданной взамен закрытой в 1998 г. исламистской партии «Рефах», и запрещенной в 2001 г. Конституционным судом Турции. Основная идея концепции «нулевых проблем» заключается в создании равновыгодных отношений, заведомо исключаящих проигрыш одной из сторон.

В этой связи, территории бывшей Югославии, ранее входившие в состав Османской империи, ныне самостоятельные государства, рассматривались исторически необходимыми партнерами Турции. Возникающее на их основе единое протурецкое пространство, значительно укрепляет геополитические позиции и стратегические перспективы Турции в регионе. Одним из достижений в этом направлении явилось стремление действующего президента Турции Реджепа Эрдогана создать прямой коридор от Турции до Германии, при упрощении или отмене визового режима со странами Западных Балкан, с целью формирования единого экономического и культурного пространства.

По мнению авторитетного российского специалиста по проблемам Балкан, профессора А.А. Язьковой, турецкое правительство не планирует активно насаждать происламскую политику в странах, ранее входивших в Османскую империю, но не отказывается от линии «помощи братским странам» [6]. Тому пример отношения с Боснией и Герцеговиной, где Турция применяет данную тактику, подчеркивая общее османское

прошлое и родство культур. Так во время визита в Сараево летом 2011 г. министр иностранных дел А. Давутоглу заявил, что боснийцы и турки одна семья, чем вызвал восхищение среди мусульманского населения республики и недовольство со стороны сербов и хорватов [7].

Не осталась без политического внимания и Македония, гражданам которой Турция обязалась оказывать всевозможную помощь и поддержку в любой точке мира, где имеется турецкое представительство [8].

Схожая политика осуществляется и в Косово, признанного Турцией независимым государством в феврале 2008 г. Еще в 1990-е гг. турки поддержали албанское население края, в том числе участвуя в операции НАТО «Союзная сила», а также оказывая гуманитарную и экономическую помощь по ее завершению.

Другим вектором политики «неоосманизма» можно рассматривать стремление к посредничеству по урегулированию конфликтов. Особый интерес в этом ключе представляют отношения с Сербией, вступившие после 2009 г. в фазу активного сближения с Турцией. Выгода для турок очевидна, роль арбитра укрепляет их международный авторитет. В связи с этим турецкая сторона оказала влияние на принятие Сербской скупщиной декларации о массовом убийстве мусульман в Сребренице в 1995 г. от 31 марта 2010 г. Однако данный факт не стал дипломатическим успехом турецкой стороны в силу обострения боснийских претензий к Сербской Краине и массовом недовольстве босняков непризнанием сербами геноцида боснийских мусульман в декларации [9].

Следующей попыткой выйти на уровень посредника в урегулировании конфликтов следует рассматривать стремление Турции участвовать в разрешении национально-этнического конфликта в сербской области Санджак (Рашка), где конкурирующие исламские организации борются за политическое лидерство [10].

Естественным противником вмешательства Турции на Балканы выступает Республика Сербская, желающая пресечь попытки регионального доминирования Турецкой Республики, ведущего к усилению влияния мусульман в БиГ.

Тем не менее, большая часть населения Западных Балкан положительно воспринимает вхождение Турции в орбиту внутренних дел региона, позитивно принимая экономические инвестиции и позволяя участвовать в решении политических проблем. В связи с этим, значимым достижением турецких дипломатов стало подписание Стамбульской декларации мира и стабильности на Балканах в 2010 г. Основное содержание ее заключалось в принятом решении о проведении регулярных трехсторонних встреч между руководителями БиГ, Сербии и Турции. Сербская сторона заявила, что намерена всячески налаживать отношения с БиГ и вопрос о территориальной целостности и границах подниматься не будет. Результатами саммита стало открытие дипломатического представительства Боснии и Герцеговины в Белграде, а также привлечение турецких компаний для строительства автомобильных дорог в Сербии [9].

По предложению президента Сербии Бориса Тадича следующая трехсторонняя встреча прошла в Белграде в апреле 2011 г., где турецкая сторона продолжила исполнять роль посредника в переговорах между президентами БиГ и сербским руководством [11].

Очередным направлением политики Турции в регионе является военно-политическое сотрудничество. Активное участие турецких специалистов в реорганизации вооруженных сил Албании, БиГ, Македонии, вовлечение этих республик в программы НАТО и выработка общей стратегии действий, приводит к позитивному сближению Турции со странами Балканского полуострова, как входящих в НАТО (Албания), так и стремящихся в альянс (БиГ, Македония, Черногория). Турецкое руководство рассчитывает преумножить собственные дивиденды, отвечающие одновременно их региональным амбициям и общим интересам Североатлантического альянса, нацеленного на расширение за счет БиГ, Македонии и Черногории. Турция лоббирует интересы кандидатов на вступление с целью поднятия собственного авторитета, а также укрепления мира и стабильности на Балканах [8].

Таким образом, с распадом биполярной системы международных отношений, Турция воспользовалась представившейся возможностью проводить политику национальных интересов в регионе, изначально опираясь на

поддержку единоверцев в Боснии и Герцеговине, Косово и Метохии. Активность Турции возрастала по мере распространения идеи «нового османского мышления» и отходу от кемалистской политики.

Ставшие самостоятельными государства рассматривались турецкой стороной как необходимые стратегические партнеры, укрепляющие ее позиции в регионе. Используя экономические, военно-политические и посреднические методы, Турция создает баланс между собственными амбициями и корпоративными интересами НАТО на Балканах.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в 1990-е – 2000-е гг. Турция закрепляется на постюгославском пространстве как новая региональная сила, способная продвигать собственные национальные интересы, и решать проблемы Западных Балкан в целом.

Примечания

1. *Кунделев С.* Об основных приоритетах внешней политики Турции. URL: <http://militaryarticle.ru/obozrevatel/1993-obozrevatel/12784-ob-osnovnyh-prioritetah-vneshnej-politiki-turcii>(дата обращения: 04.08.2016).

2. *Заргарян Р.* Турция опять претендует на Боснию. URL: http://umma.ua/ru/article/article/Turtsiya_opyat_pretenduet_na_Bosniyu/16430(дата обращения: 11.08.2016).

3. *Аватков В.А.* Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции. URL: <http://svom.info/entry/458-neoosmanizm/> (дата обращения: 19.08.2016).

4. *Мехдиев Э.Т.* «Неоосманизм» в региональной политике Турции // Вестник МГИМО. 2016. №2 (47) С. 32–39.

5. *Ананьев А.Г.* Исламский фактор на Балканах: современные тенденции и векторы развития // Исламоведение. 2013. №4. С. 9–17.

6. *Язькова А.А.* Турецкий неоосманизм и евроинтеграция: одно другому не мешает. URL: <http://polit.ru/article/2015/12/03/turkey/>(дата обращения: 02.09.2016).

7. Давутоглу назвал Боснию домом, а Израиль правонарушителем. URL: <http://www.islamnews.ru/news-81991.html> (дата обращения: 07.09.2016).

8. *Глазова А.В.* Политика Турции на Западных Балканах // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 2 (17). С. 22–34.

9. Декларация о Сребренице разочаровала боснийских мусульман. URL: <https://ria.ru/world/20100401/217489796.html> (дата обращения: 09.09.2016).

10. *Трухачев В.* Санджак: "новое Косово" для Сербии? URL: <http://www.srpska.ru/article.php?nid=18600>(дата обращения: 07.09.2016).

11. Президенты Турции, Боснии и Сербии проведут совещание в Белграде. URL: <http://mk-turkey.ru/politics/2011/04/26/prezidenty-turcii-bosnii-i-serbii-provedut-soveshanie-v-belgrade.html> (дата обращения: 10.09.2016).

Т.О.Ткачева (г.Краснодар, Российская Федерация)

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ТУРЦИИ НА БАЛКАНАХ (НАЧАЛО XXI В.)

Современные международные отношения характеризуются возникновением новых региональных «центров силы». На роль одного из таких центров с относительно недавнего времени стала активно претендовать Турция. Глобальные изменения, произошедшие на мировой арене в конце 1980-х – 1990-х гг. способствовали началу процесса пересмотра турецкими элитами принципиальных основ своей внешней политики. Кемалистский курс на порицание османского прошлого сменился на заявление об ответственности за историческую территорию Османской империи.

Новый курс турецких властей выразился в активизации внешнеполитических устремлений Турции по нескольким направлениям, и одним из приоритетов стали Балканы. Эта активность связана, в первую очередь, с приходом к власти в 2002 г. партии Справедливости и развития (ПСР) и президента Реджепа Тайипа Эрдогана, а идеологом новой внешней политики считают бывшего главу внешнеполитического ведомства Турции Ахмета Давутоглу.

Идеологическим основанием новой внешнеполитической активности Турции считается «неоосманизм». Впервые этот термин употребил английский автор Дэвид Бэрчард в своем исследовании «Турция и Запад», вышедшем в Лондоне в 1995 г. Дальнейшую серьезную теоретическую разработку феномена «неоосманизма» связывают с именем Стефаноса Константинодиса. Он прогнозировал использование политики «неоосманизма», в первую очередь, в отношении балканских государств [1].

Идея ответственности за бывшее пространство Османской империи была озвучена еще в начале 1990-х гг. президентом

Тургутом Озалом. Некоторые исследователи считают его первым идеологом и практиком неоосманизма [2]. По мнению Т.Озала, османское прошлое являлось эффективным фактором для усиления турецких позиций на неподконтрольных территориях и возможностью снижать уровень конфликтности через переговорный процесс. Таким образом, можно было реализовать дипломатический стиль «мягкой силы» [3].

Идейными основами «неоосманизма» являются несколько принципиальных постулатов: этническое происхождение, османское мышление, территория и язык. Идеология «неоосманизма», ставшая со временем основой не только внешней, но и внутренней политики турецкого государства, нашла широкий отклик в турецком обществе. Политика «неоосманизма» воспринималась турецким социумом как возрождение авторитета своего государства. Пропагандистская машина сформировала «новое имперское мышление» [4].

Этническое родство относилось к народам тюркского ареала. Неотъемлемым элементом концепции «неоосманизма» является неопантюркизм. Идея объединения тюркских народов в рамках тюркского супер-государства время от времени выходила на передовые рубежи различных политических сил Турции. Распад Советского Союза и появление новых независимых тюркских государств в Центральной Азии с новой силой актуализировали идеи пантюркизма. Главной целью пантюркизма является включение в единое государство тюркских народов вне зависимости от территории распространения и культурные различия. Полиэтничность государства полностью противоречила кемализму, который проповедовал однородность турецкого общества.

Территориальный принцип соотносился с османским наследием, и, в первую очередь, с Балканским полуостровом, долгое время входившим в состав Османской империи и выступавшим на протяжении нескольких столетий важнейшим стратегическим плацдармом для Турции, соединявшим ее с Центральной Европой. Балканские государства стали первым регионом, ощутившим на себе проявление политики «неоосманизма». Непримируемыми оппонентами и активными противниками усиления влияния Турции на Балканах являются Болгария, Греция и Республика Сербская. Турецкое влияние на

Балканах проявляется в конкретных мероприятиях, имеющих тактический характер для реализации неоосманской стратегии.

Влияние «неоосманизма» на Балканах происходит по нескольким основным линиям. Во-первых, это политические отношения. Особое место занимают страны, расположенные на западе Балканского полуострова – Сербия, Хорватия, Босния и Герцеговина, Македония, Косово. Эти государства традиционно лояльно настроены к Турции. Стремление турецких властей доминировать в этом регионе основано на присутствии на данной территории большой диаспоры этнических турок и религиозное родство с балканскими мусульманами.

Другим важным направлением внешнеполитической активности Турции являлась посредническая деятельность в области урегулирования региональных конфликтов и снижения степени конфликтогенности на Балканах. Политическая элита Турции оценивает как несомненный успех турецкой дипломатии подписание Сербией, Хорватией, Боснией и Герцеговиной в 2010 г. Стамбульской декларации мира и стабильности на Балканах [5].

В рамках посреднической деятельности Анкара взяла на себя роль ответственного за включение стран балканского региона в интеграционные процессы, в первую очередь, интегрирование в структуры Евросоюза и Североатлантического Альянса.

Достаточно перспективным и динамичным является военная составляющая балканской политики Турции. Будучи членом НАТО, Турция принимала активное участие в Югославском конфликте. Можно предположить, что участие в югославской кампании было продиктовано не только союзническими обязательствами перед альянсом, но и реализацией своих интересов по укреплению турецкого влияния на Балканах. В межэтническом противостоянии турки поддержали боснийских мусульман, косовских албанцев и незамедлительно признали суверенитет Косово. Укреплению турецкого влияния также содействует включение балканских государств в различные военные программы НАТО.

Не последнее место во внешнеполитических интересах Турции на Балканах занимает экономическое сотрудничество. Интенсивной интеграции турецкого бизнеса на Балканах способствует наличие соглашений о свободной торговле со всеми

странами региона [6]. Особенно активно развиваются торгово-инвестиционные отношения со странами Западных Балкан.

Религиозный фактор является неотъемлемой частью «неоосманизма». Болевой точкой балканского региона является проблема совместного существования противоположных ценностных систем – исламской и европейской. Есть два сценария развития событий. Первый согласуется с точкой зрения С.Хантингтона, который считает, что столкновение цивилизаций неизбежно [7]. Другой вариант предполагает сближение конфессиональных миров посредством идей терпимости и мультикультурализма [8].

Всемерная поддержка турецкими властями мусульманского населения на Балканах позиционируется как возрождение ислама в регионе. Анкара финансирует возведение многочисленных мечетей, спонсирует религиозные движения. В сербском Санджаке при активном участии Турции форсированными темпами складывается мусульманский анклав. В Болгарии активно действуют программы религиозного образования для болгар-мусульман и болгарских цыган. По заявлениям турецких официальных лиц Турция и дальше будет поддерживать сферы, связанные с изучением и распространением турецкой культуры, языка и охране культовых объектов [9]. Активно пропагандируется идея превратить Стамбул в новый мировой центр [10].

Анкара стремится использовать ислам как одно из эффективных средств своего влияния на Балканах. Но одновременно Р.Эрдоган позиционирует себя как лидера светского государства.

Культурное и научно-образовательное направления показывают наиболее ощутимые результаты. С целью изучения истории балканского региона создан Балканский институт тюркологических исследований в Сербии. На постоянной основе действуют многочисленные научно-аналитические и культурные и некоммерческие организаций, фонды различной направленности, экспертные форумы под патронажем Турции. Благотворительность, наука, медицина, образование, другие гуманитарные направления. Это сферы, где наиболее активно проявляются турецкие интересы и влияние.

Давление Турции на гуманитарном направлении настолько активно, что даже основные оппоненты в регионе – Болгария и Греция – не смогли сдержать турецкий натиск. Ярким примером культурной экспансии является строительство в Афинах первой в истории независимой Греции официальной мечети для мусульман. София согласилась с желанием Турции защищать и реставрировать многочисленные мусульманские памятники на территории Болгарии.

Чрезмерная активность Анкары на гуманитарном направлении расценивается как проявление «неоосманского» возрождения турецкого господства на Балканах и поэтому воспринимается балканским социумом весьма настороженно. Если роль экономической вовлеченности Турции воспринимается положительно, в том числе и традиционными противниками, то культурное давление, а подчас и культурный ревизионизм, вызывает протесты населения Западных Балкан, где влияние Турции наиболее сильно [11].

Таким образом, изменения, произошедшие на международной арене в начале XXI в., создали условия для пересмотра Турцией своей роли и места в мировой политике, что требовало активизации ее внешней политики. Основой новой внешней политики Турецкой Республики стала идеологическая доктрина «неоосманизма», предполагающая расширение сферы влияния на бывшие османские владения и другие сопредельные территории средствами «мягкой силы». В первую очередь в сферу влияния были вовлечены балканские государства. Последние занимают стратегически выгодные территории, отвечающие реализации внешнеполитических интересов Турции как государства, позиционирующего себя в качестве неоспоримого регионального лидера, а в перспективе – и авторитетной мировой державы.

Примечания

1. *Тарасов С.* «Неоосманизм» во внешней политике Турции слабеет. URL:<http://www.iarex.ru/articles/48013.html>(дата обращения: 3.09.2016).

2. *Кудряшова И.В., Матюхин В.В.* Турция: национальные интересы и имперскость // *Политическая наука.* 2013. № 3. С. 123.

3. *Маврина Ю.В.* Концепция внешней политики Турции Ахмета Давутоглу // *Известия Саратовского университета. Новая серия. История. Международные отношения.* 2014. Т.14. Вып.1. С.72.

4. *Аватков В.* Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции. URL: <http://svom.info/entry/458-neoosmanizm/> (дата обращения: 6.09.2016).
5. *Глазова А.В.* Политика Турции на Западных Балканах //Проблемы национальной стратегии. 2013. № 2 (17). С. 23.
6. Там же. С.27.
7. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций //Полис. 1994. №1. С.33-48.
8. *Ананьев А.Г.* Исламский фактор на Балканах: современные тенденции и векторы развития //Исламоведение. 2013. № 4. С. 9.
9. *Черноморский А.* Новая Османская Империя? URL: [http:// www.ruslug.ru/?p=8128](http://www.ruslug.ru/?p=8128) (дата обращения: 29.08.2016).
10. *Симаворян А.* Идеологические течения в контексте внешней политики Турции. URL: http://www.noravank.am/rus/issues/detail.php?ELEMENT_ID (дата обращения: 9.09.2016).
11. *Глазова А.В.* Политика Турции на Западных Балканах // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 2 (17). С. 31.

Ващенко А.В. (Краснодар, Российская Федерация)

ТУРЦИЯ: АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В.

После завершения холодной войны, распада Советского Союза, Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и Организации Варшавского договора (ОВД) начались масштабные геополитические и геоэкономические подвижки в регионе Большого Причерноморья. Основным содержанием этого процесса явилось заполнение «вакуума», образовавшегося после ухода СССР. Если государства Центральной и Юго-Восточной Европы достаточно быстро определились с вектором своего движения на Запад, что повлекло их вступление в НАТО и ЕС, то ситуация на Кавказе и в Закавказье оставалась в 1990-е гг. более сложной. Это обстоятельство подтолкнуло вступить в игру за «советское наследство» неожиданно ставшую региональным лидером Турцию. Жесточайший социально-экономический и политический кризис в 1990-е гг., длительная контртеррористическая операция в Чеченской республике, череда интенсивных конфликтов по периферии российских границ заставляли Россию концентрировать все свои усилия на решении внутренних проблем, ограничивая свою внешнеполитическую

активность. Раздел Черноморского флота, реализация Договора об ограничении обычных вооружений в Европе (ДОВСЕ) [1], вступление в НАТО Болгарии и Румынии – всё это меняло соотношение сил в пользу стран НАТО. Возросла и роль Турции как ключевого регионального игрока, представляющего Североатлантический альянс в регионе Большого Причерноморья. Турция обладает второй по численности (около 800 тыс. человек) и боевой мощи армией НАТО и пятой по численности армией мира. Прямые ассигнования на военные нужды находятся на уровне одной пятой расходной части бюджета страны. Ежегодно на военные расходы выделяется не менее 4% ВВП страны. С 1997 г. по 2007 г. в Турции осуществлялась программа модернизации вооруженных сил, в рамках которой армии и Ведомству оборонных отраслей промышленности Министерства национальной обороны Турции было выделено 27 млрд. долл. В соответствии с перспективным планом по реализации данной программы на нужды модернизации армии в целом до 2020 г. планируется выделить 150 млрд. долл.

Ситуация стала меняться в начале XXI века. Ценой огромных усилий России удалось начать процесс выхода из кризиса, сохранить единство страны, её территориальную целостность. Достаточно чётко сформулировать свои интересы и продемонстрировать решимость их отстаивать. Как ни странно, из анализа региональной ситуации конца XX – начала XXI в., Россия и Турция сделали примерно одинаковые выводы. Жёсткое проведение своей политики глобальным лидером (США) для достижения своих интересов без учёта интересов региональных акторов дестабилизирует ситуацию в регионе и отрицательно влияет на динамику экономического развития.

Региональную политику Турецкой Республики в начале XXI в. необходимо анализировать на двух уровнях – глобальном и региональном и в двух измерениях – геополитическом и экономическом.

Глобальный, геополитический уровень характеризуется достаточно тесной кооперацией Турции и США в рамках как двусторонних, так и многосторонних (НАТО) соглашений. Турция в этом отношении представляет: Южный фланг НАТО, транзитный пункт переброски ресурсов в важные для США регионы (Ближний и Средний Восток, Закавказье).

Опорой США внутри Турции являются военные круги. Почти весь ее высший командный состав учился или стажировался в США. Американцы поддерживают значительные программы по перевооружению турецкой армии и флота. Армия играет роль гаранта внутренней стабильности страны от разного рода политических рисков.

Региональный геополитический уровень характеризуется поддержкой американских усилий в регионе, если они совпадают с национальными интересами Турции, и скрытым или открытым противодействием, если интересы не совпадают. К совпадающим геополитическим интересам США и Турции в регионе стоит отнести усиление их роли на Кавказе и в Закавказье. По существу, зачастую Турция использует США как дополнительный инструмент для достижения своих интересов, а США Турцию – для достижения своих. Это экономит ресурсы и усиливает эффективность проводимой политики. Однако, жёсткое позиционирование национальных интересов США в вопросах региональной политики в начале века привело к расхождению с интересами Турции по целому ряду вопросов, таких как американское присутствие в Азово-Черноморском бассейне; политика США в отношении тюркоязычных стран СНГ (Азербайджан, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан); оценка «цветных революций»; политика США в Ираке (особенно отношение к курдской проблемы); урегулирование ближневосточного конфликта. По этим вопросам Турция не только заняла самостоятельную позицию, но и пытается найти региональных партнёров для её усиления с целью противодействия устремлениям США. В качестве такого партнёра Турция, по-видимому, рассматривает Россию. Логика действий турецкой стороны обусловлена тем, что легче выстраивать отношения с равным партнёром, идущим на компромисс, чем с США. Во время военного конфликта в августе 2008 г. Турция своими действиями фактически локализовала конфликт, не дав ему перейти на более высокий уровень. Речь идёт о строгом соблюдении Конвенции Монтрё, когда Турецкая сторона не пропустила в акваторию Чёрного моря крупнотоннажные американские военные корабли.

В региональной политике Турции в первое десятилетие XXI века можно выделить два основных направления. Во-первых, это

европейское направление, определявшее отношения Турции со странами ЕС и НАТО. Второе – турецко-российские отношения, которые проецировались на бывшие советские республики, ныне независимые государства СНГ. Безусловно, что европейское направление в турецкой внешней политике являлось приоритетным до 2016 г. Начало взаимоотношений Турецкой Республики и Европейского Союза было положено в ноябре 1997 г., когда было принято «Заявление Еврокомиссии по региональному сотрудничеству в районе Черного моря». На втором этапе ряд причерноморских стран стали участниками «Европейской политики соседства». А с 2007 г., когда в ЕС вступили Болгария и Румыния, политика Европейского Союза приобретает уже системный характер, что нашло выражение в разработке специального проекта «Черноморская Синергия и Восточное партнерство». По словам бывшего посла Турции в РФ К. Ташкента: «Турция рассматривала ЕС как общность, объединённую общими политическими ценностями, такими как демократия, толерантность, уважение прав человека»[2]. Движение по европейскому вектору, по мнению турецкой правящей элиты, должно было решить ряд важнейших для Турции проблем, таких как экономическая модернизация, ограничение политизации ислама, прозрачность функционирования бюрократии, гражданский контроль над армией, курдскую проблему и т. д. При этом в турецких правящих кругах понимали, что существуют достаточно влиятельные силы, выступающие против интегрирования страны в ЕС, причём, как внутри Турции (исламские и националистические партии и организации, средний слой бюрократии), так и в Европе (прежде всего новые члены ЕС, опасаящиеся того, что финансовые потоки программ помощи и экономической модернизации могут быть частично переориентированы с них на турецкое направление). Интеграция Турции в ЕС помогла бы решить и часть международных проблем. В частности на региональном уровне проблему Северного Кипра и улучшения взаимоотношений с Грецией, а на глобальном – сбалансировать отношения с США для более активного противодействия политике международного лидера в регионах, традиционно важных для Турции (Закавказье, Средняя Азия, Ближний Восток). При этом отмечалось, что если европейский проект по каким-то причинам провалится, то у Турции будет лишь

одна альтернатива остаться современным, светским государством – продолжить сближение с США. Американский вектор в целом устраивал и армейские круги, хотя события 2003–2005 гг. в Ираке и позиция США по курдскому вопросу не добавили США сторонников даже среди турецких военных.

Турецко-российские отношения всегда носили двойственный характер. С точки зрения геополитических концепций, Турция остаётся серьёзным противником и конкурентом РФ в Черноморско-Каспийском регионе, а так же на пространствах СНГ. Однако в сфере экономики Турецкая республика представляется нашим ближайшим соседом и партнёром, выстраивание сбалансированных отношений с которым крайне важно. Это во многом объясняет противоречивую политику Турции в отношении РФ. На формирование внешней политики Турции оказывают влияние две основных группы: это силовые ведомства тесно связанные с армейскими кругами, а через них с США и НАТО, и турецкое бизнес-сообщество. Для первых характерно доминирование геополитических подходов при анализе международных проблем, что в целом усиливает конфликтность на всех уровнях. Бизнес, более ориентирован, на сохранение стабильности и баланса, что позволит ему активно развивать экономические проекты.

Современные отношения между Россией и Турцией основываются на Договоре об основах отношений 1992 г. и ряде межправительственных соглашений о сотрудничестве в различных сферах. До «самолётного кризиса» 24 ноября 2015 г., российско-турецкие отношения характеризовались как партнёрские, а в ряде сфер (в частности, в энергетике) как партнёрство стратегического характера. По мнению турецких дипломатов, работавших в России в первое десятилетие XXI века, российско-турецкие отношения характеризовались «как самые хорошие за всю историю существования двух стран» [3]. Визит Президента РФ В. В. Путина в Турцию в декабре 2004 г. (первый визит главы российского государства за всю историю двусторонних отношений), заложил хорошую основу для их динамичного развития. В ходе визита 6 декабря 2004 г. была подписана «Совместная декларация об углублении дружбы и многопланового сотрудничества».

Связи между Россией и Турцией в торгово-экономической сфере развивались на основе широкой договорно-правовой базы, включающей межправительственные соглашения о сотрудничестве в целом ряде отраслей. На уровне субъектов Российской Федерации наиболее активно развивали экономические отношения с Турцией Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Москва и Московская область, Ставропольский и Краснодарский края, Ростовская область, республики Северного Кавказа.

Россия занимала второе место (после Германии) во внешней торговле Турцией, а Турция во внешней торговле России седьмое место (около 4% внешнеторгового оборота). Объем двустороннего товарооборота (ТО) в 2008 г. достиг рекордного объема в 33,8 млрд. долл. (по данным турецкой статистики – 38 млрд. долл.) против 22,7 млрд. долл. в 2007 г. По итогам 2014 г. Турция занимала второе место по поставкам российского газа с объемом 27,3 млрд. кубов после Германии (38,7 млрд. кубометров). В 2008 г. Россия по общему объему ТО с Турцией вышла на 1-е место, вытеснив Германию. Турция во внешней торговле России занимала 5-е место, опередив такие страны, как Япония, США, Великобритания. Таким образом, поставленная руководством обеих стран цель довести объем двусторонней торговли в 2008 г. до 25 млрд. долл. была перевыполнена. В ходе переговоров В.В.Путина с Р.Т.Эрдоганом в Анкаре в августе 2009 г. был поставлена новая амбициозная задача: принципиально увеличить объем ТО с перспективой выхода в течение ближайших лет на показатель в 100 млрд. долл. В 2011 г. объем российско-турецкой торговли приблизился к докризисному уровню. Так, товарооборот по сравнению с 2010 г. (25,3 млрд. долл.) вырос на 26% и составил 31,8 млрд. долл., экспорт – 25,4 млрд. долл. (+25%), импорт – 6,4 млрд. долл. (+31%). После 24 ноября 2015 г. начало резкое падение. По словам Посла РФ в Анкаре А. Карлова, «мы следим за нашим товарооборотом в целом, он уже здорово сократился. Если в 2014 г. наш товарооборот составлял примерно \$30 млрд., то в прошлом году, по оценкам, он сократился до \$23 млрд. и продолжается его падение в январе»[4]. Товарооборот России с Турцией в 2015 г. сократился почти на четверть [5].

В российском экспорте доминировали энергоносители (73,5%), металлы и изделия из них (17,8%); в импорте из Турции –

продовольствие (27,7%), машины, оборудование, транспортные средства (32%) и текстиль (18,2%).

Сальдо торговли складывалось в пользу России – по итогам 2011 г. составило порядка 19 млрд. долл. (для сравнения в 2004 г. – 7млрд. долл.)[6]. Несмотря на это, во взаимной торговле нарастали качественные диспропорции в отраслевом разрезе. Количественный дисбаланс турки отчасти компенсировали за счет доходов от «челночной торговли», туризма, денежных переводов своих строительных фирм и физических лиц, а также от автоперевозок через территорию России. Общий объем накопленных турецких инвестиций в России за 2010 г. составил 643 млн. долл. (за 6 месяцев 2011 г. – 457 млн. долл.). Предприятия с турецким капиталом работали во многих регионах России, в сфере производства электроники (телевизоры, бытовая техника), стройматериалов, бытовой химии, текстиля, стекла и изделий из него, пищевой продукции (пиво), а также в области услуг торговле, туризме, финансовом секторе (6 банков).

Общий объем накопленных российских инвестиций в Турции за 2010 г. составил 323 млн. долл. (за 6 месяцев 2011 г. – 578 млн. долл.). К крупным российским инвестиционным проектам в Турции относится подписание в конце 2005 г. российской «Альфа Групп» контракта с холдингом «Чукурова» на приобретение пакета (13,2%) акций крупнейшего турецкого оператора сотовой связи «Тюрксель» (сумма сделки – 3,3 млрд. долл.). В июле 2008 г. «Лукойл» выкупил целиком акции крупного турецкого оператора сети АЗС «Акпет» (693 АЗС и другая инфраструктура по сбыту сырья), инвестиции составили 555 млн. долл.

Активно развивались контакты в сфере туризма. В 2009 г. Турцию посетило 2,5 млн. российских граждан. В 2010 г. число российских туристов составило 3 млн. 107 тыс. человек – рост 24%. В 2011 г. Турцию посетило рекордное количество российских туристов – порядка 3,5 млн. чел. В 2014 году их было 3,65 млн. чел. Это второе место после Германии. Согласно отчёту Главного статистического управления Турции (TUIK) , каждый иностранный турист, в среднем тратил в стране 828 долл. Турцию в 2014 г. посетили 41,5 млн. туристов из-за рубежа [7].

4 марта 2011 г. на 11-м заседании МПК в Казани достигнута договоренность об открытии представительства Ростуризма в Анталье.

Политические отношения между двумя странами в начале XXI века развивались динамично и в целом соответствовали экономическим потребностям.

После визита В.В. Путина в период с 2004 по 2012 гг. состоялось около 25 встреч руководителей двух стран. По итогам проведенных переговоров в рамках государственного визита в Россию А. Гюля 13–15 февраля 2009 г. президенты двух стран зафиксировали выход наших отношений на уровень продвинутого многопланового партнерства, а по ряду параметров – на стратегический уровень. Президенты также поставили задачу обеспечить дальнейшее поступательное развитие взаимодействия. Эта цель отражена в подписанной Д.А. Медведевым и А. Гюлем Совместной декларации о продвижении к новому этапу отношений и дальнейшем углублении дружбы и многопланового партнерства. В ходе рабочего визита В.В.Путина в Анкару (6 августа 2009 г.) удалось выйти на стратегические договоренности по целому ряду приоритетных направлений взаимного сотрудничества, в том числе в области энергетики. Отдельно была достигнута договоренность о создании принципиально нового механизма российско-турецких межгосударственных консультаций на высшем уровне Совета сотрудничества высшего уровня (ССВУ). Визит Премьер-министра Р.Т. Эрдогана в Москву 12–13 января 2010 г. дал возможность для «сверки» мнений сторон по путям и перспективам дальнейшего развития двусторонних связей в свете решений и договоренностей августа 2009 г. Новой вехой в современных российско-турецких отношениях стал официальный визит Президента Российской Федерации Д.А. Медведева в Турецкую Республику, состоявшийся 11–12 мая 2010 г. Основной темой переговоров стало состояние дел и перспективные направления углубления всестороннего взаимодействия в экономике, прежде всего в энергетической сфере. Подписано 16 документов о сотрудничестве в различных областях, в том числе Совместное заявление о создании ССВУ. Некоторые межправительственные соглашения о сотрудничестве в сфере строительства и эксплуатации АЭС в Турции, по морскому транспорту, о воздушном сообщении и об условиях взаимных поездок граждан двух стран носили стратегический характер.

В очередной раз была подтверждена близость подходов обеих стран к ключевым международным проблемам. В рамках визита было проведено первое заседание ССВУ. Российскую часть Совета возглавляет президент Российской Федерации, турецкую – премьер-министр. В рамках ССВУ действовали: Смешанная Межправительственная Российско-Турецкая комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству, курирующая экономический блок; Совместная группа стратегического планирования под руководством министров иностранных дел (вопросы взаимодействия на международной арене); Форум общественности (общественно-гуманитарные связи). 7–8 июня 2010 г. в рамках рабочего визита в Стамбул В.В. Путина для участия в работе третьего саммита СВМДА были обсуждены актуальные региональные и международные проблемы, включая ситуацию в Ливии, Сирии, процесс ближневосточного урегулирования, вопросы нагорно-карабахского урегулирования, кипрская тематика и проблемы ПРО. Договорённости, достигнутые на высшем уровне, дорабатывались в формате межминистерских встреч. По линии МИДов двух стран особое место уделялось работе в рамках Совместной группы стратегического планирования (СГСП). Первое заседание этой группы состоялось 20 января 2011 г. В Стамбуле. 25 января 2012 г. в Москве состоялось второе заседание российско-турецкой Совместной группы стратегического планирования. В ходе встречи министры подвели итоги состоявшихся в последнее время контактов между внешнеполитическими ведомствами двух стран, обсудили актуальные вопросы двусторонней повестки дня, в том числе темы, которые предполагается вынести на рассмотрение Совета сотрудничества высшего уровня, а также мировые и региональные проблемы, преимущественно ситуацию вокруг Сирии. По итогам СГСП министры приняли совместное заявление, в котором отражены позиционные подходы по ключевым вопросам двусторонних отношений, актуальным международным и региональным проблемам.

Одна из важнейших сфер сотрудничества двух стран – это обеспечение региональной безопасности. В мае 2006 г. в Москве впервые проведены переговоры Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации И.С.Иванова с Генеральным секретарем Совета национальной безопасности Турции Й. Альпоганом. 2–14

сентября 2009 г. Секретарь Совбеза России Н.П.Патрушев посетил Измир и Анкару, где провел переговоры со своим коллегой Т. Бурджуоглу. Новый глава СНБ Турции С. Кылыч, по приглашению Н.П. Патрушева, принял участие в организованных Совбезом России в октябре 2010 г. в Сочи и сентябре 2011 г. в Екатеринбурге международных встречах высоких представителей, курирующих вопросы безопасности. 24–26 марта 2010 г. Турцию посетил Министр внутренних дел России Р.Г. Нургалиев. В рамках визита он был принят Премьер-министром Турции Р.Т. Эрдоганом и провел обстоятельные переговоры со своим турецким коллегой Б. Аталаем. 10–11 февраля 2011 г. по приглашению министра внутренних дел Р.Г. Нургалиева состоялся ответный визит Б. Аталая в Россию (Москва, Санкт-Петербург). В ходе переговоров обсуждались вопросы активизации межведомственного взаимодействия в противодействии экстремизму, транснациональной организованной преступности, сотрудничества в сфере подготовки кадров, а также взаимодействия в рамках ОЧЭС.

События, произошедшие после «самолётного кризиса» 24 ноября 2015 г., а именно: ухудшение отношений с РФ; неудачные попытки договориться с ЕС об участии Турции в решении миграционного кризиса в Европе; принятие Европарламентом 15 апреля 2015 г. специальной резолюции «О провозглашении 24 апреля в ЕС Днем памяти жертв Геноцида армян»; неудачная попытка военного переворота 16 июля 2016 г., и отказ США выдать Ф. Гюлена–заставили турецкое руководство существенно корректировать внешнеполитический курс, как по линии Турция–США–НАТО–ЕС, так и по линии Турция–Россия. 27 июня 2016 г. президент Турции Реджеп Эрдоган выразил сожаление и принес извинения за сбитый осенью прошлого года российский самолет. С этого момента началось тяжёлое восстановление российско-турецких отношений. 9 августа 2016 г. в Стрельне под Петербургом прошла встреча на высшем уровне между В.В. Путиным и Р.Т. Эрдоганом.

На основе вышеизложенного, можно сделать вывод, что турецко-российские отношения в начале XXI развивались динамично, имели, в целом разносторонний и позитивный характер. По мере усиления взаимодействия региональных акторов, усиливалась тенденция к их стремлению самостоятельно

решать региональные проблемы. Задача, изложенная в специальном заявлении государственного департамента США, распространённого в ноябре 1999 г. на Стамбульском саммите ОБСЕ, в котором говорилось об укреплении позиций США и Турции в противовес интересам России, не была реализована [8]. Россия чётко дала понять, где находится черта максимальных уступок. Расширение НАТО с включением в альянс Грузии и Украины неприемлемо. Реализация американской и как её части европейской ПРО – неприемлемо. Это нарушает баланс и ведёт к дестабилизации ситуации. Дестабилизация обязательно скажется на экономических проектах, а это уже вызывает опасения, как у Турции, так и стран ЕС. В этой ситуации всё чаще на уровне экспертного сообщества звучит мнение, что региональные вопросы необходимо решать по формуле «Проблемы в Чёрном море – это дело только причерноморских стран» [9]. В тоже время практически все ведущие эксперты говорят о том, что невозможно отделить проблемы в сфере безопасности региона Большого Причерноморья, Средиземноморья, Каспия и Ближнего Востока [10]. Турция зависит от поставок энергоносителей из России, Азербайджана и Ирана. В 2012 г. выплаты за энергопоставки составят 55 млрд. долл. или 7 % ВВП Турции [11]. Нестабильность в регионе можеткратно увеличить эти затраты. В тоже время профессор Измирского университета Нежат Таракчи, выступая на международном круглом столе «Стабильность в Причерноморском регионе: внешние и внутренние угрозы и пути их преодоления», проходившем 16–17 ноября 2012 г. в Симферополе подчеркнул, что «Анкаре сложно играть самостоятельную роль в региональных процессах – её географическое отношение не стабильно, а двусторонний характер отношений с США доминирует во внешней политике, и это серьёзно сковывает её свободу действий». Мнение эксперта подтверждает турецкая позиция по Сирии. Очевидно, что Сирия это шаг США к Ирану. Коллапс в Сирии приведёт к росту исламского политического экстремизма, усугубит курдскую проблему, негативно скажется на арабо-израильских отношениях. Косвенно это окажет негативное влияние на Закавказье. Будут поставлены под угрозу пути транспортировки энергоносителей. Не стоит забывать и про Афганистан с его огромными возможностями производства героина. Дело не только в

экономических проблемах. Разжигание конфликта неизбежно приведёт к катастрофе в гуманитарной сфере, вызовет увеличение миграционных потоков беженцев и других перемещённых лиц. Стабильное будущее региона лежит всё же в плоскости интеграционных процессов. И в этом Турция может и должна сыграть позитивную роль.

В то же время стоит проанализировать и учесть блиц-кризис между Россией и Турцией, который продолжался с 24 ноября 2015 г. до 27 июня 2016 г. Учитывая позитивную динамику развития российско-турецких отношений предыдущего периода, он был неожиданным для РФ. Более того, учитывая личные, доверительные, почти дружеские отношения между лидерами двух стран, уничтожение российского штурмовика Су-24, гибель российского военного лётчика, Героя России О.А. Пешкова, было воспринято как прямое предательство и «удар в спину». Кропотливо созданный механизм двусторонних контактов, рассчитанный, в том числе и на кризисные ситуации, не сработал. Причины кроются как во внутренних изменениях в Турецкой Республике, так и в событиях, произошедших на международной арене после февраля 2014 г. Сначала о внутренней динамике развития ситуации в Турции. Партия справедливости и развития (ПСР), которую возглавлял Р.Т. Эрдоган, начиная с 2003 г., когда он стал премьер-министром Турции, стала проводить политику постепенного усиления ислама в политической жизни страны. Это противоречило установкам светского государства, заложенным ещё К. Ататюрком. Исламизация приводила к «чисткам» в турецкой армии, которые первоначально не носили массового характера. Тем самым ослаблялась роль турецкой армии, как гаранта светского государства. Это делалось под видом демократизации страны, но реально приводило к усилению умеренных исламистов и личной власти Р.Т. Эрдогана. Постепенно турецкий премьер, а с 2014 г. президент Турецкой Республики, стал рассматриваться как защитник мусульман по всему миру. В 2009 г. после критики Р.Т. Эрдоганом на саммите G-8 действий китайских властей при подавлении демонстрации уйгуров в Урумчи, были заморожены турецко-китайские отношения. Гуманитарная поддержка Турцией организации «Хамас» в секторе Газы привело сначала к ухудшению, а затем и к разрыву отношений с Израилем [12]. С 2012 г. турецкое

правительство стало оказывать существенную разностороннюю помощь сначала умеренным исламистам в Сирии, а затем и «Исламскому государству» (запрещённому в РФ). Как выяснилось позже, семья президента Турции, имела личную финансовую заинтересованность, перекупая дешёвую нефть, которую продавали ИГИЛовцы. После воссоединения Крыма и России в марте 2014 г. и гражданской войны на юго-востоке Украины, Россия попала в международную изоляцию, отношения между РФ, США и ЕС ухудшились. Турция попыталась сыграть на возникших противоречиях. Начались своеобразные «международные качели». Сначала произошло сближение с РФ и всерьёз заговорили о газовом проекте «турецкий поток», но потом произошёл крен в сторону Запада, нелогичным итогом которого стал сбитый российский штурмовик и гибель российского военного лётчика.

Итак, очевидно, что внутренняя исламизация и усиление режима личной власти Р.Т. Эрдогана стали причиной кризиса. Причём эти факторы влияли и на международную среду, более того они использовались глобальными игроками, прежде всего США, которые пытались направить действия Турции в нужном направлении, а именно против России. За 21 день до официальных извинений Р.Т. Эрдогана, в турецкой газете «Milli Gazete» от 03.06.2016 г. была опубликована любопытная статья под названием «Пять факторов, которые не позволяют нормализовать турецко-российские отношения» [13]. В этой статье автор заметил интересную историческую закономерность. Он писал, что «все мы видим, как поиски сотрудничества подрываются «невидимой рукой», и в результате отношения между двумя странами заканчиваются кровопролитными «разводами/расставаниями». Так, при взгляде на историю двусторонних отношений мы наблюдаем примерно такую тенденцию. Например, процесс «вынужденного союза и сотрудничества» после заключения Ункяр-Искелесийского договора в 1833 г. продлился пять лет. После того как в игру вступила Великобритания, ход развития турецко-российских отношений стал обретать иной характер, и этот процесс привел нас к Крымской войне. За Ункяр-Искелесийским договором, который Османская империя подписала с Россией по принципу «утопающий и за соломинку хватается», последовала тяжелая кара. Вместе с войной, которую

можно назвать «реваншем за 1833 год», Турция стала членом Европейского клуба и оказалась в состоянии постоянной войны с Россией. Это состояние войны, которую, судя по ее итогам, проиграли и Османская империя, и царская Россия, сохранялось до начала 1920-х гг., пока оба государства не начали войну против западного/британского империализма. Условия подтолкнули страны к вынужденному сотрудничеству и страхованию безопасности друг друга, но, поскольку поддержать его единой идеологической основой и институциональной структурой не удалось, эта пора тоже была недолговечной. Вместе с натравливанием Сталина период сотрудничества, продолжавшийся до 1938 г., снова уступил место «вражде», и на этот раз Турция стала членом НАТО во главе с США».

Далее автор «свалился в идеологию», заявив, что нынешний кризис длительный и привёл пять доводов, которые, впрочем, рассыпались через 21 день. Но сам посыл был верный. Россия сформировалась как великая держава, как империя в ходе русско-турецких войн и блестящих побед русского оружия в XVIII–XIX вв. Турки тоже нация с имперским прошлым и имперскими амбициями в настоящем. Они этого никогда не забудут и вряд ли простят. Данный факт является удобным спусковым механизмом для Запада (сначала Великобритании, а теперь США) стимулировать российско-турецкие противоречия, когда это необходимо. Кстати этот фактор действует и в общественном сознании россиян. Но сегодня необходимо сказать, что это всегда плохо заканчивалось как для России, так и для Турции. Пример не стал себя долго ждать. Как только кризис был исчерпан, в Турции была предпринята попытка военного переворота. Причастность к его подготовке и реализации США, чтобы не говорили, очевидна и сомнений не вызывает. Это и был таинственный план «В», которым Д. Керри пугал С. Лаврова на случай, если не удастся договориться по Сирии.

Сегодня региональная система безопасности в Средиземноморско-Черноморском регионе разрушена. Мы имеем три интенсивных горячих конфликта в Ливии, Сирии и на Украине. Все три, созданы США и их союзниками по НАТО. Имеется целый ряд законсервированных конфликтов: нагорно-карабахский, приднестровский, грузино-абхазский и грузино-осетинский. Чтобы не говорили на Западе, Сербия вряд ли

смирится с потерей Косова. К этому стоит добавить миграционный кризис в Европе. Международные организации, созданные в период холодной войны (НАТО и ОБСЕ) на современном этапе абсолютно бесполезны, так как полностью ангажированы Западом и по существу являются стороной конфликта, особенно НАТО. ОБСЕ максимум, на что способна - это осуществлять мониторинг в зоне конфликтов и то в очень ограниченных масштабах. По существу региональную систему безопасности необходимо создавать заново. Каркасом данной системы может стать система двухсторонних отношений между ключевыми региональными державами: Россия, Турция, Иран. Далее могут быть подключены международные организации ОДКБ и НАТО. Крайне важной для стабильности региона будет позиция США и ЕС. К сожалению, в настоящее время сделать это крайне проблематично. Уровень конфронтации высокий. А степень доверия низкая.

США и ЕС продолжают поддерживать националистический, профашистский режим на Украине. Сохраняются планы расширения НАТО, в перспективе, вхождение в блок Украины и Грузии. Реализуется американская программа глобальной противоракетной обороны. В 2016 г. в Румынии была открыта база НАТО, на которой были размещены элементы системы глобальной системы ПРО. Аналогичная база создаётся в Польше. Это неприемлемо для России, так как существенно ухудшает её безопасность. Думается, что решение проблемы может лежать в плоскости создания буферной зоны из государств, которые должны иметь нейтральный, внеблоковый статус. Это должно касаться в первую очередь Украины и Грузии, в идеале, и государств, Прибалтики и Польши, которые уже являются членами НАТО. Необходимы корректировки программы глобальной ПРО, поскольку на сегодня основные риски, связанные с реализацией иранской ядерной программы устранены. Появляются и активно начинают проявлять себя новые риски и вызовы, связанные с миграцией и терроризмом. Старые институты безопасности вообще не ориентированы на их решение. Поэтому, создаваемая система должна быть многосторонняя, комплексная и многофункциональная. Система, в которой каждый элемент важен и незаменим. Исключение из системы любого элемента, будь то страна или организация или не учёт их интереса. Может привести

к сбою всей системы и эскалации напряжённости. Но сегодня мы даже не в начале пути. Системы нет. Есть хаос и конфликт. И стороны пока даже не определили поле для компромисса. Да и при существующей асимметрии мощи взаимовыгодный компромисс вряд ли возможен. Сейчас США, используя «фактор Крыма» получили информационный повод для продолжения своей политики: расширения НАТО, увеличения военного присутствия, продвижения системы глобальной ПРО. Но даже если предположить невозможное, то, что Крым вернётся под украинский суверенитет, это никак не скажется на американской политике в регионе. Остаётся небольшой шанс, что смена власти в США (если победит Д. Трамп) может изменить динамику событий. Но пока война Запада против России будет продолжена. В этих условиях политика Турции останется прежней. Она будет искать выгоду, то сближаясь, то отдаляясь от этих двух полюсов. Это называется прагматичной политикой. Россия должна учитывать это, выстраивая свою политику по тем же правилам. Реальное взаимодействие неизбежно начнёт обрастать договорами, соглашениями и декларациями, что со временем может создать правовой каркас новой региональной системы.

Примечания

1. К 1995 г. было снято с вооружения около 70 тысяч единиц вооружения и боевой техники, уволено с действительной военной службы более миллиона военнослужащих// *Кортунов С.В.* Мировая политика в условиях кризиса. М., 2010.

2. Не просто сосед, а важный партнёр. Интервью с Чрезвычайным и Полномочным Послом Турецкой республики в Российской Федерации К. Ташкентом // *Российская Федерация сегодня.* 2005. №4. С.38.

3. Выступление Генерального консула Турции в Новороссийске А.Р. Демирера перед студентами факультета Востоковедения Института экономики, права и естественных специальностей (ИНЭП, г. Краснодар) 14 мая 2005 г.

4. Товарооборот России с Турцией в 2015 году сократился почти на четверть. URL: <http://www.interfax.ru/business/493872> (дата обращения: 02.09.2016).

5. По данным агентства Интерфакс». URL: <http://www.interfax.ru/business/493872> (дата обращения: 03.09.2016).

6. *Ващенко А.В.* Турция: анализ региональной политики в начале XXI века// *Страны Востока: общество и государство.* Краснодар, 2005. С.10.

7. Поданным РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/tourism/20150130/1045064724.html> (дата обращения: 02.09.2016).

8. HARVARD UNIVERSITY. John Kennedy School of Government. Caspian Studies program. – “The Caucasus and Caspian Region. Understanding United States policy”. October 10, 2001. P. 1–4.

9. *Таракчи Н.* Стабильность в Причерноморском регионе: внешние и внутренние угрозы и пути их преодоления. URL: http://blackseafleet-21.com/news/18-11-2012_turetskij-ekspert-rossija-i-turtsija-dolzhu-minimizirovat-vlijanie-ssha-v-prichernomorie (дата обращения: 18.11.2012).

10. Средиземноморье – Черноморье – Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком. М., 2006.

11. *Таракчи Н.* Указ. соч.

12. 31 мая 2010 г. группа из шести судов, организованная международным движением «Free Gaza Movement», называемых также «Флотилией свободы», попыталась прорваться в сектор Газа. Корабли были задержаны израильскими военными. Сектор Газа на тот момент был заблокирован Израилем в связи с военным конфликтом между Израилем и палестинской ХАМАС. Пассажиры одного из задержанных судов «Мави Мармара» с турецким экипажем оказали сопротивление. Были убиты 9 и ранены 30 пассажиров задержанного судна, при этом не менее 10 израильских военных были ранены, в том числе двое израильтян получили тяжелые ранения. На задержанных кораблях не было обнаружено военного снаряжения и оружия, для предотвращения поставок которого была организована израильская блокада сектора Газа – территории частично признанного арабского государства Палестина. Что послужило поводом и основанием для разрыва дипломатических отношений между Турцией и Израилем. Дипломатические отношения были восстановлены 20 августа 2016 г.

13. *Эрол Мехмет Сейфеттин* (Mehmet Seyfettin Erol). «Пять факторов, которые не позволяют нормализовать турецко-российские отношения». URL: <http://inosmi.ru/politic/20160603/236749687.html> (дата обращения: 25.07.2016).

В.С. Сергиенко (г. Краснодар, Российская Федерация)

СОТРУДНИЧЕСТВО ГРУЗИИ И ТУРЦИИ В 1992- 2000 ГГ.: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ВОЕННО- ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Географическое положение Грузии давно сделало ее объектом экономических и политических интересов Турции. Грузия является для Турецкой Республики рынком сбыта и

буферной зоной, которая отделяет территорию Турции от России. Сотрудничество с Турцией имеет важное значение для Грузии из-за членства Турции в Североатлантическом альянсе, так как развитие политических и военных контактов с Турцией может способствовать укреплению ее связи с НАТО.

После распада СССР тогдашний президент Турецкой Республики С. Демирель стал одним из первых глав государства, посетивших Грузию. В ходе его официального визита в июле 1992 г. были подписаны Договор о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве и Соглашение о торгово-экономических связях между Грузией и Турцией. Незадолго до этого страну посетил министр иностранных дел Турции Х. Четин, в результате визита которого были подписаны документы об установлении дипломатических отношений между Грузией и Турцией [1].

Учитывая стремление Турции укреплять свое влияние на Южном Кавказе, ее позицию в армянском вопросе, Грузия становилась для Турции ключевой страной. В сентябре 1993 г. в Аджарии с визитом побывал министр сельского хозяйства и легкой промышленности Турции Реффандина Шахина. Во время беседы с председателем Верховного совета автономной республики А. Абашидзе стороны обсуждали возможности сооружения в Аджарии завода по консервированию цитрусовых [2]. По сведениям СМИ, с октября 1993 г. по апрель 1994 г. Турция будет экспортировать в Грузию электроэнергию, оплату за которую департамент «Сакэнерго» начнет производить с 1997 г. [3]. В ноябре 1993 г. состоялась встреча временного поверенного в делах Турецкой Республики в Грузии Ахмеда Демиреля с личным и полномочным представителем главы грузинского государства в урегулировании конфликтов А. Кавсадзе и премьер-министром Грузии О. Пацация, на которой обсуждались вопросы, касающиеся перспектив дальнейшего развития турецко-грузинских отношений, путей урегулирования абхазского конфликта и открытия в Турции грузинского торгового центра [4].

В январе 1994 г. президент Э. Шеварднадзе подписал с Турцией ряд официальных документов, в частности соглашение о таможенных правилах, соглашения о сотрудничестве в области экономики, торговли и сельского хозяйства [5]. Между законодательными органами двух стран был подписан договор о сотрудничестве. В ходе визита Э. Шеварднадзе посетил

усыпальницу основателя современного турецкого государства К. Ататюрка [6].

На переговорах премьер-министра Турции Т. Чиллер с президентом Грузии Э.А. Шеварднадзе в августе 1995 г. в Тбилиси обсуждались проблемы двусторонних политических и экономических отношений, а также ситуация в регионе. В частности, стороны договорились о предоставлении Грузии отсрочки по выплате задолженности по кредиту в размере 50 млн. долларов. Для реализации программы создания совместных предприятий Турецкая Республика через «Эксимбанк» предлагала выделить на первом этапе 50 млн. долларов. Т.Чиллер подчеркнула, что турецкая сторона будет способствовать открытию второго таможенного пункта, так как он свяжет не только Грузию и Турцию, но и Турцию с Азербайджаном и Узбекистаном [7]. В ходе переговоров рассматривался проект, который предусматривал открытие железнодорожного сообщения по маршруту Турция-Грузия-Узбекистан. Была достигнута договоренность о сотрудничестве в энергетике, о совместном строительстве и эксплуатации гидроэлектростанции в Грузии. Особое внимание уделялось поддержке проекта сооружения нефтепровода по территории Грузии для перекачки каспийской нефти из Азербайджана в Турцию, а также газопроводу из Туркмении в Турцию. Турецкая Республика выразила готовность вложить 6,9 млн. долларов в проект, благодаря которому станет возможным установление устойчивой телефонной связи с республиками Закавказья. Турция собирается принять несколько десятков грузинских студентов для обучения в турецких вузах [8].

Новым важным этапом в грузино-турецких отношениях стал официальный визит Э.А. Шеварднадзе в Турцию в апреле 1996 г., в результате которого 4 апреля была подписана Совместная грузино-турецкая декларация. Оба президента выразили готовность приложить все усилия для установления мира на Кавказе и развития регионального сотрудничества. Грузия и Турция рассмотрели проект об обеспечении железнодорожного сообщения Карс-Тбилиси и решили принять соответствующие меры по установлению морских связей между их портами. Большой блок вопросов, обсуждавшихся на двусторонних переговорах, был связан с топливно-энергетической отраслью [9]. Было высказано обоюдное желание расширять сотрудничество по

привлечению иностранных инвесторов для развития туризма, а также взаимодействовать в сохранении экологического баланса региона в предотвращении последствий стихийных бедствий. В связи с задолженностью по турецкому кредиту в размере 50 млн. долларов грузинская сторона предлагала в течение пяти лет заморозить выплату долга, ограничившись выплатой процентных ставок, а в следующие пять лет выплатить основную часть накопившейся задолженности. По этому вопросу министр финансов Грузии Давид Якобидзе вел переговоры с турецкими коллегами в Казначействе Турции [10]. Своеобразным барометром грузино-турецких связей стало увеличение обмена почтовой корреспонденции, посылок благодаря подписанному соглашению между Министерством связи Грузии и Министерством связи и транспорта Турции. Предполагалось, что турецкие специалисты примут участие в модернизации системы связи г. Рустави.

«Имеющим большое значение» назвал подписание Соглашения о правовой взаимопомощи в области гражданских, семейных и уголовных дел министр юстиции Тедо Нинидзе. Подобные соглашения Грузия заключила с Россией, Украиной, Болгарией, Азербайджаном. По мнению уполномоченного президента Грузии в Месхет-Джавахетии Георгия Баранидзе, открытие таможенного пункта в районе Ахалцихе, который переводится с шестичасового режима работы на круглосуточный, должен был придать новый импульс развитию экономики края. Намечалось открытие еще одного пункта, объединение железнодорожных систем двух стран, что должно было ускорить этот процесс. По сообщению мэра Тбилиси Бадри Шошитайшвили, была заложена хорошая основа для реализации взаимовыгодных контактов с Анкарой, подписано соглашение о сотрудничестве между мэриями Тбилиси и Анкары, предусматривающее установление и углубление взаимовыгодных контактов в сфере экономики, городского хозяйства, науки, культуры, образования, здравоохранения, местного самоуправления [11].

Товарооборот между Грузией и Турцией за период с 1992 по 1996 гг. вырос в три раза. Его сумма превысила 516 млн. 201 тыс. долларов (22% товарооборота страны). В 1996 г. в Грузии работало свыше 100 турецких фирм и компаний [12]. К 1999 г. Турция вытеснила Россию в качестве главного торгового партнера

Грузии, при этом «турецкая» доля составила 30% всей внешней торговли Грузии. Буквально за несколько лет Турция вышла на первое место в экспортно-импортных операциях. Деловые круги обеих стран проявляли заинтересованность в расширении сотрудничества, примером чего стало заседание Комитета внешнеэкономической связи – ДЕЙКа, созданного представителями частного сектора экономики и поддерживаемого государством. Заседание было специально приурочено к визиту Президента Грузии. Э. Шеварднадзе призвал турецких бизнесменов активно сотрудничать с грузинскими партнерами в рамках крупных проектов, напомнил, что турецкие предприниматели уже имеют опыт поставок пшеницы и муки в Грузию. В республике для импорта зерна была создана благоприятная обстановка, сняты таможенные барьеры. Благодаря подписанному в Анкаре соглашению создана упрощенная система визового режима [13].

Грузино-турецкая межреспубликанская экономическая комиссия начала работу 28 января 1997 г. в Тбилиси. Сопредседателями комиссии являлись министр сельского хозяйства и продовольствия Грузии Бакур Гулуа и государственный министр Турции Ахмет Демирджан. По словам госминистра Грузии Нико Лекишвили, главной задачей встречи являлось развитие торгово-экономических связей двух соседних стран. В свое время турецкий «Эксимбанк» предоставил Грузии кредит в 50 млн. долларов, который почти полностью освоен, энергетики Турции выделили 1,5 МВт электроэнергии. При этом Ахмет Демирджан сообщил, что «хотя торговые связи между двумя странами развиваются, весь потенциал в этой области используется все-таки не до конца» [14]. Начало строительства железной дороги Карс-Ахалцихе было названо одним из важных достижений грузино-турецкого сотрудничества. «Турецкие фирмы хотели бы активно участвовать в строительстве нефте- и газопровода через территорию Грузии, в проектах реабилитации дорог и портов, а также в возрождении гостиничного бизнеса. Перспективными являются и совместные проекты в цементном производстве и сельском хозяйстве» – отметил госминистр Турции Ахмет Демирджан. По его словам, общий объем проектов, которые в настоящее время реализуют в Грузии турецкие компании, составляет 52 млн. долларов. На встрече отмечалось,

что в ближайшее время намерен открыть свое представительство в Тбилиси Торговый банк Турции. В Грузии планировалось провести первую турецкую выставку-ярмарку [15].

6 мая 1997 г. в Аджарию с официальным визитом прибыл чрезвычайный и полномочный посол Турецкой Республики в Грузии Тефпик Окиауз. На следующий день посла принял председатель Верховного совета автономной республики Аджария Аслан Абашидзе. В ходе беседы были обсуждены вопросы дальнейшего укрепления добрососедских отношений Грузии и Турции, экономического сотрудничества, развития туризма [16]. В программе пребывания в Аджарии чрезвычайного и полномочного посла Турецкой Республики в Грузии было запланировано посещение и осмотр совместных предприятий по производству домостроительной продукции, катеров нового типа, Грузинского морского банка, встреча с председателем Совета министров Аджарии Автандилом Горгиладзе, парламентариями Аджарии в Генеральном консульстве в г. Батуми [17].

В сентябре 1997 г. Турецкая Республика предоставила Грузии два береговых охранных катера, а также дала согласие на подготовку грузинских пограничных войск и на обучение грузинских офицеров в турецких военных школах.

В ходе визита тогдашнего министра энергетики в Турцию в 1997 г. был подписан двусторонний протокол, касающийся вопросов урегулирования задолженности грузинской стороны по электроэнергии за период с 1990 по 1997 гг. в размере 1,7 млрд. КВтч [18].

В январе 1998 г. заместитель министра иностранных дел Турции М.А. Иртемджели посетил Грузию и заявил о ее готовности оказать помощь в формировании грузинских пограничных войск, в предоставлении техники и в профессиональной подготовке кадров для грузинских пограничных войск. В марте 1998 г. Грузию с официальным визитом посетил премьер-министр Турции М. Йылмаз. Он встречался с представителями деловых кругов страны, принял участие в церемонии присвоения одной из улиц Тбилиси имени Анкары, а также открытии турецкого банка «Имлек» и представительства компании «Турецкие авиалинии» [19].

Важным событием на пути укрепления грузино-турецких отношений стало открытие нефтепровода Баку-Супса 9 апреля

1998 г., окончательно определившего протурецкий вектор в политике Грузии. С точки зрения военного сотрудничества примечателен также подписанный 15 апреля 1998 г. Меморандум о взаимопонимании в вопросах военного сотрудничества между представителями Министерства обороны Грузии и Генштаба вооруженных сил Турции во главе с генералом И. Карадаи. В нем зафиксирована идея «стратегического» военного партнерства между Тбилиси и Анкарой. Этот документ предусматривает предоставление суммы в размере 2 млн. долларов для формирования материально-технической базы и подготовки кадров грузинских вооруженных сил, проведения военных учений и контактов между различными видами войск.

Особое внимание в ходе переговоров было уделено сотрудничеству военно-морских сил обеих стран, так как для Грузии важно обеспечить безопасность ее морских границ. 50 офицеров из Грузии пройдут обучение в турецких военных училищах. В Гори будут реконструированы казармы, которые станут готовить грузинские «голубые каски» для участия в миротворческих операциях в составе международных контингентов.

Совместные учения ВМС Грузии и Турции «Кавказская Амазония 98» проходили в апреле 1998 г. и имели формальной целью отработку действий по обнаружению судов, терпящих бедствие в открытом море. На самом деле речь шла о подготовке мероприятий по обеспечению безопасности южного маршрута транспортировки каспийской нефти [20].

В мае 1998 г. в ходе 4-дневного визита председатель грузинского парламента З. Жвания встретился с президентом Турции С. Демирелем, руководителями парламента и правительства для обсуждения перспектив развития межпарламентских связей, а также двусторонних политических, экономических и культурных связей.

Заметную роль в расширении и укреплении всестороннего сотрудничества между Грузией и Турцией сыграл визит в феврале 1999 г. в Анкару грузинской правительственной делегации во главе с Э.А. Шеварднадзе. В ходе состоявшихся переговоров затрагивался широкий круг проблем двустороннего и регионального сотрудничества, а также реализации транспортно-коммуникационных проектов [21].

Турция была готова профинансировать строительство новой железной дороги от Карса до Ахалкалаки, а в дальнейшем перевозить по этой дороге в железнодорожных цистернах до 20 млн. тонн нефти. Президенты Турции и Грузии поддержали намерение Туркмении проложить трубопровод по дну Каспийского моря для транспортировки туркменского газа в Грузию и Турцию. На финансирование этого проекта были нужны средства в размере 3 млрд. долларов. Анкара обещала Грузии материальную помощь в охране сухопутных и морских границ[22].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что грузино-турецкие отношения связаны со стратегическими планами Турции относительно Закавказья. Они начали приобретать особенно тесный характер по мере того, как территория Грузии стала рассматриваться как важный транзитный путь для каспийской нефти и газа.

Примечания

1. Свободная Грузия. 1992. № 66. 23 мая.
2. Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 209. Оп. 1. Д. 7. П. 2. Л. 46.
3. АВП РФ. Ф. 209. Оп. 1. Д. 7. П. 2. Л. 97.
4. АВП РФ. Ф. 209. Оп. 1. Д. 7. П. 2. Л. 143.
5. Визит Шеварднадзе в Грузию // Коммерсантъ. 1994. №003. 13 января. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/68541>(дата обращения: 09.09.2016).
6. Визит был успешным // Вечерний Тбилиси. 1994. № 3. 15 января.
7. АВП РФ. Ф. 209. Оп. 3. Д. 4. П. 9. Л. 118–119.
8. *Гваршвили Г.Л.* Грузия и Европа. Развитие связей Грузинского государства с европейскими странами и международными организациями: дисс... канд. полит. наук.: 23.00.04. М., 1999. С. 146.
9. Тбилиси-Анкара: диалог ради согласия // Свободная Грузия. 1996. № 51. 6 апреля.
10. Там же.
11. Там же.
12. *Гваршвили Г.Л.* Указ. соч. С. 149–150
13. Тбилиси–Анкара: диалог ради согласия // Свободная Грузия. 1996. № 51. 6 апреля.
14. Свободная Грузия. 1997. № 11. 28 января.
15. Там же.
16. АВП РФ. Ф. 209. Оп. 5. Д. 4. П. 15. Л. 225.
17. Свободная Грузия. 1997. № 54-55. 8 мая.

18. Грузия рассчитается с Турцией за электроэнергию в течение 20 лет // Вестник Кавказа. URL: <http://vestikavkaza.ru/news/Gruziya-rasschitaetsya-s-Turtsiye-za-elektroenergiyu-v-techenie-20-let.html> (дата обращения: 08. 09. 2016).
19. Независимая газета. 1998. № 43. 13 марта.
20. Независимая газета. 1998. № 58. 12 мая.
21. *Кареев Э.Т.* Внешнеполитические ориентации стран Южного Кавказа в постсоветский период: дисс...канд. полит. н.: 23.00.04. М., 2008. С. 110–111.
22. *Гваршивили Г.Л.* Указ. соч. С. 148.

Сведения об авторах

Баранов Андрей Владимирович – профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета, доктор политических наук, доктор исторических наук (г. Краснодар, Россия).

Барбарунова Зоя Александровна – независимый исследователь, выпускник исторического факультета МГУ и аспирантуры Института археологии АН СССР (г. Прага, Чехия).

Богатырёв Арсений Владимирович – преподаватель Поволжского православного университета имени Святителя Алексия, митрополита Московского и Гуманитарного колледжа г. Тольятти, кандидат исторических наук (г. Тольятти, Россия).

Вартаньян Эгнара Гайковна – профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета, профессор, доктор исторических наук (г. Краснодар, Россия).

Ващенко Александр Владимирович – декан факультета истории, социологии и международных отношений КубГУ, кандидат исторических наук, доцент (г. Краснодар, Россия).

Власкина Татьяна Юрьевна – научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Гаврилов Илья Дмитриевич – студент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

Захаревич Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент (г. Ростов-на-Дону, Россия).

Кучер Надежда Сергеевна – студентка исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

Матвеев Олег Владимирович – профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, профессор, доктор исторических наук (г. Краснодар, Россия)..

Мерсалова Полина Геннадьевна – магистрант факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Россия).

Миланова Сашка Григоровна – доцент, доктор исторических наук Института исторических исследований Болгарской Академии наук (г. София, Болгария).

Николаенко Роман Александрович – преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Россия).

Самохин Александр Анатольевич – доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета, кандидат исторических наук (г. Краснодар, Россия).

Самсонова Лариса Олеговна – доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета, кандидат исторических наук (г. Краснодар, Россия).

Сергиенко Виктория Сергеевна – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Россия).

Ткачева Татьяна Олеговна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и дипломатии Кубанского государственного университета, кандидат исторических наук (г. Краснодар, Россия).

Узлов Юрий Андреевич – преподаватель кафедры истории России Кубанского государственного университета, кандидат исторических наук (г. Краснодар, Россия).

Шаповалов Сергей Николаевич – преподаватель кафедры истории России Кубанского государственного университета, кандидат исторических наук (г. Краснодар, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>Вартаньян Э.Г., Матвеев О.В.</i>).....	3
Раздел I. Турция и славяне: стереотипы, контактные зоны, историко-культурные взаимосвязи	
<i>Матвеев О.В.</i> «Стамбул гяуры нынче славят...»: Турция и славянский мир в зеркале взаимных представлений.....	5
<i>Богатырев А.Г.</i> Хотинская битва 1673 г. в донесениях В.М. Тяпкина.....	16
<i>Гаврилов И.Д.</i> Положение Македонии в Османской империи глазами Х. Гроте.....	22
<i>Самсонова Л.О.</i> Сарыкамышская битва во взглядах турецких историков.....	31
<i>Узлов Ю. А.</i> Османская империя и русское государство в истории Северного Кавказа.....	35
<i>Власкина Т.Ю.</i> Устноисторический потенциал речевых контекстов словаря говора казаков-некрасовцев.....	43
Раздел II. Из истории славяно-турецких взаимоотношений	
<i>Шановалов С.Н.</i> Крепость Тамань в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг.: между Россией и Турцией.....	52
<i>Захаревич А.В.</i> Донские казаки в отражении турецкой вылазки из Шумлы 14(26) августа 1828 года.....	60
<i>Кучер Н.И.</i> Отношения России и Турции в период великого Восточного кризиса 1875–1878 гг.	66
<i>Барбарунова З.А., Коваленко Е.С.</i> Бои на Персидском фронте по воспоминаниям хорунжего Кубанского казачьего войска Антона Черного (1915–1917 гг.).....	71
<i>Миланова С.Г.</i> Съветските претенции из ревизия на конвенцията от Монтрьопрез 40-те години на XX век.....	80
<i>Николаенко Р.А.</i> Дезинтеграционные процессы в Югославии в 1980-е – начале 1990-х гг.	90
Раздел III. Турция и славянские страны в современном мире	
<i>Вартаньян Э.Г.</i> Российско-турецкие отношения: опыт и перспективы сотрудничества (1992 –2016 гг.).....	105
<i>Баранов А.В.</i> Влияние Турции на постмайданную Украину: внешнеполитический и военный аспекты.....	117
<i>Самохин А.А., Мерсалова П.Г.</i> Особенности политики Турции на постюгославском пространстве (1990-е – 2000-е гг.).....	126

<i>Ткачева Т.О.</i> Внешнеполитические интересы Турции на Балканах (начало XXI в.).....	133
<i>Ващенко А.В.</i> Турция: анализ региональной политики в конце XX – начале XXI в.	138
<i>Сергиенко В.С.</i> Сотрудничество Грузии и Турции в 1992–2000 гг.: экономический и военно-политический аспекты.....	154
Сведения об авторах	163

Научное издание

**ТУРЦИЯ И СЛАВЯНСКИЙ МИР: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ**

Материалы Международной научно-практической
конференции
(28 октября 2016 г., г. Краснодар)

Подписано в печать Формат 60×84/16.

Печать цифровая. Усл. печ. ед. 10,4 Тираж 100 экз.

Заказ №